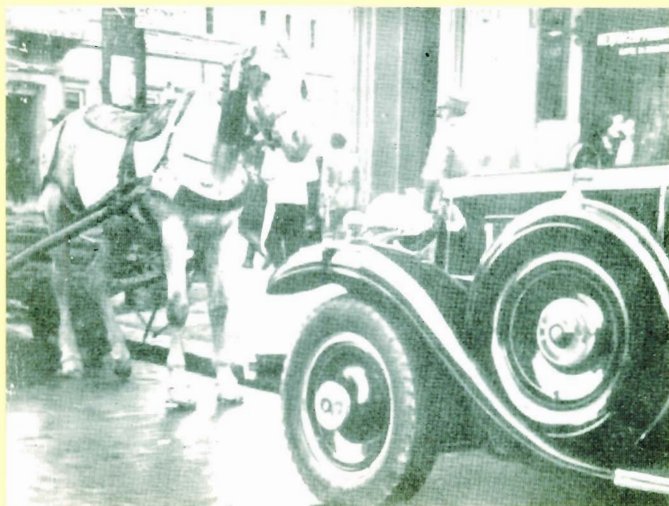

Человек на Балканах и процессы модернизации

●
Синдром отягощенной наследственности
(последняя треть XIX — первая половина XX в.)

Алетейя
2004

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения

Человек на Балканах и процессы модернизации

Синдром отягощенной наследственности
(последняя треть XIX — первая половина XX в.)

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2004

УДК 94(4-13):316.3
ББК 63.3(4)
Ч39

Рецензенты:

доктор исторических наук *М. А. Васильев*
кандидат исторических наук *Р. Н. Игнатьев*

Отв. редактор

доктор исторических наук *Р. П. Гришина*

Ч39 Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.): Сб. статей. — СПб.: Алетейя, 2004. — 192 с.

ISBN 5-89329-729-6

В работе коллектива авторов на примере балканских стран (Сербии—Югославии, Болгарии и Греции) исследуются некоторые аспекты трансформации традиционного общества в индустриальное, с учетом первоначально низкой степени его готовности к вступлению на путь модернизации и особенностей мироощущения и ментальности балканских народов. Попытки созданных в XIX веке балканских государств, являвшихся сугубо аграрными, с неполной социальной структурой и зависимыми внешнеполитически, подключиться в последней трети XIX — первой половине XX в. к общеевропейскому модернизационному процессу анализируются на базе общей теории модернизации и ее ответвления в виде теории модернизации «другой Европы».

Для историков и всех интересующихся особенностями модернизационного процесса, связанного с ломкой социальной структуры общества и стратегией «догоняющего развития» (независимо от того, Балканы это или Россия).

УДК 94(4-13):316.3
ББК 63.3(4)

Фотография на обложке взята из монографии: *Marković P.* Beograd i Evropa. 1918–1941. Beograd, 1992.

ISBN 5-89329-729-6

© Коллектив авторов, 2004
© Институт славяноведения РАН, 2004
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2004
© «Алетейя. Историческая книга», 2004

Предисловие

Обращение к теории модернизации, получившей в 50–60-е годы XX века признание в кругах обществоведов многих стран, важно и для современных ученых-балканистов. Она делает, на наш взгляд, возможным приблизиться к ответу на вопрос о причинах, обусловивших невысокое место балканских государств в европейской экономической и политической системе конца XIX — XX столетия и не позволивших им, несмотря на все усилия, существенно повысить сложившийся статус, преодолеть традиционное отставание.

Как всякая теория, концепт модернизации является некоей умозрительной условностью и не может служить прописью для конкретных действий. Но возникшая на основе *практического опыта* ряда «продвинутых» европейских государств, создавших своего рода идеал *западноевропейской цивилизации*, она позволяет выявить некоторые тактические приемы для достижения *цивилизационного успеха*, определить его составляющие и в то же время осознать всю проблематичность самих модернизационных процессов, их соотношение с «прогрессом человечества», человеческое измерение цены, которую приходится платить за них, а также иметь в виду, что и сама модель западноевропейской цивилизации находится в постоянном движении и изменении и не является чем-то законченным и застывшим¹.

Технологический отрыв Запада от Востока, приобретший к началу XX века почти абсолютные формы и восприятие Запада вследствие этого многими политиками и учеными в качестве особой, «всемирной» цивилизации, превосходящей все другие общества², поставил проблемы буржуазной модернизации практически в каждой стране.

С точки зрения общего направления развития общества процесс модернизации понимается как переход от состояния традиционности и архаичности к цивилизации западноевропейского уровня. Но было бы неправильно видеть в нем простое линейно-поступательное движение, пишет отечественный философ В. И. Пантин, поскольку сам процесс носит волно-

¹ Эволюция политических институтов на Западе. Предисловие. М., 1999. С. 3–4.

² Никифоров К. В. Парламентаризм в Сербии в XX в. // Славяноведение. 2004. № 3. С. 8.

образный характер, претерпевает свои приливы и отливы, чередование реформ и контрреформ¹.

Проблем на этом пути в каждой стране возникает великое множество. Сам по себе процесс весьма длителен, растягивается на десятилетия и века и вряд ли имеет исторически обозначенный конец, когда можно сказать: «Всё, дело сделано!» Его внутренняя противоречивость выражается то в быстром наборе темпа преобразований, то во вдруг резкой остановке, отклонении в сторону или упорном сохранении традиционности в качестве довлеющего фактора. В последнем случае общественная «платформа», на которой «модернизаторская элита» пытается возводить здание более высокой цивилизации, разжижается, приобретает болотистый, «текучий» характер. Масштабное и многостороннее влияние традиционности на все новое, что происходит в обществе, лишает внутренней динамики процесс социальной трансформации, и он в результате может ограничиться лишь некоторым обновлением декораций или остановиться на тиражировании неких первоначально достигнутых успехов и укреплении господства слабых, промежуточных форм буржуазной модернизации.

С похожими сложностями столкнулись страны Балканского полуострова, для которых начало модернизационных процессов принято приурочивать примерно к середине — последней трети XIX века. Некоторые вопросы проблематики модернизации на Балканах были затронуты в сборнике статей «Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в.» (СПб., 2002), а затем в последующих разработках А. Л. Шемякина и ряда других авторов. В числе прочих рассматривался весьма важный вопрос о предварительных условиях (предусловиях) модернизации, от которых в конечном счете зависит степень успешности последующего развития страны.

Проблемы модернизации активно изучаются в настоящее время в историографии балканских стран, где уже создана довольно значительная литература по этой тематике. Одной из ее отличительных черт стало отражение актуальной политической тенденции «Войти в Европу!», которая возникла после развала европейской социалистической системы. Для этого акцентируются исторические сюжеты традиционной «кровной» связи с западными странами (как прежде с Россией), приверженности политике либерализма и демократии и т. п.

Предлагаемое вниманию читателя исследование имеет главным образом постановочный характер и является своего рода заявкой на продолжение изысканий в этом направлении. С ограниченностью исследовательских задач на данном этапе связано сосредоточение внимания авторов не на всех, а лишь на некоторых Балканских странах (а именно на Сербии-Югославии, Болгарии и Греции); тем не менее уже они дают достаточно мате-

¹ Пантин В. И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М., 1997. С. 5.

риала, чтобы говорить о некоторых особенностях Балканского региона в целом. Предложенные статьи, различаясь по стилю изложения, внутренне связаны единством методологического подхода авторов.

Одной из главных исследовательских задач было выявить основные, принципиальные факторы, способствовавшие успеху модернизации или тормозившие ее ход в той или иной из Балканских стран, и приблизиться таким образом к пониманию внутренних механизмов модернизационных процессов в Балканском регионе. Другой важной задачей было выявить качества «человеческого материала» на Балканах, ментальности людей, вступающих или вовлекаемых в процесс модернизации, их восприимчивость к новому, к обучению, адаптивные и мобилизационные возможности и т. п. На необходимость учитывать эту сторону явлений обращает специальное внимание В. И. Пантин, отмечая, что «сложность и масштабность модернизационного процесса нигде не проявляется так ярко, как в сфере внутреннего мира человека, в психологических стрессах и перестройках», когда психология коллективизма, настроения социальной поддержки сменяются психологией самостоятельной, самодеятельной индивидуальности, ибо старый «человеческий материал» не в состоянии быть социокультурно-адекватным при новых правилах бытия¹. Не менее важным представляется другое его замечание: эта переходная стадия заняла в Западной Европе более ста лет — от Реформации до Вестфальского мира!

Научный подход к процессам модернизации на Балканах требует обращения к праистории. Мы уже говорили о Ното balkanicus традиционного общества и о «матрице традиционализма», определявшей его образ жизни на протяжении веков, почти до рубежа XIX—XX столетий². С этим социально-психическим багажом человек на Балканах пришел к началу буржуазной модернизации. Новое время показало, что многие свойства традиционализма, несмотря на их определенное с течением времени размывание и на ослабление давления матричной детерминированности, оказались такой силы, что во многом стали диктовать образ и характер модернизационных процессов в регионе. В таком видении мы не одиноки. Изучая сложности и вариации процессов модернизации в разных странах и даже континентах, американский исследователь Ш. Н. Эйзенштадт, отмечал, что модернизация не может в принципе полностью «перемолоть» традиционность и именно последняя во многом предопределяет ход и черты самой модернизации, в то время как приверженность общества собственным традициям действует в качестве стабилизирующего фактора³.

Укажем на некоторые свойства «балканской матрицы», важные для понимания проблемы. Во-первых, это тип культуры, связанный с землей, ее использованием, и — что очень существенно — с сохранением баланса

¹ Пантин В. И. Указ. соч. С. 92.

² Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002, С. 8–9.

³ См.: Пантин В. И. Указ. соч. С. 79.

человек — природа, а также с отсутствием у человека потребности производить не только ради дня насущного, но и для будущего (земледельческий тип культуры). Болгарский исследователь Р. Аврамов считает, что все экономическое мироздание Болгарии держалось на аграрном цикле (природной цикличности) настолько тесно, что с ним были связаны даже ритмы вступления страны в войны, а именно — после завершения сельскохозяйственных работ¹. Со своей стороны могу добавить, что такой же цикличности придерживались болгарские коммунистические лидеры при планировании вооруженных восстаний в 1920-е гг.

Во-вторых, социальная организация общества, ориентированного на коллективизм и патернализм, отсутствие выделенной персональности (индивидуальности). В-третьих, такие свойства ментальности, как природный (бытовой) демократизм, идеализм, романтизм. В-четвертых, отсутствие массового образования. Наконец, полиэтничность, сохраняющаяся практически до наших дней². Все эти черты были неразделимо связаны между собой. И в новую эпоху, когда «капитализм превратил историю во всемирную»³, оказалось, что их конгломерат не мог не стать своего рода камнем преткновения на пути успешного развития процессов модернизации с ее индустриализацией, культом индивидуализма, строительства нации и национального государства, с ее идеологией национализма.

Процесс модернизации затрагивает все области жизни общества — политическую, экономическую, социальную, культурную, и авторы, естественно, стремились подойти к проблеме комплексно, накапливая прежде всего эмпирический материал по странам Балканского региона и анализируя его на базе общей теории модернизации и ее ответвления в виде теории модернизации «другой Европы». Верхней хронологической рамкой нашего исследования является середина XX века: годы Второй мировой войны стали своеобразным водоразделом в развитии общественных систем в мире в целом и на Балканах в частности, в том числе и в отношении модернизационных процессов, изменения и усложнения их характера, появления существенно новых черт.

Работая над текстом, авторы стремились использовать новейшие теоретические разработки темы, а также привлечь максимально возможный конкретный источниковый материал по странам; не уходили от сложных или недостаточно разработанных вопросов, стремились выработать собственную точку зрения по дискуссионным проблемам, в ряде случаев предлагали свое толкование или формулировки.

¹ Аврамов Р. Стопанският XX век на България. София, 2001. С. 50.

² Топоров В. Н. Балканский макроконтекст и древнебалканская нео-энеолитическая цивилизация (общий взгляд) // Материалы к VI международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София. 30 авг. — 6 сент. 1989. Лингвистика. С. 10; Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 36–37.

³ Федотова В. Г. Указ. соч. С. 53.

Авторы будут благодарны читателю за все возможные замечания, критические мнения, дискуссионные высказывания и т. п.

Работу выполнили сотрудники Института славяноведения РАН д. и. н. Р. П. Гришина, д. и. н. А. Л. Шемякин, к. и. н. А. А. Силкин и сотрудник Института всеобщей истории РАН д. и. н. Ар. А. Улунян.

Научно-организационную подготовку рукописи к печати осуществила М. И. Леньшина (Институт славяноведения РАН).

Р. П. Гришина

Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских

Обретение Сербией независимости в 1878 г. совпало с серьезным сдвигом в европейском цивилизационном процессе — «в своих очагах цивилизация Нового времени переставала восприниматься как прогресс; духовное самоуглубление стало подменяться физическим и территориальным расширением»¹. Речь идет о том, что завершение промышленной революции и окончательная национально-политическая консолидация (объединение Германии и Италии, установление в большинстве стран буржуазно-парламентских режимов) сделали Европу тесной для предприимчивого западного духа, развязав и направив вовне его энергию. После 1875 г., констатировал А. Тойнби, «индустриальная система начала резко наращивать свою активность, так что размах ее деятельности обрел глобальный характер...»² Те же факторы сформировали и устойчивое представление Запада о себе как носителя цивилизующей миссии (двоеобразную «презумпцию цивилизационного превосходства»³), следствием чего стал навязчивый экспорт западной парадигмы на периферии — открытые захваты и грабеж колоний, усилившись сами по себе, сопровождалась теперь «воспитанием» покоренных народов и насаждением среди них *единственно верных* ценностей^{4*}. Ставилась задача: «не заглядывая глубоко им в душу, заставить их принять формы своего мышления, своей веры, своего обще-

¹ Гордон А. В. Новое время как тип цивилизации. М., 1996. С. 18.

² Тойнби А. Постижение истории. М., 1991. С. 19. См. также: От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. М., 1998. С. 369.

³ Гордон А. В. Новое время как тип цивилизации. С. 45.

⁴ См.: Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов н/Д, 1999. С. 83–122; Ивин А. А. Философия истории. М., 2000. С. 137.

* По оценке Эрнста Трельча, «в европейском сознании всегда присутствует завоеватель, колонизатор, миссионер» (Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 608).

ственного устройства»^{1*}. Таким образом, в последней четверти XIX в. Европа инициировала первую волну *глобализации*, т. е. «универсализации развития по модели центра»².

Балканские народы и государства, которые, по словам Э. Хобсбаума, «можно было назвать *европейскими* лишь из вежливости»³, подлежали «цивилизации» в первую очередь, поскольку уход теряющей силы Турции из центральной части полуострова как бы возвращал их в Старый Свет. Роль *наставника* в этом деле предназначалась Австро-Венгрии, тем более что и полигон для экспериментов (переданные ей в управление Босния и Герцеговина) находился совсем рядом. Механизм реализации проекта «австро-венгерских Балкан» на примере Сараево детально исследован в работе С. Терзича⁴. Сербии был уготован схожий путь. Особенно если иметь в виду то место, какое в своих геополитических планах отводили ей стратеги с Балль-Платца. Ведь как справедливо заметил Б. Мур, «определяющие факторы политики малых стран находятся вне их границ»⁵. И, думается, не только политики, но и развития вообще.

Мощный внешний импульс был «уловлен» и в столь же императивной форме ретранслирован прозападной частью сербской элиты. Осенью 1880 г. «безусловный» прежде русофил⁶ князь Милан Обренович открыто перешел на австрофильские рельсы, связав судьбу страны и династии с Веной. Тем самым он четко обозначил свое намерение втянуть Сербию в Европу. Призванный им к власти кабинет прогрессистов (напредняков) во главе с Миланом Пирочанцем, этим первым подлинным сербским «западником»⁷, и попытался осуществить такой «прыжок из балканского мрака на евро-

¹ Розанов В. В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 147.

² Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 119.

³ Хобсбаум Э. Век империи... С. 27.

⁴ Терзич С. Проект «Аустро-Угарског Балкана» у Босни и Херцеговини // Босна и Херцеговина. Од средњег века до новијег времена (Зборник радова). Београд, 1995. С. 407–423.

⁵ Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy // Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1967. P. XIII.

⁶ Руска политика и српски владари (Последњи речи краља Милана) // Тодоровић П. Огледало. Зраке из прошлости. Приредила Л. Перовић. Београд, 1997. С. 626–627; Краљица Наталија Обреновић. Моје успомене. Приредила Љ. Трговчевић. Београд, 1999. С. 88.

⁷ См.: Перовић Л. Милан Пирочанац — западняк у Србији 19. века // Србија у модернизацијским процесима 19. и 20. века. Књ. 3. Улога елита. Београд, 2003. С. 11–72.

* В марте 1878 г. лорд Литтон выступил в Индии с поистине знаковой речью. В ней он сообщал индусам о цивилизующей миссии Британии, несущей в Индию идеи свободы и личного достоинства. Впервые Запад говорил в таком тоне: «Мы стоим во главе гигантской революции — величайшей и наиболее важной социально, морально и религиозно, а также политически; революции, которую, может быть, мир никогда не видел прежде» (цит. по: Федорова В. Г. Модернизация «другой» Европы. С. 52). Эта революция — вестернизация.

пейский свет»¹. По точной оценке американского историка М. Б. Петровича, напредняки («сербские виги», как он их называет) «смотрели на все западными глазами»^{2*}.

Понятно, что брошенный так явно вызов не мог остаться без ответа, и это вносило в развитие Сербии черты неведомой ранее биполярности. Стремление правительства «европеизировать» страну скорым кавалерийским наскоком — т. е. «насадить в ней европейскую культуру»³ или «сейчас же втиснуть естественный строй сербского государства в нормы чисто европейские»⁴, как писали русские очевидцы, — вызвало резкий протест со стороны оппозиции, принадлежавшей к Народной радикальной партии. Отрицая универсальный характер пути Европы и ее образцов, радикалы во главе с Николой Пашичем провозгласили в качестве главной задачи защиту сербской самобытности, каковую они отождествляли с только что завоеванной свободой. «Мы совсем не бережем того, — писал их лидер в конце 80-х гг., — что серба делает сербом, но, следуя моде, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы...»^{5**}

Перипетии внутреннего противостояния в Сербии хорошо известны. Более важным в данной связи представляется то, что в своем стремлении «преодолеть пространство истории в самые сжатые сроки»⁶ реформаторы-напредняки так и остались в меньшинстве. «Негативную позицию по отношению к модернизации государства на европейский манер, — подчеркивает В. Дворникович, — занял сам его основатель и главный столп — шумадийский крестьянин»⁷. Радикалы же, с ходу отвергавшие все проекты реформ, напротив, заручились поддержкой масс. Строя свою охранительную доктрину на базе прочно укорененной в народном сознании патриар-

¹ *Мијатовић Б.* Основни погледи напредњака и радикала током 80-тих година XIX века // Српска политичка мисао. Београд, 1996. Бр. 1–4. С. 256.

² *Petrovič M. B.* A History of Modern Serbia. 1804–1918. Vol. 2. N. Y. & Lnd., 1976. P. 416.

³ *Овсяный Н. Р.* Сербия и сербы. СПб., 1898. С. 90.

⁴ *Кулаковский П. А.* Сербия в последние годы // Русский вестник. 1883. № 4. С. 762.

⁵ Архив Српске Академије Наука и Уметности (далее — АСАНУ). Пашићеве хартије. Бр. 14615-1-27.

⁶ *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 270.

⁷ *Дворниковић В.* Карактерологија Југословена. Београд, 1939. С. 862.

* П. А. Кулаковский оставил в своем дневнике беглую зарисовку М. Пирочанца: «Он всюду старается заговорить по-французски, как бы хвастая тем, что он может говорить на этом языке, что он светский и т. д.» (Отдел рукописей Института русской литературы РАН — Пушкинского Дома (далее — ОР ИРЛИ). Ф. 572. Д. 1. Л. 13).

** Даже на парламентскую трибуну Н. Пашич выходил в полудеревенской суконной блузе и тяжелых грубых сапогах. При этом он носил длинную, до середины груди, бороду (*Казимировић В.* Никола Пашић и његово доба. 1845–1926. Београд, 1990. Књ. 1. С. 13).

хальности, они и выразили «негативную позицию» сербского селяка — неприятие им структурных изменений общества и государства, которые могли бы нарушить самодостаточное равновесие его традиционного бытия в системе статичного аграрного мира. В свое время Й. Цвиич удивительно тонко заметил: «Сербский радикализм* — явление настолько же этно-психологическое, насколько и политическое»¹.

Таким образом, в основе внутрисербского конфликта лежало отношение к Европе и ценностям европейской цивилизации. «Либеральная идея и традиция» — эта сквозная дихотомия определяла все зигзаги истории Сербии в правление двух последних Обреновичей**. Она порождалась амбивалентным характером социума, «разрывавшегося» между патриархальностью (т. е. *закрытым* его типом как формой самоорганизации и выживания сербов под игом турок) и началами модернизации².

* * *

Но что же представляло собой сербское общество на рубеже веков и почему мы называем его традиционным, или закрытым? Его главными особенностями были следующие.

Во-первых, аграрный характер. До Первой мировой войны доля крестьянства в структуре населения Сербии никогда не опускалась ниже 87%³. Кроме того, ее компактно-континентальное положение создавало *стерильную* экономическую модель — без вкраплений иных общественно-хозяйственных типов. Например, морского, особенно характерного для Греции.

¹ Цвијић Ј. Јединство и психички типови динарских јужних словена. Београд, 1999. С. 64.

² Перовић Ј. Српски социјалисти XIX века. Београд, 1995. Књ. 3. С. 10; Шемјакин А. Л. Либерална идеја и традиција: унутрашња борба у Србији у првој деценији независности // Српска политичка мисао. Београд, 1997. Бр. 1–2. С. 119–136.

³ См.: Ђорђевић Д. Српско друштво 1903–1914 // Марксистичка мисао. 1985. Бр. 4. С. 126.

* Термины «радикализм», «радикал» и «радикальный» мы используем как производные от понятия *Народная радикальная партия*, т. е. в идеологическом ключе. Термины «радикальный» и др. — в смысле *крайний* или *экстремистский* — в данной работе вообще не употребляются.

** Современный сербский социолог Любиса Деспотович придает данному противоречию культурологическое звучание: «В конечном итоге, это было столкновение двух социокультурных вариантов развития Сербии — одного, в котором доминировал *руральный культурный образец*, с лежавшими в его основе традиционной системой ценностей и коллективистским менталитетом, и другого — *современного, урбанистического и индивидуалистического (можно сказать, даже элитистского)* типа культуры, каковой не считал нужным вступать в коммуникацию со средой, не воспринимавшей этот культурный образец, как свой...» (Деспотовић Јб. Српска политичка модерна. Србија у процесима политичке модернизације 19. века. Нови Сад, 2003. С. 193).

Во-вторых, выраженный эгалитаризм. Крестьяне были наделены землей достаточно равномерно, вследствие чего расщепление интересов в их среде шло крайне медленно. Важно и то, что в результате радикального решения аграрного вопроса в 1835 г. они являлись собственниками своих наделов.

И в-третьих, этническая и конфессиональная однородность. До 1912 г. Сербия являлась практически мононациональным государством; а свыше 98% ее граждан исповедовали православную веру¹.

К этому добавим и неполную социальную структуру. Сербское общество было исторически лишено аристократической и буржуазной надстроек. В нем имелось как бы два полюса: с одной стороны, малочисленная (вышедшая из «низов») элита; с другой, однородная крестьянская масса — главный хранитель ценностей традиционного сознания. Пролетариат как отдельная группа также отсутствовал. На рубеже веков в стране (из более чем двух миллионов жителей) насчитывалось всего 4 тысячи «промышленных рабочих»².

Городские жители, доля которых в населении Сербии составляла 12%, так и не смогли консолидироваться в мещанское сословие (т. е. стать носителями буржуазности)*, но на протяжении всего периода независимости оставались весьма размытой категорией. «Как трудно было сказать, где кончается сельская тропа и начинается городская улица, — указывает академик М. Экмечич, — так же мало кто мог определить, где проходит граница между крестьянином и жителем города»³. То же самое отмечали и русские путешественники: «Значительная часть горожан по роду занятий мало чем отличается от поселян... Из трех горожан двое тоже живут земледелием и скотоводством»^{4**}. В Пожаревце, например, в 1896 г. имелось 800 ло-

¹ Борђевић Д. Српско друштво 1903–1914. С. 127.

² Димитријевић С. Социјалистички раднички покрет у Србији. 1870–1918. Београд, 1982. С. 21.

³ Екмечић М. Стварање Југославије. 1790–1918. Београд, 1989. Књ. 2. С. 67.

⁴ Овсяный Н. Р. Сербия и сербы. С. 113.

* По словам наблюдателя из России, «серб остается по преимуществу земледельцем и свинопасом, а если судьба выбрасывает его из обычной сферы родительского дома, то он охотнее всего обращается к чиновничьему или военному делу. Собственно мещанское сословие поэтому вполне чуждо сербскому народу» (Вейнберг Е. Сербия и сербы. Этнографический очерк // Образование. 1903. № 8. С. 28). Любопытно, что если русский здесь просто констатирует факт, то западный автор стремится непременно его *оценить*: «Серб жестоко ошибается, презирая все ручные работы, кроме земледелия; если он имеет некоторое уважение к немцам, то, говорят, только потому, что они являются в города Сербии в качестве ремесленников» (Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. СПб., 1877. Т. 1. С. 221).

** Такое положение сохранялось вплоть до Первой мировой войны, что говорит о крайне малой «подвижности» сербского общества (см.: Евреинов Б. П. Статистические очерки Сербского королевства. СПб., 1903. С. 34; Чериковер С. И. Сербия. II. Босния и Герцеговина. М., 1910. С. 16; Мартынов Е. И. Сербия в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913. С. 19).

шадей, 900 коров, 4900 свиней, 2600 овец и 250 пчелиных ульев. А в старой сербской столице Крагуевце два года спустя на почти 14 тысяч жителей было лишь одно фортепиано — да и оно стояло в доме переселенцев из Срема¹. И даже Белград, по описаниям русских, производил впечатление «поселения» переходного типа: «Лачуги и чуть ли не пещеры... виднеются рядом с роскошными дворцами, а на улице зачастую можно увидеть крестьян, расположившихся обедать на асфальтовой мостовой. Мимо них проносятся вагон электрического трамвая и плетется, неимоверно скрипя, крестьянская арба, запряженная волами»². Кроме того, «в Белграде все почти между собою знакомы»³, а потому двери (как в любой «большой деревне») не запираются. Мало того, «возле некоторых жилищ наружные двери открыты были настежь и подпирались опрокинутыми стульями: оказалось, что, по принятому обычаю, этим предупреждается, что никого дома нет, и чтобы гости понапрасну не трудились заходить туда!»⁴ Восклицательный знак здесь явно не случаен — он выражает степень удивления очередного русского гостя...

Специфика же самой сербской элиты состояла в том, что и она (в своем большинстве) сохраняла традиционный менталитет*, ибо, как отмечал П. А. Кулаковский, «по своему происхождению очень близка к простому народу»⁵. Так, офицерство, которым планировалось заполнить лакуну несуществующего «третьего сословия»⁶, мало чем отличалось в своем восприятии мира от рядовых — одетых в шинели *крестьян*. По словам российского военного агента В. А. Артамонова, «отношение офицеров к нижним чинам отличается простотой и мягкостью, что и не удивительно, ввиду крайней однородности сербского народа, отсутствия классовых различий, общности понятий, потребностей и образа жизни»^{7**}. «Патриархаль-

¹ Каниц Ф. Србија. Земља и становништво. Београд, 1985. Књ. 1. С. 171, 301.

² Чериковер С. I. Сербия. II. Босния и Герцеговина. С. 18; Пименова Э. Сербия. Пг., 1916. С. 53.

³ Ровинский П. А. Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II // Вестник Европы. 1870. Т. 3. С. 133.

⁴ Чудновский С. Л. Из давних лет. Воспоминания. М., 1934. С. 65.

⁵ Кулаковский П. А. Сербия в последние годы. С. 761.

⁶ См.: Бјелајац М. Женидбе официра српске и југословенске војске 1881–1941. Планирано стварање елите // Годишњак за друштвену историју. Београд, 1995. Св. 1. С. 19–38; Миљковић-Катић Б. Структура градског становништва Србије средином XIX века. Београд, 2002. С. 164.

⁷ Артамонов В. А. Вооруженные силы Сербии. СПб., 1911. С. 52.

* П. А. Ровинский четко зафиксировал данный факт в своих путевых заметках: «В Сербии меня одно удивляло: везде в других странах люди, составляющие интеллигенцию, развиты непропорционально больше, чем масса; в Сербии напротив — интеллигенция... в сущности слишком мало отделяется от массы» (Ровинский П. А. Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II. С. 166).

** Схожее впечатление оставил в своих мемуарах другой русский автор: «Сербская армия поражает своей демократичностью... Часто можно было видеть офицера,

ность, — указывает современный исследователь, — являлась основой воинской субординации»¹, которая, впрочем, имела и свою обратную сторону: в случае провинности (т. е. нарушения *традиционных* норм поведения), сразу же следовало наказание, причем не по закону, а по обычаю, — как правило, кулаком. «Кулачную расправу с провинившимся солдатом, — писал русский военный врач в 1913 г., — мы видели в первый раз; но, по рассказам очевидцев, она применяется в сербской армии нередко, хотя сербы тщательно это скрывают...»²

И гражданская бюрократия не являлась исключением. «Высший чиновник, министр или член Государственного совета, — фиксировал мемуарист, — нередко сидит на лавке подле простого селяка, совершенно дружелюбно и просто разговаривает с ним, называя друг друга на “ты”. При встрече и прощании они жмут друг другу руку как равный равному»^{3*}.

Даже король Петр Карагеоргиевич не выбивался за рамки традиции. «Когда его утром узнают на улице, он любит говорить с крестьянами и рабочими, — описывал непривычные для русского глаза сценки очевидец. — Летом король обыкновенно ездит на дачное место около Белграда и если видит, что кто-то, кого он знает, уже встал и возится у себя в саду, то он часто останавливает лошадь и начинает с ним разговаривать через забор...»⁴

танцующего вместе с солдатами. Не считается обидным быть в кафе, где за соседними столами сидят солдаты» (*Сахаров М. В. С сербами в Скутари* (впечатления). СПб., 1913. С. 14)... Добавим, что и «нижние чины» не комплексовали перед начальством. По словам очевидца, «в общественном отношении сербский солдат не подвержен никаким стеснениям. Он может бывать везде, где бывает офицер... Зачастую даже по своей деревенской привычке солдаты обращаются к офицерам на *ты*» (*Мартынов Е. И. Сербия в войне с царем Фердинандом...* С. 45, 47). Да и гражданские лица, причем не самого высокого звания, вели себя с военными запросто. Русский путешественник не смог скрыть своего удивления, когда в одном из ресторанов лицезрел, как «какой-то оборванный разнощик фамильярно трепал по плечу щеголеватого кавалерийского офицера, обедавшего с очень приличными дамами» (*Марков Е. Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки.* СПб., 1903. С. 63).

¹ Милићевих М. Реформа војске Србије. 1897–1900. Београд, 2002. С. 125.

² Сахаров М. В. С сербами в Скутари. С. 56.

³ Кожухов А. Н. Сербия и сербы. Каменец-Подольск, 1915. С. 10.

⁴ Комаров Г. В. В Белград на Пасху. 1914. СПб., 1914. С. 20.

* Н. В. Максимов, русский доброволец сербо-турецкой войны 1876 г., так описывал приезд военного министра Сербии, полковника Т. Николича, на позиции: «Военный министр казался до оригинальности простым человеком. В одном из батальонов он встретил своего земляка, простого крестьянина из родного ему округа. Николич позвал его к себе, обнял, поцеловал и долго разговаривал с ним, причем крестьянин говорил с ним на “ты”. Русских удивила подобная фамильярность отношений. Но сербы смотрели на это как на весьма обыкновенное явление...» (*Максимов Н. В. Две войны 1876–1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн в двух частях.* СПб., 1879. Ч. 1. Война в Сербии. С. 159).

Показательно, что и сын его — король СХС Александр Карагеоргиевич — в эпоху, казалось бы, уже совсем иную (в конце 20-х гг.), вел себя также. По словам корреспондента одной из русских эмигрантских газет, передававшего рассказ своих белградских знакомых, нередко «короля Александра, гуляющего по Белграду в сопровождении адъютанта, останавливают нищенски и грязно одетые сербы, целуют ему руку, а затем беседуют с ним о всяких своих делах и невзгодах с той же простотой, с какой они болтают со своими приятелями. Когда король хлопает своего собеседника по плечу, показывая, что пора уже закончить этот разговор, серб настойчиво продолжает держать его за пуговицу или отворот шинели, так как он не успел еще дорассказать ему всего, чем нужно поделиться с «нашим Александром», как зовут здесь монарха. А затем, снова поцелуй руки — и оба расходятся как добрые знакомые»¹.

А вот и собственное заключение бывшего подданого русского императора: «Патриархальный быт Сербии так же мало похож на быт других европейских стран, как непринужденность и простота белградского дворца мало похожи на чопорность и холод императорских дворцов Петербурга и Берлина»². Все это, повторимся, писалось на исходе третьего десятилетия XX века...

Итак, вполне очевидно, что сербское общество на рубеже веков во многом сохраняло свой патриархально-статичный характер. Предпринятая в начале 80-х гг. попытка прищипорить развитие страны, причем без учета ее адаптивных возможностей, по сути, захлебнулась, приведя к острому внутреннему кризису, завершившемуся отречением в 1889 г. самого Милана Обреновича. «Инстинкты массы, — отмечал современник, — все больше восставали против модернизации государства»³. Сумев уловить их, артикулировать и трансформировать в форму мощного политического движения, традиционалисты-радикалы смели горстку ультра-либералов. Позднее экс-монарх признавал: «Я хотел, чтобы моя страна двинулась вперед как можно скорее, и в этом ошибся»⁴. Министр просвещения и церкви в правительстве напредняков Стоян Новакович также констатировал: «Движимые самыми благими намерениями, мы желали добиться всего быстрее, чем это соответствовало природе вещей. Потому и за результаты, которых мы достигли, было заплачено слишком дорого»⁵. Что ж, как заметил А. И. Герцен,

¹ *Волковыский Н.* Русские писатели и журналисты у короля Александра. 28 сентября 1928 г. // Вырезка данного репортажа, опубликованного в русской эмигрантской газете «Сегодня», хранится в: АСАНУ. Заоставщина Александра Белића. Бр. 14386-III-2548. Мы выражаем признательность доценту философского факультета Белградского университета, доктору исторических наук Мирославу Йовановичу, ознакомившему нас с этой публикацией.

² Там же.

³ *Николајевић Д.* Краљ Милан и Тимочка буна. Београд, 1927. С. 70.

⁴ *Мале А.* Дневник са српског двора. 1892–1894. Београд, 1999. С. 212.

⁵ *Новаковић Ст.* Бугарско-српски рат и оновремене кризе. 1885–1886. Меморарски листићи. Београд, 1907. С. 2.

любой «результат усваивается только вместе со всем логическим процессом»¹.

Именно поэтому печальная судьба сербских реформаторов не кажется нам неожиданной. Напротив, она объективна. Согласно емкому вердикту русского очевидца, «для претворения формул либерализма в действительность в Сербии не хватало малого: среднего сословия, городов и городской культуры»². Всего-то! Города же сербские имели мало шансов быстро превратиться в европейские центры, ибо, «пастухи и земледельцы, сербы не видят необходимости селиться в городах»³. И действительно, «крестьянин, убежденный селяк, поразительно равнодушен к городу. Он кончает свои сделки на окраине, запивает могоарычи в ее душных кафанах и, со спокойным духом, возвращается восвояси, в глушь деревни, потерянной между гор и лесов...»⁴ Соответственно и «городскую культуру» он воспринимал в штыки. «Крестьяне бунят на сходках: не хотим людей в пальто (т. е. городских жителей. — А. Ш.)», — писал очевидец в 1905 г.⁵ А радикальный официоз «Самоуправа» вообще призывал: «Село и крестьянин еще сохраняют сербскую народную мысль, и им необходимо уничтожить влияние города — этого гнезда иноземщины...»⁶

* * *

Следует подчеркнуть, что консервации традиционного сознания в сербском крестьянском социуме на протяжении периода независимости способствовали практически не менявшиеся архаичные формы и условия его существования.

Так, в экономике страны господствовало натуральное хозяйство. В 1910–1912 гг., т. е. накануне Первой мировой войны, крестьянин тратил наличные деньги только на керосин, сахар и уплату налогов⁷. Все остальное производилось его собственными силами. При этом отсутствовал так называемый *отложенный спрос* — способность работать не ради удовлетворения насущных потребностей, но и для будущего, что являлось важнейшей особенностью западного человека экономического. Сами же потребности патриархального серба были крайне ограниченны. По наблюдению британской путешественницы, «крестьянин не развит, его потребности настолько примитивны, что он может удовлетворить их, даже не работая в

¹ Герцен А. И. О социализме. М., 1974. С. 376.

² Троцкий Л. Д. Сочинения. М.; Л., 1926. Т. 6 (Балканы и Балканская война). С. 83.

³ Вейнберг Е. Сербия и сербы. Этнографический очерк // Образование. 1903. № 8. С. 28.

⁴ Амфитеатров А. В. Славянское горе. М., 6/г. (1912). С. 146.

⁵ АСАНУ. Бр. 12877.

⁶ Политички елементи у Србији пре 60. година // Самоуправа. 20. јануар 1941. Бр. 1144.

⁷ Борђевић Д. Српско друштво 1903–1914... С. 130.

полную силу. У него нет каких-то далеких целей...»¹ Да и по признанию самого крестьянина, «пока хватает того, чем закусить, зачем беспокоиться»². Действительно, зачем? Длительное пребывание под турецким владычеством и отсутствие всяких гарантий своего имущества приучили его заботиться о минимуме. Так, посетив в начале 1870-х гг. турецкую еще Боснию, один немецкий пилигрим заметил, что «сербский крестьянин не имеет там никакого стимула слишком прилежно обрабатывать свою ниву, почему он и работает лишь ровно столько, сколько ему необходимо, чтобы прокормиться и выжить»³. Тому же способствовал и сложившийся в условиях господства турок этос сербского православия. В совокупности с идеалами косовской мифологии он непосредственно влиял на менталитет сербов, формируя у них своеобразную модель «мирского аскетизма»⁴. Центральная идея — о выборе князем Лазаром «царства небесного» — означала выбор пути жертвенности («за честный крест и золотую свободу») и стоического преодоления рабства, в духе христианских мучеников. Значение ценностей повседневной жизни в рамках такой модели отходило на второй план, поскольку «мирская аскеза» порождала социальную пассивность и равнодушное отношение ко всякому созидательному труду*. «Работать только для того, чтобы выжить, — становилось главным принципом серба, как следствие его постоянной неуверенности, войн и переселений», — резюмирует современная сербская исследовательница Радмила Радич⁵.

Примерно то же самое было и в Сербии — по традиции. «Как только семья обеспечена годовым запасом хлеба, — писал, объезжая Княжество офицер русского Генштаба, — а налоги уплачены деньгами, вырученными за продажу рогатого скота и свиней, хозяин уже не думает о дальнейшем накоплении богатства, а вместе с сыновьями проводит время в деревенской кофейне»^{6**}. Само же богатство воспринималось в патриархальной и

¹ Дарам М. Кроз српске земље. Београд, 1997. С. 162.

² Там же. С. 151.

³ Раш Г. Србија и Срби. Нови Сад, 2001. С. 135–136.

⁴ Радич Р. Верска елита и модернизација — тешкоће проналажења одговора // Србија у модернизацијским процесима 19. и 20. века. Књ. 3. Улога елита... С. 157.

⁵ Там же.

⁶ Бобриков Г. И. В Сербии. Из воспоминаний о войне 1877–1878 гг. СПб., 1891. С. 55. См. также: Раш Г. Србија и Срби... С. 113–114.

* Данная особенность имела универсальное значение для традиционного (православного) сознания. «И в России, — пишет отечественная исследовательница, — на протяжении веков труд не был основной ценностью общества и человека, в чем проявилось влияние православной этики с ее уважением только к бескорыстному труду, который к тому же по значимости стоит ниже аскезы, молитвы, спасения, созерцания и поста» (Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2003. С. 135).

** Известный сербский интеллектуал и политик, западник и англоман Чедомил Миятович писал о своих земляках в британской прессе: «Комфорт для них представляет гораздо большую ценность, чем прогресс. Весьма умеренные затраты труда позволяют им жить довольно сносно, проводя вечера в сельских кафанах» (цит.

православной среде совсем не так, как на Западе. «То, что у вас не считается богатством, — объяснял англичанке ее сербский собеседник, — мы называем изобилием...»¹

Как видим, смысл всей хозяйственной деятельности сербского крестьянина можно свести к единственному понятию — *довольствоваться*, что значит: «поддерживать уровень существования, определенный социокультурно»². Эта характеристика носит универсальный характер и как таковая органично вплетается в ткань фундаментального противоречия традиционного сознания и веберовского *духа капитализма*, с присущим последнему «трудом постоянным, неутомимым, квалифицированным»^{3*}.

Прав современный сербский исследователь, говоря, что «одним из главных препятствий на пути развития капитализма в Сербии был недостаток аскезы и этики труда, характерной для протестантизма...»⁴

Далее. Вопреки распространенному мнению в Сербии отсутствовала частная собственность на землю в ее классическом виде. Из той триады, что и составляет категорию *собственность* (владение, использование, распоряжение), практически выпадало последнее звено, ибо, согласно принятому в 1873 г. «Закону о народном благосостоянии», вводился гарантированный и никем не отчуждаемый аграрный минимум, чей размер определялся количеством земли, которое крестьянин был в состоянии вспахать за шесть дней работы. Данный принцип существовал и позже. В 1907 г. радикальное правительство Н. Пашича в очередной раз продлило действие закона об аграрном минимуме, который защищал крестьянина от угрозы пауперизации, ограничивая возможность земельных спекуляций и концентрации земли в немногих отдельных руках**. Тем самым он затруднял распространение в Сербии капитализма и становление соответствующего ему

по: *Markovich S. British Perceptions of Serbia and the Balkans 1903–1906. Paris, 2000. P. 161*). По словам знаменитого австрийца Феликса Каница, «серб не скрывает, что любит комфорт и досуг» (*Каниц Ф. Србија. Земља и становништво. Књ. 1. С. 377*).

¹ *Дарам М. Кроз српске земље... С. 129.*

² *Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. М., 1999. С. 86.*

³ Цит. по: *Гришина Р. П. Предисловие // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. М.; 2002. С. 9.*

⁴ *Марковић С. Гроф Чедомил Мижатовић — протестантски дух међу Србима // Либерална мисао у Србији. Прилози историји либерализма од краја 18. до средине 20. века. Београд, 2001. С. 280.*

* По статистике, в конце 1860-х гг. средний сербский крестьянин засеивал площадь в три раза меньшую, чем европейский земледelec, и в четыре раза — чем американский (*Вулетич А. Породица у Србији средином 19. века. Београд, 2002. С. 69*).

** Радикалы всегда высоко оценивали этот закон. Так, по словам Аврама Петровича, «им обеспечено само существование нашего, в основном земледельческого, народа. И следовательно, в Сербии не может быть бездомных, которых есть немало во всех других странах» (*Петровић А. Успомене. Приредила Ј. Перовић. Горњи Милановац, 1988. С. 43*).

типа мышления¹. И в результате, как отмечал русский ученый в 1915 г., «Сербское королевство может быть названо донныне страной почти исключительно мелкого и среднего землевладения»².

Добавим и то, что сама по себе патриархальная модель общества (согласно старой формуле *сербский народ — сообщество равных*) не была для соратников Пашича некоей самоцелью. В условиях незавершенности процесса всесербского освобождения и объединения она становилась средством и формой консолидации *сербянцев* (сербов Королевства), поскольку малая расщепленность интересов внутри социума позволяла сохранять единство народного духа — эту важнейшую внутреннюю предпосылку будущего освобождения. Социальное равенство, как видим, отождествлялось в глазах радикалов с национальным единением... И эта их политика в нужное время увенчалась полным успехом. Так, объясняя подоплеку всеобщего подъема, захлестнувшего Сербию после объявления Первой Балканской войны, русский корреспондент сообщал из Белграда: «В ряду причин того удивительного объединения, которое приходится наблюдать здесь, следует, разумеется, отметить и сравнительную неразвитость социальных отношений, а следовательно, и социальных антагонизмов. Личность не успела еще выделиться из коллектива, а экономическое развитие не успело еще вырыть психологической пропасти между управляющими и управляемыми...»³

Следующий момент. Мелкое крестьянское хозяйство — основа экономики Сербии — отнюдь не шло к своему упадку, как это считалось ранее, но имело немалые резервы для развития. По словам посетившего страну бельгийского ученого, «известное благосостояние есть удел каждого, и нельзя встретить той противоположности между чрезмерным избытком и крайней обездоленностью, которая так часта у нас»⁴. Равенство на уровне прожиточного минимума составляло характерную особенность сербского социума, причем, что важно, этот минимум был доступен *всем*. И, судя по описанию того же бельгийца, он был не столь уж низок: «Сербы едят мясо по одному разу в день в то время, когда они не обязаны поститься»^{5*}. Вторит ему и русский доброволец: «Король Франции Генрих IV, говоривший,

¹ См.: *Борђевић Ж.* Земљишни минимум и земљишни максимум као ограничења развоја Србије у ново доба // Србија у модернизацијским процесима XX века. Зборник радова. Београд, 1994. С. 113–121.

² *Погодин А. Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915. С. 348.

³ *Вольский Ст.* За границей. Письма с Балкан // Заветы. 1912. № 8. С. 170.

⁴ *Лавелэ Э. де.* Балканский полуостров. М., 1889. Ч. 2. С. 27.

⁵ Там же. Ч. 1. С. 193.

* Показательно, но даже в дневной рацион заключенных входило «полфунта мяса» (см.: *Раш Г.* Србија и Срби. С. 71, 344); солдаты же получали в день по 300 граммов мяса и 1 килограмму пшеничного хлеба — в мирное время (*Милићевић М.* Реформа војске Србије. 1897–1900. С. 92, 171), и по 400 граммов мяса и

что он был бы счастлив, если бы последний из подданных его имел каждый день курицу, очутившись в Сербии, наверное, не знал бы, чего пожелать»¹.

По сравнению с российским крестьянином, с его нередкими голодовками и выходами зимой «в кусочки», относительное довольство его сербского собрата очевидно. «Счастье сербов, — подчеркивал в 1870 г. П. А. Ровинский, — что их не коснулась еще язва пауперизма... Сравнительно с другими они имеют хорошую пищу и хорошо одеты»². И А. А. Фет вспоминал, как в 1877 г., проезжая по своему уезду в обществе знакомого офицера, услышал от него: «Знаете ли, я только что из Сербии, для которой мы собираем вспомоществование; но я там нигде подобной нищеты не видел...»³* Еще бы, ведь, по свидетельству А. Н. Хвостова, «в Сербии везде и во всем видишь полное довольство и достаток». Селяки «не испытывают и десятой доли нужды и бедствий нашего разоренного крестьянина», а жизнь их «отчасти напоминает быт наших мелкопоместных помещиков»⁴. О том же четверть века спустя сообщал и русский посланник в Белграде Н. В. Чарыков: «В этой стране... нет бедных, нищих и безземельных»⁵. Еще позднее (в 1912 г.), и снова в сравнительной степени, А. В. Амфитеатров констатировал: «Крестьянин сербский богат и патриархален»⁶. Таким образом, то, что в России для многих все еще оставалось недостижимым идеалом, в Сербии было достигнуто и стало прочной традицией.

Тем более, что сербский крестьянин, опять же не в пример русскому, жил и трудился на *подрайской землице*. «Теплый туман клубится по горам и рекам, теплый дождь мочит рыхлую, жирную землю», — с неприкрытой завистью писал Г. И. Успенский⁷. И эта «плодородная земля, — вторил соотечественник, — щедро оплачивает труд земледельца, который

20 сала — при участии в боевых действиях (*Мартынов Е. И.* Сербия в войне с царем Фердинандом... С. 57).

¹ *Хвостов А. Н.* Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан. Письма. СПб., 1877. С. 19.

² *Ровинский П. А.* Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. I // Вестник Европы. 1870. Т. 2. С. 567.

³ *Фет А. А.* Мои воспоминания. М., 1890. Ч. 2. С. 326.

⁴ *Хвостов А. Н.* Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан... С. 19–20.

⁵ Архив внешней политики Российской Империи. Ф. Политархив. Д. 492. Ч. 2 (1901). Л. 64.

⁶ *Амфитеатров А. В.* Славянское горе... С. 176.

⁷ *Успенский Г. И.* Из Белграда (Второе письмо невоенного человека) // Отечественные записки. 1877. № 1. С. 108.

* «В этой стране, — тогда же писал один из русских добровольцев, — которую мы почему-то привыкли считать бедной страной угнетенных братьев, замечается еще та приятная особенность, что богатства и капиталы страны распределены довольно равномерно в среде ее обитателей. Богач здесь такая же редкость, как и бедняк» (*Максимов Н. В.* Две войны 1876–1878 гг. ... Ч. 1. С. 35).

нигде не прилагает к ее обработке особого старания»¹. Показательно, но именно через восприятие жизни сербов писатель пронзительно ощутил всю убогость существования русских (согласно точной формуле Ю. М. Лотмана: «Свое делается заметнее и значимее, отражаясь в зеркале *чужого*»²), особо заострив внимание на «довольно жутких условиях, в которых живет старший брат, и которые представляются здесь, в земле брата младшего, ему более жуткими...»³ Что ж, известный народник был абсолютно прав — так, урожайность пшеницы у сербов достигала «сам-двенадцать»⁴. При этом землю они почти не уваживали⁵, да и вообще «возились» на ней всего полтора-два месяца в году⁶. И это все при спокойном, неспешном труде — без «особого старания» и дедовскими методами: «В Западной Европе для молотбы давно употребляются машины, а в Сербии даже не везде известен молотильный цеп...»⁷ Но куда торопиться и зачем осваивать нечто новое, если и так хватает, «чем закусить»?.. Наверное поэтому, в отличие от населенных соплеменниками территорий Австро-Венгрии, где того «не хватало», экономической эмиграции из собственно Сербии практически не было⁸. Опять же, зачем?

Напротив, число землевладельцев возрастало. Причем, согласно статистике и вопреки набившим оскомину заклинаниям об обнищании крестьян, размеры их парцелл росли — свободной земли в Сербии было вдоволь. «Из полей, годных к обработке, не возделывается еще и половина»⁹, — отмечал русский автор. И «часто на пространстве нескольких верст не увидишь ни одного хорошего поля, а только новиньы (в первый раз возделанное поле) да пустыри»¹⁰, — вторила ему соотечественница. Как следствие этого: с 1889 по 1897 г. общее число сельских хозяев выросло с 244 591 до 293 421; при этом крестьян, имевших надел до 4,5 га стало меньше, а тех, кто владел площадью свыше этого размера, — больше. С 1895 по 1905 г. количество сербских граждан, имевших один только дом (без земли),

¹ Бобриков Г. И. В Сербии... С. 55.

² Лотман Ю. М. «Человек, каких много» и «историческая личность» (к типологии русского реализма первой половины XIX в.) // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 5. С. 451.

³ Успенский Г. И. Из Белграда... С. 108.

⁴ Витте Е. И. Путевые впечатления. Далмация, Герцеговина, Босна и Сербия. Лето 1902 г. Киев, 1903. С. 98.

⁵ Овсяный Н. Р. Сербия и сербы... С. 116.

⁶ Евреинов Б. В. Статистические очерки Сербского королевства. С. 51.

⁷ Водовозова Е. Н. Как люди на белом свете живут. Болгары, сербы, черногорцы. СПб., 1898. С. 171.

⁸ Слијепчевич П. Срби у Америци. Женева, 1917. С. 18.

⁹ Пуцикович Ф. Ф. Сербия. СПб., 1902. С. 10.

¹⁰ Водовозова Е. Н. Как люди на белом свете живут. Болгары, сербы, черногорцы. С. 171.

уменьшилось с 4,58% до 1,18%; лиц же вообще без недвижимости — с 3,23 до 2,87%...¹

Главной особенностью социальной организации сербов была историческая (со времен турецкого ига) замкнутость на традиционные институты — задругу и общину, в рамках которых сформировалась особая *общинная ментальность*, продолжавшая оказывать влияние на развитие сербской государственности и в эпоху независимости. Этнолог В. Карич так определил ее суть: «Отдельный член задруги должен подчинять свою личную волю коллективной воле всех членов, которая воплощается в решениях старейшины...»² Власть его, однако, не была абсолютной — обычай защищал права «задругаров» от возможного самодурства *первого среди равных*: «Старейшина, невзирая на то, молодой он или старый, всегда может быть заменен другим, если члены задруги сочтут, что такая смена целесообразна и полезна»³. Как видим, люди могли меняться, но сам принцип главенства и подчинения (при условии выборности) оставался неизменным.

Привычная схема прижилась и на уровне общин — базовых единиц, где в почти нетронутым виде протекала жизнь сербов под турками. Их руководители (кметы) — те же старейшины, выбиравшиеся на общинных сходах и державшие перед ними ответ... А потому вполне естественным представляется тот факт, что, когда в 1804 г. перед повстанцами Белградского пашалыка встала задача возрождения сербской государственности, они обратились именно к традициям семьи (задруги), трактуя государство как многократно увеличенную ее копию. Вук Караджич, описывая избрание Карагеоргия вождем сербского восстания, очень точно уловил наличие этой генетической связи в крестьянском сознании. «Кто будет старейшиной? — вопрошали выборщики. — Ни один дом не может существовать без старейшины, а тем более народ. Вот и нам надо знать, кого спрашивать и кого слушаться...»⁴

Эпоха самостоятельного развития никак не изменила восприятие сербами своей государственности. Их взгляд на нее оставался глубоко патриархальным: государство сербский селяк по-прежнему понимал как одну большую задругу. То же самое фиксировал и зоркий русский глаз. «Семья, — читаем в очередных записках, — служит прототипом государству...»⁵ Общинная ментальность, как видим, с лежащим в ее основе коллективизмом, экстраполировалась на весь социум в целом, что означало жесткий *примат корпорации над личностью и растворение индивидуального интереса в общем*. На всех уровнях — от семьи до государства.

¹ Вучо Н. Привредна историја Србије до првог светског рата. Београд, 1955. С. 178–179.

² Карич В. Србија. Опис земље, народа и државе. Београд, 1887. С. 156–157.

³ Там же. С. 156.

⁴ Караџић В. Први српски устанак. Београд, 1979. С. 26.

⁵ Народ и княжеская власть в Сербии. Из записок Ф. Бацетича. М., 1882. С. 189.

На базе же этого (универсального для традиционного общества) принципа социокультурной регуляции, когда «согласование личных и общественных интересов подменяется их отождествлением»¹, формировалась и архаическая модель общинной «демократии консенсуса»², не терпящей диссидентства и часто превращающейся в открытый террор большинства. Ведь единогласие на сходах «не являлось результатом свободного волевого решения, но достигалось принуждением и угрозой санкций»³, т. е. общественное мнение (в смысле — не суждение коллектива или рассуждение вообще, но его *общая воля*) подминало под себя любой индивидуальный взгляд. Преодолеть же такую зависимость от всеислия общественного мнения индивид мог, «лишь преодолев границы самой общности, выйдя за ее пределы»⁴, что в условиях аграрной Сербии, при крайне малой абсорбирующей способности городов, было вряд ли возможно. Именно отсюда и проистекала устойчивость коллективистской ментальной конструкции сербов.

В ту же модель демократии органично вписывалась и авторитарная власть *своего* руководителя, которого крестьянин знал, сам выбирал, а потому и подчинялся. Связь верхов и низов, таким образом, имела *личную* санкцию, как в семье. По замечанию Й. Цвиича, крестьян «отличает верность патриархальному обычаю: они принимают и признают власть старейшин; более того — нередко сами предлагают им эту власть»⁵. Источником такого порядка была именно семья, члены которой, как писала русская исследовательница, «привыкают или командовать, или подчиняться, не рассуждая». Человек же, что «вечно ходит на помочах, под конец утрачивает всякую самостоятельность», поскольку «всеми его поступками, от ранней юности до смерти, руководит старейшина...»⁶

Итак, как заключил французский философ Ж. Бешлер, «община предлагает исключительно чистую транскрипцию демократических принципов». Однако «ее институты не имеют ничего общего с теми, которые создала современная эпоха...»⁷ Все точно! В 1904 г., объезжая Королевство, британский дипломат Герберт Вивиан заметил, что сербы «еще не созрели для благодати демократии. Они должны обрести немалый опыт, зачастую весьма

¹ Пантин Н. К. Драма противостояния. Демократия и либерализм в старой и новой России // Полис. 1994. № 3. С. 79. См. также: Гордон А. В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1988. С. 110.

² Дого М. Србија и Срби у модерним временима: европски модели и комуницирање са спољним светом // Европа и Срби. Зборник радова. Београд-Нови Сад. 1996. С. 573.

³ Симон Г. Мертвый хватает живого // Цивилизация. Вып. 4. М., 1997. С. 156.

⁴ Гордон А. В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность... С. 110.

⁵ Цвијић Ј. Балканско полуострво // Цвијић Ј. Сабрана дела. Београд, 1987. С. 316.

⁶ Водовозова Е. Н. Как люди на белом свете живут. Болгары, сербы, черногорцы. С. 124–125.

⁷ Бешлер Ж. Демократия. Аналитический очерк. М., 1994. С. 156.

болезненный, чтобы встать вровень с ней»¹. И современник-серб, но уже с пафосом совершенно иным, акцентировал внимание на разнице «между заимствованной демократией и нашей автохтонной демократичностью, которую сам наш народ и создал»². Понятно, что в основе ее лежала общественно-политическая практика древней общины.

И наконец, сербское аграрное общество в своем бытии всецело опиралось на традицию, воспринимая в качестве источника всякой деятельности *прошлое*, что подтверждают и русские путешественники. К примеру, П. А. Ровинский, встретившись в 1868 г. с братом видного сербского публициста Живоина Жуйовича, Марко, и заметив у него за поясом револьвер, задал вопрос: «Зачем ты, Машо, взял с собой револьвер, когда пути всего два часа и время дневное?» На что был получен характерный ответ: «Так мне отец мой завещал, а ему его отец: ни шагу из дома не делать без оружия. Прежде, бывало, выедут на пашню — пистолет вечно за поясом, а у воза винтовка. Так нас турки приучили...»³ Заметим, что такой поведенческий стереотип сербов (быть в любой момент готовыми к вооруженному отпору) оказалась крайне живучим: в октябре 1883 г., когда модернизирующаяся сербская власть пыталась изъять оружие у жителей Восточной Сербии, те ей ответили Тимокским восстанием.

Стойкость традиции и в эти, уже довольно отдаленные от П. А. Ровинского времена сербской независимости подтверждают другие источники. Наиболее показательный из них, на наш взгляд, — это отрывок из воспоминаний Милана Стоядиновича о выступлениях знаменитого радикального демагога, ужицкого священника Милана Джурича. «Главным его аргументом, — заметил премьер межвоенной Югославии, — была апелляция к прадедовским костям. Обычно он возглашал: “Прадедовские кости требуют от нас...”. Или же: “Кости наших прадедов зывают к нам из могил...”. Такой патриотический настрой его речей всегда имел большой успех»^{4*}. Кстати, М. Джурича так и звали — *прадедовские кости*^{5**}.

¹ Vivian H. The Servian Tragedy, with Some Impressions of Macedonia. London, 1904. P. 252.

² Велмар-Јанковић В. Поглед са Калемегдана. Оглед о београдском човеку. Београд, 1992. С. 80.

³ Ровинский П. А. Сербская Морава (Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г.) // Вестник Европы. 1876. Кн. 4. С. 533.

⁴ Стојадиновић М. Ни рат, ни пакт. Ријека, 1970. С. 11.

⁵ Јовановић-Стојимировић М. Прота Ђурић // Јовановић-Стојимировић М. Силуете старог Београда. Београд, 1987. Књ. 2. С. 151.

* В 1889 г., выступая в Народной скупщине, Милан Джурич предложил, чтобы на всех торжественных заседаниях депутаты появлялись в национальном платье эпохи Неманичей — «в таком, какое носили тогда на наших старых саборах» (Терзић С. Патријархалне црте Тајсићевог радикализма (Ранко Тајсић као посланик 1889–1892.) // Ранко Тајсић у политичком животу Србије. Зборник радова. Чачак, 1994. С. 22).

** В 1913 г., после сербских побед в Первой Балканской войне, поп Милан собрал в Ужице огромный митинг, на котором заявил: «Братья мои! Косово отмще-

Очевидный парафраз этого мотива о «прадедовских костях» и отмеченного Ровинским отсылка его собеседника к «завещанию» *отца и деда*, лишний раз доказывает справедливость тезиса, что одной из базовых традиционалистских установок была идея *преемственности*, т. е. «солидарности поколения живущего с поколениями умершими»¹ или «участия минувших поколений в современности»². Сама же *современность* при таком подходе считалась традиционалистами «несуществующей фазой в развитии истории»³. Отсюда и отрицание ими всего нового...

Итак, на рубеже XIX–XX вв. Сербия была единственной в своем роде страной свободных мелких собственников, мало затронутых «цивилизацией». Не случайно, уже известный нам Г. Вивиан назвал ее «раем для маленького человека»⁴. Как таковая, она являет собой почти идеальную лабораторию для исследования модернизационных процессов в традиционной среде. Их углубление действительно было связано с обретением независимости, но так ли уж гладко, а главное — органично проходила *европеизация*, как это показано в большинстве работ сербских авторов?

* * *

Национальная историография часто трактует модернизацию Сербии как линейный процесс, синхронизируя при этом ее политический и общественный компоненты. К примеру, говоря об интересующей нас эпохе, один из самых авторитетных сербских историков Р. Люшич утверждает: «За время правления Милана Обреновича Сербия превратилась в современное европейское государство. Она обрела независимость и увеличила территорию; возвысилась в ранг королевства и создала новую военную организацию; развила цельную систему государственных институтов в период благотворной законодательной деятельности напредняков и получила одну из самых передовых конституций, которая сделала возможным введение парламентаризма»⁵. То есть страна как будто и впрямь смогла перескочить «из балканского мрака на европейский свет». Причем всего за один десяток лет!.. И в данной трактовке уважаемый коллега совсем не одинок⁶.

Почему? Прежде всего, по причине, весьма характерной для отечественной историографии и отмеченной Л. В. Миловым во введении к «Велико-

но, отмщены прадедовские кости, мы снова видим блеск Душановой короны...» (цит. по: *Игњић С.* Народни трибун прота Милан Ђурић. Ужице, 1992. С. 169).

¹ *Шацкиј Е.* Утопија и традиција. М., 1990. С. 230.

² *Манхейм К.* Консервативна мисао // Манхейм К. Дијагноза нашег времена. М., 1994. С. 610.

³ Там же.

⁴ *Vivian H.* Serbia, the poor man's paradise. London, 1897.

⁵ *Љушић Р.* Милан Обреновић (1854–1901) // Љушић Р. Србија XIX века. Београд, 1994. Књ. 1. С. 142.

⁶ См. также: *Ђорђевић Д.* Србија и српско друштво 1880-тих година // Историјски часопис. Књ. XXIX–XXX (1982–1983). Београд, 1983. С. 425.

русскому пахарю». Речь идет о стремлении «к непрерывной идентичности всех наших этапов развития с развитием исторического процесса в основных странах Западной Европы»¹. Понятно, что именно отсюда вели свое начало активные поиски генезиса сербского капитализма.

Заметим, что такое «европеизирование» собственной истории — значительно большее, чем она того заслуживает, весьма свойственно и другим балканским историографиям. Особенно эта тенденция усиливается в настоящий момент, когда многие из балканцев стали вдруг едва ли не главными «европейцами». Так, директор Института истории БАН Г. Марков заявил на конференции в Москве: «Балканцы не являются европейцами “второго сорта”. Демократия родилась здесь 25 веков тому назад (о сути ее мы уже упоминали. — А. Ш.)^{*}, когда другие части Европы переживали этап племенных союзов. Балканы, в зависимости от угла зрения, могут быть не только окончанием, но и началом Европы. В сущности, балканские народы возвращаются сегодня не в Европу, а к забытым экономическим и политическим ценностям (??? — А. Ш.)»².

В ответ на этот, явно на грани комплекса, взгляд приведем мнение самой Европы — но не той, что стремится к превращению балканских элит в своих политических клиентов и выбрасывает из учебников по национальной истории все, что идет вразрез с ее «политкорректными» директивами. Так вот, по оценке австрийского исследователя К. Казера, «Балканы — другое, единое, и по многим аспектам сильно отличающееся от того, что зовется Европой. Однако следует воздержаться от того, чтобы любое другое считать нецивилизованностью. Балканы всегда представляли и сегодня представляют иную цивилизацию, точнее сказать, — культуру»³. Стократ прав сербский писатель Милорад Павич, передавший этот культурный плюрализм с емкостью целой философии устами героя: «Мое имя — Бал-

¹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 3.

² Марков Г. Балканы и «балканизация». Историческая судьба балканских народов в XX в. // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. ... С. 30.

³ Казер К. Породика и сродство на Балкану. Анализа једне културе, која не стаје. Београд, 2002 (перевод с австро-немецкого издания) С. 9.

* Посетив в 1912 г. Белград и Софию, Л. Д. Троцкий констатировал: «Парламентаризм и демократия имеют в Сербии крайне примитивный характер, хотя и не столь примитивный, как в Болгарии» (Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 6. С. 106)... И в данной связи приведем методологически насыщенное замечание Латинки Перович, которое, несмотря на его чисто сербскую «окраску», важно для всего региона: «Суть проблемы состоит не в том, чтобы рассуждать, существовала ли в Сербии демократическая традиция, но в том, чтобы выяснить, какие модели демократии в ней присутствовали, в каком отношении между собой они находились и какое воздействие на развитие страны оказала каждая из них» (Перовић Л. Програми народне демократије у Србији друге половине XIX века // Токови историје. 1999. Бр. 1–4. С. 93).

каны, ее — Европа»^{1*}. А потому, как заметил Й. Цвиич о своих земляках, «европейские институты и культура вообще воспринимаются здесь только преломившись через призму народного духа»².

Последнее замечание особенно важно, ибо в случае с Сербией политическая модернизация заметно обгоняла общественную³, что вполне объяснимо, ведь уже с 1830-х гг. она существовала как *de facto* самостоятельное государство, ограниченное во внешнеполитической практике, но способное к внутреннему саморазвитию. Поэтому именно политическая история всегда рассматривалась, а нередко и сейчас рассматривается (к примеру, в вышедшей недавно книге с претенциозным названием «Новая история сербского народа»⁴) как главный вектор *европеизации* страны, в отрыве от состояния менталитета общества. Все политические факторы и институты, особенно заимствованные в Европе (парламентаризм, демократия, конституционный строй), представлены как бы вне сербской социальной реальности, без учета их адаптации и преломления в ней. Потому-то в солидных монографиях порой и можно прочесть, будто «к 1888 г. сербское общество вполне созрело для введения парламентаризма»⁵, а на высоких научных форумах услышать заверения в том, что на рубеже веков Сербия «вплотную приблизилась к своим европейским образцам»^{6**}.

Однако, по замечанию современника-сербя, «демократия, парламентаризм, гражданские свободы, прогресс и другие понятия, что составляют основу словаря нынешних балканцев, — суть слова и выражения, никак не укорененные в их мировоззрении, но будучи общепринятыми, призванные прикрыть жесткие подсознательные стереотипы, которые только и мотивируют все их действия и поступки»⁷.

То же самое фиксировали и наблюдатели из России. Сначала, в начале 60-х: «Все толки о Сербии как о стране либеральной в смысле западно-

¹ Павич М. Веджвудский чайный сервис // Павич М. Железный занавес. Рассказы. СПб., 2002. С. 13.

² Цвијих Ј. Јединство и психички типови динарских јужних словена... С. 66.

³ Ђорђевић Д. Огледи из новије балканске историје. Београд, 1989. С. 198.

⁴ Новая история српског народа. Приредио Д. Батаковић. Београд-Лозана, 2000.

⁵ См.: Стојић С. Уставни развитак Србије 1869–1888. Лесковац, 1980.

⁶ Протић М. Српске политичке странке после уједињења (1918–1919) // Србија на крају Првог светског рата. Београд, 1990. С. 137.

⁷ АСАНУ. Бр. 10133. Стојановић К. Слом и васкрсење Србије (рукопись). Л. 102.

* Другой сербский интеллектуал и драматург, творивший в 1-й половине XX в., Владимир Вельмар-Янкович столь же краток и емок: «Из всех регионов Европы Балканы — это Европа менее всего. На Балканах же из всех христиан менее всего Европа — это сербы и болгары...» (Велмар-Јанковић В. Поглед са Калемегдана. С. 82).

** М. Протић в «Новой истории сербского народа» вполне серьезно утверждает, будто после принятия конституции 1903 г. в Сербии был «почти воплощен в жизнь идеал британской демократии — двухпартийная система...» (Нова историја српског народа. С. 188).

европейском, конституционном и т. д., крайне смешны и обличают непонимание ее истории и современного положения»¹. Затем, десятилетие спустя: «Остатки туретчины и варварства сверху только покрыты лоскутами европейской цивилизации»². И наконец, накануне Первой мировой войны: «На странах Ближнего Востока... можно во всех областях жизни проследить, как готовые европейские формы, идеи, иногда только имена заимствуются для того, чтобы дать выражение потребностям несравненно более отсталой эпохи. Политический и идейный маскарад есть удел всех запоздалых народов...»³ Как видим, за вербально-европейским фасадом в мышлении балканских (и сербских) политиков могли скрываться глубоко традиционные навыки и подходы. Буква выхолащивала дух.

Следовательно, принимая универсальную терминологию за сущее, т. е. за реальную практику управления, исследователи грешат против истины, когда полагают, что с введением в Сербию институтов либерального государства (по конституции 1888 г. или при ее «переиздании» в 1903 г.) в ней автоматически сложился столь же либеральный режим — т. е. парламентская демократия европейского типа. И действительно, внешне броские, но чисто формальные выводы о времени после 1903 г. вроде: «Динамика политической борьбы, как мотор развития, есть главный критерий парламентской демократии»⁴ мало что объясняют по сути — дефицит внутренней борьбы в стране не наблюдался, увы, никогда*... Поэтому для специалис-

¹ Ламанский В. И. Сербия и южно-славянские провинции Австрии. СПб., 1864. С. 8.

² Ровинский П. А. Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. П. С. 138.

³ Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 6. С. 83.

⁴ Нова историја српског народа... С. 189.

* Прав П. А. Кулаковский, заметивший в письме И. С. Аксакову: «Надобно признаться, что эта внутренняя борьба, по моему мнению, служит помехой для развития Сербии, не так как это бывает в Западной Европе; но сами сербы этого не признают, и напротив в этом стремлении разбиться на партии видят признаки своего роста сравнительно с другими странами» (ОРИЛИ. Ф. 14. Д. 189. Л. 3 (Белград, 12 февраля 1879 г.)). Три года спустя в письме тому же адресату — та же мысль: «Что меня больно поражало всегда в Сербии, это то, что здесь партии ненавидят друг друга больше, чем общего врага» (ОРИЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 27 об. (Белград, 3 марта 1882 г.))... Данная ситуация, весьма мало напоминающая «главный критерий парламентской демократии», но связанная с тотальным дефицитом политической культуры (одного из таких критериев), мало изменилась и после 1903 г. В работах объективных исследователей эта мысль звучит предельно ясно: «Несмотря на то что идеологических причин для острого партийного соперничества не имелось, оно продолжалось с большой жесточенностью. У представителей партий, особенно тех из них, кто был избран депутатом скупщины, отсутствовало (кроме редких исключений) чувство ответственности при использовании свободы политического действия, которую дает парламентская система. И скоро стало ясно, что многие сербские политики просто не понимают, как применять систему, основанную на свободе и терпимости. Борьба между партиями, а равно и внутри их самих,

тов, более пристально (в отличие от авторов «Новой истории сербского народа») вглядывающихся в собственное прошлое и воспринимающих модернизацию, как процесс многофакторный, далеко не все столь однозначное. С полным правом они формулируют «интересную дилемму»: «Можно ли говорить, что установление демократии в Сербии в конце XIX — начале XX в. представляет автоматическое введение парламентского режима, или речь идет о начале относительно длительного процесса парламентаризации политической жизни в Сербии?»¹ Попытаемся в этом разобраться хотя бы вкратце.

Для чего, при показе процесса модернизации «по-сербски» в его подлинном свете следует, думается, изменить сам подход к нему: более продуктивными в этом смысле представляются *антропологически ориентированное исследование*, во-первых², и объективный *взгляд извне*, во-вторых³. Важно посмотреть, что писали русские и вообще иностранцы о сербах. Ведь, как точно заметил П. А. Ровинский, «описания иностранцев часто могут открывать вещи, неизвестные туземцам, и всегда помогают им видеть свою жизнь с той именно стороны, которая им недоступна»⁴. Интересно, что ракурс — *другие о нас* долгое время был явно недостаточно востребован в сербской историографии⁵. По всей видимости, и из-за критичности оценок, ломавших устоявшиеся мифы. Мы же используем именно его, руководствуясь при этом точной мыслью А. И. Герцена: «Народ — консерватор по инстинкту. Чем дальше народ от движения истории, тем он упорнее держится за усвоенное, знакомое. Он даже новое принимает в старых одеждах»⁶. Последнее замечание классика особенно значимо, так как позволяет лучше объяснить ту разницу между буквой и духом в традиционном

часто велась с необузданной страстью, причем без особой разницы — шла ли речь о жизненных государственных интересах или о второстепенных вопросах» (*Вучкович В. Унутрашње кризе у Србији и први светски рат // Историјски часопис. Београд, 1965. Књ. XIV-XV. С. 175*).

¹ *Јовановић М. Језик и друштвена историја. Београд, 2002. С. 14.*

² Первый опыт автора в деле проведения такого исследования см.: *Шемякин А. Л. Сербское общество на рубеже XIX — XX веков: традиционализм и модернизация. Взгляд изнутри // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. С. 31–49.*

³ В расширенном варианте предыдущей работы автором была сделана и попытка совместить два взгляда (изнутри и извне). См.: *Шемякин А. Л. Сербское общество на рубеже XIX — XX веков: традиционализм и модернизация. Два восприятия // Европейские сравнительно-исторические исследования. М., 2002. С. 162–191.* В отличие от настоящей статьи в нем мы рассматривали в основном наблюдения западных авторов о Сербии и сербах.

⁴ *Ровинский П. А. Два месяца в Сербии (Из путевых воспоминаний) // Вестник Европы. 1868. Т. 6. С. 375.*

⁵ *Перовић Ј. Предговор // Ровински Павел Аполонович. Записи о Србији. 1868–1869. (Из путничких бележака). Нови Сад, 1994. С. 7.*

⁶ *Герцен А. И. К старому товарищу // Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1960. Т. 20 (2). С. 589.*

понимании современных категорий: конституции, парламентаризма, власти и т. д., которая нередко ускользает от внимания историков...

* * *

Начнем с конституционного развития Сербии — главного для большинства критерия ее *европеизации*. В 1888 г. в результате острой внутренней борьбы была принята новая конституция, которая имела за образец британскую модель «чистого» парламентаризма в ее бельгийском варианте¹. Как таковая она существенно ограничивала prerogatives Короны; вводила принцип разделения властей, право большинства на формирование правительства, ответственность министров перед скупщиной; гарантировала права и свободы населения. После ее отмены в 1894 г. и целого ряда попыток «изобрести» новый Устав, она была возвращена в действие в июне 1903 г., когда династия Обреновичей сошла с исторической сцены. Имея в виду либеральный характер ее положений, многие авторы считают, что период с 1903 по 1914 г. являлся «золотым веком» сербской демократии и парламентаризма²...

А между тем правоведа подчеркивают разницу между *нормативными* и *номинальными* конституциями. Установки первых применяются на практике, вторые служат вербальным прикрытием подлинной власти, что как раз и было типичным для балканского конституционализма XIX–XX вв. Отсюда и вопрос, поставленный Томашем Г. Масариком: «Как сделать так, чтобы мертвые слова ожили?»

Сербская конституция 1888 г. («одна из самых либеральных в Европе», как привычно ее именует национальная историография³) принадлежала к разряду именно *номинальных*. Такое заключение позволяет нам сделать анализ того, как функционировали введенные ею парламентские институты в условиях Сербии, где гражданское общество еще не сложилось. Ведь как указывал А. Вебер, «там, где предпосылки отсутствуют, парламентское правление невозможно, либо, по меньшей мере, оно действует плохо»⁴, несмотря на наличие вывески.

¹ Суботић Д. Краљ Петар Карађорђевић и институција уставне (парламентарне) монархије у Србији (1903–1914) // Српска политичка мисао. Београд, 1995. Бр. 1. С. 14–15.

² См.: Поповић М. Борба за парламентарни режим у Србији. Београд, 1939. С. 89; Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958. С. 282–283; Протић М. Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881–1903). Београд, 1990. С. 17; Dragnich A. The Development of Parliamentary Government in Serbia. N. Y., 1978. P. 106; Балканы в конце XIX — начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1990. С. 20–21.

³ См.: Историја Српског народа. Београд, 1983. Књ. 6. Т. 1. С. 92; Љушић Р. Историја српске државности. Књ. 2. Србија и Црна Гора — нововековне српске државе. Нови Сад, 2001. С. 203–204.

⁴ Вебер А. Идеи к проблемам социологии государства и культуры // Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры. М., 1999. С. 91.

И действительно, уже сама процедура выборов в скупшину приводила здесь к иному, чем в Западной Европе, последствиям — в однородном и политически не структурированном обществе она не только не обеспечивала торжества плюрализма (его не было), но, напротив, закрепляла монополию единственной партии, выражавшей интересы 9/10 населения... В бытность свою на Балканах Л. Д. Троцкий справедливо подметил это «худосочие сербского парламентаризма — отсутствие резко очерченных современных классов»¹.

В сентябре 1889 г. в стране прошли первые свободные выборы. И что же? Из 117 парламентских мандатов радикалы получили 102, в результате чего в Сербии сложилось настоящее «радикальное царство»², т. е. открытая диктатура победившего большинства³, — в условиях подотчетности кабинета скупшине *все* решалось на заседаниях радикальной фракции, а дискуссии и голосования на пленумах, инициированные слабой либеральной оппозицией, превращались в формальность, поскольку не вели к компромиссу: настоящей парламентской (межпартийной) борьбы в новом сербском парламенте не было. Перед нами — идеальное воплощение того, что радикалы называли *парламентаризмом*. «Если скупшина избрана парламентским путем, — подчеркивал вице-лидер их фракции Ранко Тайсич, — и так же сформировано правительство, то решать все вопросы должно большинство, не обращая внимания на то, что думает меньшинство из десятка человек»⁴. И Стоян Протич — один из ведущих партийных идеологов — выводил идентичную «парламентскую формулу»: «Та партия, которой народ дал большинство, имеет неоспоримое (мы бы сказали, *монопольное*. — А. Ш.) право управлять страной, причем в использовании того права ее не могут ограничить ни скупшинская оппозиция, ни Корона...»⁵

В рамках такого *парламентаризма* правительство было накрепко привязано к радикальному депутатскому клубу, который *de facto* становился средоточием законодательной власти. «Радикальный кабинет никогда не действовал в обход клуба, но всегда искал договора и согласия с ним», — указывал Н. Пашич⁶. Все точно! Система *партийного государства* («радикального царства»), за которое с дня основания своей партии боролись радикалы⁷,

¹ Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 6. С. 108.

² Тодоровић П. Велика тајна // Тодоровић П. Огледало. Зраке из прошлости... С. 206.

³ Подробный разбор функционирования радикального режима см.: Шемякин А. Л. Обреченная конституция: сербский Устав 1888 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 64–81.

⁴ Записници са седница клуба посланика Народне радикалне странке у Народној скупштини, године 1893 // Архивски преглед. Београд, 1994–1995. Бр. 1–4. С. 56.

⁵ См.: Стојановић Д. Србија и демократија. 1903–1914. Београд, 2003. С. 68–69.

⁶ АСАНУ. Бр. 9991/2 (Записник седница клуба Народне радикалне странке). 17 састанак.

⁷ См.: Перовић Л. Приказ књиге Васе Казиминовића «Никола Пашић и његово доба. 1845–1926» (Београд, 1990) // Историјски часопис. Београд, 1993.

по определению отрицала автономное функционирование исполнительной власти¹. Поэтому как только между фракцией и кабинетом возникли разногласия, судьба последнего была решена — зимой 1891 г. Сава Груич подал в отставку с поста премьера... Что же касается самого депутатского клуба, то партийное руководство уделяло особое внимание его персональному составу. Среди критериев, которым должны были соответствовать выдвигаемые снизу радикальные кандидаты в парламентарии, главным был следующий: настоятельно необходимо, чтобы каждый претендент на депутатский мандат от радикалов «всегда подчинялся решениям партии и соблюдал партийную дисциплину...»² Ну а «решения партии» — суть решения Центрального комитета, который «представляет ее во всех случаях»³. Именно так было записано в резолюции Нишского съезда радикалов, состоявшегося в мае 1889 г.

Круг замкнулся — приводные ремни внутри радикального механизма шли не от правительства к партии, как это было принято в европейской политической практике, а наоборот: от партии (т. е. Центрального комитета) к кабинету, через парламентский депутатский клуб (фракцию). В результате Пашич, как «вечный» председатель высшего партийного органа, даже не будучи премьер-министром, прочно держал бразды правления партией и страной.

Итак, вполне очевидно, что в условиях «радикального режима» все рычаги как законодательной, так и исполнительной власти сосредотачивались в руках ЦК радикалов, который, по оценке Милана Обреновича, становился «верховой контрольной инстанцией по отношению не только к правительству, но даже и к королю»⁴. Что ж, смешение властей и объединение их под одной крышей (на манер Конвента) — это старая и хорошо известная особенность политического менталитета соратников Н. Пашича^{5*}.

Књ. XXXIX (1992). С. 310; *Шемякин А. Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 330; *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији. 1903–1914. Београд, 1998. С. 81–85; *Она же.* Идеја и пракса уставности у Србији 1869–1914: између либералне и «народне» државе // Хелсиншке свеске. Русија, Србија, Црна Гора. Београд, 2000. С. 43; *Деспотовић Љ.* Српска политичка модерна... С. 202–203.

¹ См.: *Шемякин А. Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция... С. 295–296, 298.

² Архив Југославије (далее — АЈ). Фонд 143 (заоставштина Н. Пашића). Фасцикла 4.

³ *Ивић А.* Историја радикалне странке // Велика Србија. Август 1997. Бр. 403. С. 52.

⁴ АЈ. Заоставштина В. Јовановића-Марамбоа. Фасцикла 97.

⁵ *Шемякин А. Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция... С. 298; *Љушић Р.* Историја српске државности. Књ. 2... С. 206; *Деспотовић Љ.* Српска политичка модерна... С. 203.

* Понимание парламентаризма как ничем не ограниченной власти большинства рождало у них стремление вознести его и над законом. Так, радикалы села

Под прикрытием парламентских процедур, как видим, складывалась новая «абсолютная власть». Корона и другие политические организации низводились до положения ее маргинальных придатков. А потому конституция 1888 г. была обречена. Очередной раунд внутренней борьбы, развернувшейся в Сербии в 90-е гг. и сопровождавшейся чередой переворотов, подтверждает нашу мысль — стремление «оперившегося» к середине десятилетия Александра Обреновича к личному правлению (инспирированное находившимся в тени отцом*) с трудом уживалось с доктриной *ни с кем не делимой* власти радикалов.

Современник-серб имел все основания назвать конституционную практику своей страны «суррогатом европейского парламентаризма»¹. Гораздо раньше, еще на заре сербской независимости, русский путешественник также окрестил ее «ложным конституционализмом...»²

После смены династий в 1903 г. документ вновь обрел силу. И что мы видим? В демократической стране с *парламентским* правлением сложилась по сути однопартийная система. «Вместо власти одного человека, — констатировал Ст. Новакович, — в Сербии, под маской демократии, установлена власть одной-единственной партии»³, где, по словам Йована Скерлица, «существует личный режим, олигархия нескольких лидеров, которые

Кучево, вступаясь за своего осужденного соратника, адресовались к Пашичу: «Мы просим вас исходатайствовать у министра юстиции его помилование, поскольку он является одним из самых видных членов радикальной партии». А члены Крагуевацкого горкома всерьез полагали, что после принятия конституции 1888 г. именно их партия «несет ответственность за изменения в судебной сфере и вообще за все судебные дела» (А.И. Ф. 143. Фасцикла 4). Что ж, модель *партийного государства* по дефиниции имела мало общего с концептом *государства правового*.

¹ *Велмар-Янкович В.* Поглед са Калемегдана... С. 101.

² *Скальковский К.* В странах ига и свободы. Путевые впечатления по Кавказу, Малой Азии, Европейской Турции, Черногории, Сербии, Австро-Венгрии и Соединенным Штатам. СПб., 1878. С. 203.

³ Архив Србије (далее — АС). Фонд Стојана Новаковића. Бр. 428. Л. 3.

* К данной оценке конституции 1888 г. добавим, что, настаивая на принятии ее «от корки до корки», Милан Обренович сознательно придавал ей элемент *обреченности*. «Все кричали и требовали конституционную реформу, поэтому я и даровал новую конституцию. — говорил он своему приближенному Драгутину Франасовичу. — Я хотел довести это дело до абсурда и тем самым доказать, что она не годится для Сербии...» (цит. по: *Новакович Ст.* Двадесет година уставне политике у Србији. 1883–1903. Београд, 1912. С. 30). Соответственно он четко осознавал разницу между *декларацией* и *функционализацией* описанного в ней политического механизма, заметив не без скрытой иронии: «Желаем мы так или эдак, бумага все терпит, и мы пишем, что хотим, — естественно, что считаем лучшим. Но нужно посмотреть, что из всего этого получится, когда придет время практики, когда наступит реальная жизнь, когда станет реализовываться и воплощаться все то, что ныне мы сводим в стройные параграфы. Нужно подождать, и тогда мы увидим, как мы все проводили, и что нам удалось» (цит. по: *Тодорович П.* Успомене на краља Милана // Тодорович П. Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана. Приредила Л. Перовић. Београд, 1997. С. 219).

держат в своих руках не только партию, но и страну. Подобно Людовику XIV, они могут заявить: «Сербия — это мы!»¹. И такая власть одной партии была добровольно поддержана сербским крестьянством. Вершителями судеб Королевства действительно стали Никола Пашич (этот, по выражению Троцкого, «абсолютный властитель Сербии») и его радикалы. «В Белграде, — продолжал будущий «соавтор» русского Октября, — все политические разговоры вертятся вокруг личности Пашича. Про короля Петра вспоминают только в исключительных случаях, да и то по чисто внешним поводам... А Пашич всегда и у всех на уме и на языке. Он думает за всех, он знает, что нужно»².

В традиционном обществе отношения предводителя и массы часто строятся на основе харизмы. Очевидно, что непрерываемому вождю радикалов удалось добиться этой *харизматической* степени доверия своего народа: не зря же он 25 раз возглавлял правительство, а в самые трудные, военные, годы (1912–1918) — бессменно. При этом, как заметил князь Г. Н. Трубецкой, «он так олицетворял свою Сербию, как ни один человек в Европе не олицетворял своей страны»³.

* * *

И здесь мы подходим к вопросу об отношении сербов к своим монархам, или, точнее, — лидерам вообще. На данном примере особенно заметно совсем не европейское, но глубоко патриархальное восприятие власти сербским народом.

Уже говорилось, что государство сербский крестьянин понимал как во много раз увеличенную копию своего локального сообщества. Соответственно и монарх в его глазах, по наблюдению современника, «являлся главой задруги, в отношении которого ее члены также имели некоторые права»⁴. Такой патриархальный взгляд на власть, о чем мы также упоминали, сохранялся на протяжении всей эпохи независимости; сама же власть, централизуясь и дифференцируясь, неизбежно отчуждалась от общества. И в результате — на смену традиционной авторитарности *семейного* типа приходила безликая тирания государственного аппарата. Процесс политической модернизации, таким образом, рвал узы привычной интимности в отношении низов и верхов, возводя между ними непроницаемую бюрократическую стену, что вызывало в народе открытое недовольство⁵.

¹ АСАНУ. Заоставштина Милана Живановића. Бр. 14423/734. Л. 28. Подробнее об особенностях правления радикалов (а также восприятия ими власти) после 1903 г. см.: Стојановић Д. Србија и демократија... С. 51–76. 95.

² Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 6. С. 89.

³ Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монареаль, 1983. С. 90.

⁴ Николајевић Д. Краљ Милан и Тимочка буна... С. 70.

⁵ См.: Борђевић Т. Наш народни живот. Београд, 1923. С. 42–48.

Если князь Милош Обренович — неграмотный и деспотичный правитель, умевший, однако, с крестьянством обходиться, ладить и даже идти навстречу в ущерб собственной бюрократии («обращение его с ним было патриархальное, доступное»¹, — как отмечали русские), имел право патетически воскликнуть: «О народ, ты моя сила!..», то его наследники, принадлежавшие к категории «просвещенных» монархов, на него уже не походили. В своей политике они мало прислушивались к бившемуся в сербской глубинке пульсу общественного бытия, полагаясь всего лишь на силу государства и рационалистических доктрин, что в традиционном обществе отнюдь не гарантировало успешного и гармоничного правления. И когда король Милан выражал недовольство своим «безумным народом»² за непонимание и саботаж его государственных устремлений, последний через своих представителей в скупшине отвечал ему тем же, кляня за то, что «он вел страну путем чуждым и глубоко противным сербским традициям»^{3*}.

И последний Обренович — молодой и амбициозный Александр — не скрывал своего отношения к подданным. «Я огорчен и разочарован, — говорил он, — с этими чертовыми крестьянами ничего нельзя сделать»⁴. Неудивительно, что народ возненавидел его столь же единодушно, как и родителя... Конец династии был по-балкански жесток. И нам не кажется это случайным, ведь как прозорливо заметил еще задолго до ее трагедии побывавший в Сербии бельгийский ученый, «в стране, где любовь к свободе есть глубокое и общее чувство, государь не может управлять долгое время при помощи силы, не обращая внимания на нелюбовь народа»⁵.

Вступивший на сербский престол Петр Карагеоргиевич был человеком иного склада. 60-летний, умудренный эмиграцией вдовец, он старался править строго в рамках восстановленной конституции. Но временами делал ошибки и, в частности, ссорился с премьер-министром Н. Пашичем. За это однажды от своего близкого друга, уже известного нам М. Джурича, получил характерную отповедь: «Если ты, государь, думаешь, что, в случае выбора между тобой и Николой, народ выберет тебя, то ты глубоко ошибаешься»⁶.

Это весьма фамильярное и к тому же содержащее в себе скрытую угрозу предостережение емко выразило отношение сербов к власти. Очевидно,

¹ Сербия // Русский сборник. СПб., 1877. Т. 2. С. 133.

² Подлинное выражение монарха. См.: АС. Фонд Милутина Гарашанина Бр. 1058. Л. 18 (М. Обренович — М. Гарашанину. Ниш, 28 новембар 1886 г.).

³ Никола Пашић у Народној скупштини. Приредила Л. Перовић. Београд, 1997. Књ. 2. С. 543 (документ 114, примечание 20).

⁴ Мале А. Дневник са српског двора... С. 186–187.

⁵ Лавелз Э. де. Балканский полуостров... Ч. 2. С. 28.

⁶ Цит. по: Игњић С. Народни трибун прота Милан Ђурић. С. 168–169. См. также: Јовановић-Стојимировић М. Прота Ђурић... С. 151–152.

* Бельгийский ученый-экономист Э. де Лавелз, ознакомившись с положением дел в Сербии, также констатировал, что правительство «насильственно толкает народ на путь, который он не считает своим» (Лавелз Э. де. Балканский полуостров. Ч. 2. С. 27).

что оно характеризовалось отсутствием *сакрализации* монарха*, который, согласно традиционным представлениям (как глава семьи), должен быть всего лишь *первым среди равных*, а не возноситься на недостижимую высоту, изолируясь от общества. За венценосцем, таким образом, признавалось *первенство*, но не *превосходство*. «У нас нет вековой монархической традиции, — подчеркивал в парламенте один из депутатов, — а потому и монархическое чувство, какое присутствует в других государствах, у нас не развито»¹. Все точно. Дистанции между подданными и монархом в отличие, скажем, от России в Сербии не существовало. Как вспоминал воевода Живоин Мишич, во время отступления сербской армии осенью 1914 г. он отговаривал короля Петра от посещения боевых частей: «Солдаты ворчат, и дело закончится тем, что они просто обматерят и меня и вас»**. А ставший вскоре знаменитым Джон Рид оставил свидетельство о встрече с одним сербским кучером, который после сменившей это отступление блестящей победы назвал своих лучших лошадей — Воевода Мишич и Король Петр². Такой вот «простой» крестьянский юмор!

Добавим к этому и длительное соперничество двух сербских династий за верховную власть, что также не способствовало укреплению «монархического чувства». «Почти столетняя борьба Обреновичей с Карагеоргиевичами, — писал Л. Д. Троцкий, — представляющая цепь интриг с кровавыми финалами, весьма мало была способна укрепить фундамент сербской монархии...»³ После же 29 мая 1903 г., когда, по выражению вождя напред-

¹ Никола Пашић у Народној скупштини. Приредила Д. Стојановић. Београд, 1997. Књ. 3. С. 326 (документ 69, примечание 1).

² Рид Д. Вдоль фронта. М.; Л., 1928. С. 104.

³ Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 6. С. 106.

* Так, предпринятая экс-королем Миланом попытка искусственно поднять авторитет дома Обреновичей до уровня «святости» провалилась. В «Письме из Белграда», опубликованном в русской печати летом 1899 г., читаем: «Вернулся в Сербию Милан (в 1897 г. — А. Ш.) и был назначен на специально созданную для него должность высшего начальника активной армии... Вслед за этим был провозглашен «Великим» первый князь из рода Обреновичей, и установлен в память его особый орден «Милоша Великого», который должен быть жалует специально за преданность династии Обреновичей. Но этого еще мало: начата была пропаганда в субсидируемой правительством газете о провозглашении князя Михаила Обреновича (убитого в 1868 г. — А. Ш.) «Святым Великомучеником Сербским». Надо сказать по правде, мы вообще не очень религиозны, но подобная вещь даже у нас вызвала, с одной стороны, смех, с другой — прямо-таки взрыв негодования» (К. Письмо из Белграда // С.-Петербургские ведомости. № 186. 1899. 11 июля.).

** В 1898 г. король Александр Обренович, в рамках личного режима, решил было взять в свои руки и назначение глав общин (кметов), которые ранее избирались населением. Пригласив премьера Владана Джорджевича, он сообщил тому о своем намерении, на что премьер ответил: «Не следует этого делать, государь! Наш народ любит материть своих кметов, он будет материть и того, кто их назначил...» — «Тогда назначайте их вы», — нашел выход из ситуации король (цит. по: Јовановић-Стојимировић М. Доктор Владан // Јовановић-Стојимировић М. Си-луеет старог Београда. Књ. 2. С. 96).

няков Павла Маринковича, «вся Сербия видела, как король (каким бы он ни был) вылетел вниз головою в окно, с неприкосновенностью и престижем монарха было вообще покончено»¹. «По нашим понятиям, — вторил ему лидер либералов Войя Велькович, — в занятии королем Петром престола столько же божественного права, сколько в занятии господином Пашичем премьерского кресла...»²

Итак, отношение сербов к своим суверенам было весьма *приземленным* — все мы, мол, родом из одного корня (феномен национальных, крестьянских по происхождению, не укорененных в прошлое и изначально выборных династий).

Вследствие этого авторитет и доверие в случае отсутствия их у правителя могли переноситься и на популярного политика, который вписывался в патриархальные представления о власти. Высшим авторитетом, таким образом, наделялись не корона или трон, которые в сознании сербского крестьянина никогда не связывались с *помазанничеством Божьим*, а конкретный человек. В сравнении с королем Петром таким человеком и оказался Пашич, который со временем все больше становился персонификацией сербского радикализма — этого, по выражению современника, настоящего «народного верую»³.

Последний русский посланник при сербском дворе князь Г. Н. Трубецкой оставил весьма наглядную зарисовку его деятельности: «Фактически он был распорядителем судеб Сербии и решал все крупные и мелкие дела... Остальные члены кабинета были много моложе Пашича, который смотрел на них как на молодых людей, говорил им “ты” и звал по уменьшительному имени. Это было вполне в нравах патриархальной Сербии... Он правил страной наподобие сельского старосты в большой, но малоустроенном селе. Зная всех и каждого, он ловко умел устранить политическое соперничество. Всего более напоминал он мне сельского старосту в своих отношениях с богатой помещицей Россией. Он знал, что помещица может наехать, рассердиться и накричать, а он молча потрет себе бороду, а потом еще выхлопочет своему селу и деньжонок, и леску на хозяйство»⁴.

Корреспондент «Нового времени» также вспоминал (в 1916 г.): «В январе прошлого года я посетил Ниш и был принят главой сербского правительства... Нечего, конечно, говорить о той популярности и любви, которыми пользуется в стране этот выдающийся государственный деятель. К нему идут, как к отцу, и двери его кабинета открыты для всех. Он не только глава правительства, но он друг, с которым советуются обо всем, к голосу которого прислушиваются»⁵.

¹ Цит. по: *Поповић-Обрадовић О.* Идеја и пракса уставности у Србији 1869–1914: између либералне и «народне» државе... С. 51.

² Там же.

³ *Жујовић Ј.* Српска радикална странка. Говор на збору самосталних радикала у Јагодини 10 августа 1903. Београд, 1903. С. 9.

⁴ *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах... С. 88–90.

⁵ *Diplomaticus.* Никола Пашич // Новое время. 1916. 17 (30) апреля.

Такая власть *своего* старосты (или же «отца») вполне устраивала сербского селяка, который даже в самые тяжелые для него дни фаталистически замечал: «Байя знает, что делает», а значит — все образуется...

В свое время Макс Вебер выделил важнейший критерий «харизматического типа господства» — он опирается на «личные отношения между господином и подчиненным», противостоя «формально-рациональному типу господства как *безличному*»¹. Случай с Пашичем наглядно доказывает оправданность данной констатации*.

Национальное согласие, таким образом, вызревало в Сербии после 1903 г. на базе *традиционных* понятий о власти, которые, помимо всего прочего, требовали соблюдения скорее обычая, чем закона. Действительно, длительное проживание в локальных сообществах, где все друг друга знали, вело к тому, что общественная дисциплина базировалась опять-таки на личностных, а не на формальных принципах. Поэтому ощущение долга к своему ближайшему кругу (родственников, друзей, земляков), как того требовал древний обычай, часто превалировало у сербов над общегражданской ответственностью, закрепленной законом. Добавим и разницу в восприятии права и справедливости, присущую сербам, которые «часто считают несправедным даже *точное* исполнение закона, так как оно не учитывает конкретные обстоятельства во всяком отдельном случае»². Формальная процедура убивала в их глазах человечность.

Впрочем, этот подход был характерен для традиционного сознания вообще. В частности, В. А. Гиляровский с точностью формулы вывел его в своих русских типах: «Жалости подобно! Оно хоть и по закону, да не по

¹ Гайденко П. П. Социология Макса Вебера // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 28.

² Јовановић С. Осећање правде у динараца // Јовановић С. Један прилог за проучавање српског националног карактера. Виндзор, 1964. С. 43.

* В 1901 г., как известно, Народная радикальная партия раскололась на две фракции: старорадикалов — сторонников Н. Пашича и младорадикалов — так называемую Независимую радикальную партию. И в данной связи показателен отрывок из дневника Йована Жуйовича, в котором рядовые независимцы дают оценки своим лидерам и Пашичу: «Хотели бы командовать, но мы им не рабы. Мы их выбираем, а не они нас. У шефа нет терпения. Не желает слышать никакой критики. Пашич же терпит все. Он посещает партийные сборы и вечеринки. Однажды в Нише он был на таком сборе и услышал, что тот не хочет выдвигать его в депутаты парламента. Ночью он достал две пачки червонцев, и на другой день Станко Петрович (местный партийный лидер. — А. Ш.) провозгласил его на сборе кандидатом... Нам не нужны литераторы и ученые (имеется в виду в руководстве партии. — А. Ш.)» (Жуйовић Ј. Дневник. Приредило Д. Тодоровић. Београд, 1986. Књ. 1. С. 221)... А в 1913 г., во время Второй Балканской войны, русский военный корреспондент встретил на одной из железнодорожных станций поезд Пашича, направлявшегося в Скопье. По его словам, тот «вышел на платформу и был тотчас же окружен толпой поселян, с коими он дружески поздоровался за руку и которые начали его расспрашивать о положении дел» (Мартинов Е. И. Сербия в войне с царем Фердинандом... С. 30–31).

совести!»^{1*} Схожий пример противопоставления русским человеком юриспруденции и моральных принципов мы наблюдаем и в «Капитанской дочке»: на вопрос Екатерины II о мотивах ее приезда в столицу, Маша Миронова отвечает: «Я приехала просить милости, а не правосудия...»²

Новая сербская власть также далеко не всегда четко следовала «законной процедуре». По признанию современника, «у нас тогда была счастливая эпоха — никто не выступал против конституции, но и не особенно-то взыскивалось за нарушение закона. До самой смерти Пашича, когда наступил закат той великой эпохи, случаи беззакония в нашей стране были нередки, однако оно никогда не становилось системой...»³ И еще одно наблюдение о той «счастливой эпохе», на сей раз — русского корреспондента: «Сербский поселянин исполнен чувства собственного достоинства и держит себя хозяином в своей стране. Вообще, выражаясь по-русски, Сербия — это настоящее мужицкое царство»^{4**}.

С Николой Пашичем у власти, добавим от себя.

* * *

Говоря о степени модернизации сербского «мужицкого царства» на рубеже веков, следует, на наш взгляд, обратить внимание еще на одну важную сторону данного процесса, а именно на развитие школьного дела. Школа, как институт, или источник *реального* знания. Спрашивается,

¹ Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., 1979. С. 303.

² См.: Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. С. 148.

³ Дучић Ј. Личност Николе Пашића // Дучић Ј. Сабрана дела. Сарајево, 1969. Књ. 6. С. 192.

⁴ Мартынов Е. И. Сербь в борьбе с царем Фердинандом. ... С. 24.

* Обращаясь в мае 1875 г. к Милану Обреновичу, священник Никола Крупевич писал: «Народ видит, что многочисленные параграфы и формальности уже задушили справедливость, а без нее невозможны существование и прогресс общества. “На справедливости держится страна”, — говорит народ. Вот мы и хотим, чтобы наши суды были реформированы в духе общинного самоуправления, дабы народ мог легче, дешевле и без адвокатов (выделено в оригинале. — А. Ш.) добиваться правды» (Радикална странка у Србији пре Тимочке буне према архивској грађи из збирке музеја у Смедереву. Приредио Ј. Павловић. Смедерево, 1984. С. 147).

** Наблюдая за работой сербской скупщины (парламента), А. В. Амфитеатров заключил: «Мужицкая дума — эта скупщина, и тем сильнее ее впечатление. Крестьянский съезд в Москве — больше всего похож на сербский парламент» (Амфитеатров А. В. Славянское горе. С. 204). В. В. Водовозов обратил внимание на другой важный аспект функционирования государственной машины: «Вообще, налоговая система в Сербии далеко не является буржуазной в той мере, как в государствах Западной Европы. Напротив, она приспособляется к интересам крестьянства, которое господствует в скупщине и даже в правительстве» (Водовозов В. В. На Балканах. Статьи. Путевые очерки. Пг., 1917. С. 75).

насколько тождественны эти ее ипостаси (существенная и формальная) в условиях Сербии того времени?

Известно, что в 1882 г. министр просвещения Ст. Новакович издал закон о введении обязательного школьного обучения «для каждого ребенка, живущего в Сербии». По своим целям, да еще в патриархальной стране, закон был крайне амбициозен, почему и предусматривал некоторый переходный период. Сроком его окончательного применения был определен 1890 г. И что же видим в этом году? Количество охваченных школой детей не дотянуло и до половины всех, кто достиг школьного возраста; число же грамотных вообще составило чуть более 14%. Десять лет спустя количество грамотных достигло 21%, а в 1911 г. едва перевалило за 30%¹. Данные цифры, откровенно говоря, не впечатляют, особенно если иметь в виду, что закон об обязательном начальном образовании (в редакциях 1897 и 1904 гг.) действовал постоянно. В чем же тут дело?

Нам думается, что наряду с объективными обстоятельствами (нехваткой школьных зданий, учителей и т. д.) главную причину медленного роста уровня грамотности в указанный период следует искать в отношении самого сербского крестьянина к просвещению — насколько знание являлось для него жизненной ценностью и внутренней потребностью?

Снова прибегнем к помощи отечественных авторов. Фиксируя формальную сторону — «число первоначальных школ в Сербии в последнее время начинает увеличиваться», — они обращали внимание и на суть дела: «При обучении в первоначальных школах правительство мало соображается с нуждами народа, его нравами и условиями жизни. Сербский народ вовсе не против просвещения, но в своих школах он не находит того, что требует. Детей не обучают ни рукоделиям, ни ремеслам: мало того, родители замечают, что их дети, окончив курс в первоначальной школе, очень часто отказываются от простой работы. Серб, будучи по природе человеком в высшей степени практическим, находит излишним посылать в школы своих детей, которые в школьный возраст нужны ему для присмотра за скотиной и для всевозможных услуг в хозяйстве. Хотя обучение в этой стране обязательно и бесплатно, но сербские поселяне всеми правдами и неправдами стараются удерживать своих детей дома, и вследствие этого много сербов остается безграмотными»².

О чем свидетельствует данный пассаж? О нескольких вещах. Во-первых, в патриархальной Сербии мотивация для получения образования еще не созрела. Традиционный образ жизни предполагал, что большинство детей проследует по ней путем родителей, наследуя их занятия и обычаи, для чего «домашнее воспитание» (т. е. «присмотр за скотиной» и др.) было куда важнее полученного на стороне абстрактного знания. В свое время

¹ *Трговчевић Љ.* Образовање као чинилац модернизације Србије у XIX веку // Србија у модернизацијским процесима XX века... С. 221, 228.

² *Водовозова Е. Н.* Как люди на белом свете живут. Болгары, сербы, черногорцы... С. 104–105.

мать Еврема Груича — одного из зачинателей либерального движения в Сербии — пыталась отговорить мужа от идеи отдать его в школу: «Оставь его. Твои родители тоже не знали грамоты и ничего, жили неплохо...»¹ Все точно: «Закрепощенная и аккумулированная в бесписьменной народной культуре, хранимая в живой памяти и передаваемая механизмами неукоснительных традиций, ограниченная совокупность знаний и навыков вполне обеспечивала хозяйственный процесс»². И следовательно, как с полным правом заключает современная исследовательница, «представления о значении просвещения у большинства крестьян были весьма туманными...»³ Данный вывод, кстати, подтверждает и немалый процент детей, поступивших, но не закончивших начальную школу: за период с 1876 до 1910 г. ее бросило 20% учеников, т. е. каждый пятый из них⁴.

Во-вторых, знание, полученное в школе, для многих действительно было абстрактным, поскольку «мало соотносилось с нуждами народа, его нравами и условиями жизни». Как таковое (невостребованное) оно не стало повседневной необходимостью, что, в свою очередь, не могло не влиять на судьбу *формально* грамотных людей, назовем это так.

И откроем мемуары одного из редких образованных сербов — по должности окружного врача. «Нет лучшего школьного ревизора. — писал он на исходе XIX в., — чем окружной или срезский (уездный. — А. Ш.) врач, так как у него есть возможность при призыве в армию видеть тех детей, которые десять лет назад посещали школу. В селе, где школа существует 30 лет и где почти все прошли через нее, при призыве в армию оказалось, что из 40 бывших учеников только двое умеют читать и писать; 15 человек не умеют писать, но кое-как читают, а остальные и не читают, и не пишут. В том, что эти дети, по окончании школы, уходят в горы пасти скот и никогда больше не берут книгу в руки, виноваты не учителя. Просто у нас никто не желал об этом думать — ни одно правительство не предложило лекарства от болезни. И какой смысл в том, что такие большие деньги тратятся на учителей и школы, если в действительности народ не имеет от них никакой пользы, ибо те, кто после сельской школы решает продолжить занятия, идут в чиновники, священники или становятся сельскими писарями — остальные дети забывают все». И далее звучит уже знакомый мотив: «Крестьяне бы и хотели иметь школу в каждом селе, но при том условии, чтобы власть не требовала от них, что она должна быть по единому плану»⁵.

¹ Цит. по: Вулетић А. Породица у Србији средином 19. века. С. 82.

² Кузьмин М. Н. Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 60.

³ Вулетић А. Породица у Србији средином 19. века. С. 82.

⁴ Трговчевић Љ. Образовање као чинилац модернизације Србије у XIX веку... С. 225.

⁵ Димитријевић Ј. Како живи наш народ. Белешке једнога окружног лекара. Београд, 1893. С. 24–25.

Полтора десятилетия спустя (в 1908 г.) члены Шумадийского учительского общества, опрашивая в окрестностях Крагуевца крестьянскую молодежь, десять лет назад окончившую начальную школу, были вынуждены констатировать, что «у огромного большинства парней и девушек исчезло почти все полученное в школе знание, а многие из них вообще разучились читать и писать! Многие из них за время, прошедшее после школы, не написали ни единого слова и ничего не прочли!»¹ Но уже то, что «они были в состоянии, мучительно обливаясь потом, вывести свой автограф, — как замечает современный автор, — относилось многих из них к категории грамотных»². Таковы были критерии...

Итак, несмотря на общее число закончивших школу, *реально* грамотных людей в Сербии было намного меньше, что подтверждает всю относительность формальной стороны (статистики). Как и в случае с парламентаризмом, между *de jure* и *de facto* в школьном деле образовался зазор — *абстрактное* знание со временем выветривалось, не получая возможности адекватного использования в жизни, ибо традиционное общество не поощряло новаций («предшествующее стало нормой для последующего»³)... И в этой связи приведем показательный образчик присущего ему типа мышления, который в полном блеске проявился во время парламентских дебатов об открытии Высшей женской школы в 1879 г.

Оппонируя правительству, поставившему вопрос о школе, будущий вождь сербских радикалов Н. Пашич утверждал, что «предметы, которые предлагается в ней преподавать, не отвечают народным потребностям и тому, что народ вообще от нее ждет»⁴. Что бы это значило? Послушаем депутатов из крестьян. Не выступая в принципе против просвещения, они выражали сомнение в том, что, обучаясь в Высшей женской школе, женщина вряд ли сможет подготовить себя к главной роли — хозяйки и матери. Подчеркивалось, что «от такой школы больше веет духом аристократии и барства, чем духом труда, и это в то время, когда нам и нашей стране необходимы хозяйки, хорошие супруги и матери, а не фальшивые бары и аристократы». Все эти заявления делались в русле жестких филиппик против эмансипации, «которая должна иметь свои границы»⁵. И так далее... От себя добавим, что так размышляли не обычные селяки, а депутаты скупщины — эта, своего рода, крестьянская элита, умевшая в основном читать и писать.

Таким образом, даже из приведенных высказываний следует, что одна лишь голая форма, и, в частности, — принятые законы об обязательном

¹ Цит. по: *Исид М. Писменост у Србији у 19. веку // Образовање код Срба кроз векове*. Београд, 2003. С. 78.

² Там же.

³ *Гордон А. В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность...* С. 70.

⁴ Никола Пашич у Народној скупштини. Приредила Л. Перовић Београд, 1997. Књ. 1. С. 152 (документ 39).

⁵ Там же. С. 152–153 (документ 39, примечание 1).

образовании, наличие почти в каждом селе школы, нередко только недавно отстроенной, что не раз восхищало заезжих русских*, автоматически не является свидетельством успешной модернизации**. Немалые по меркам Сербии вложения в просвещение (в начале XX в. на него тратилось 5,5% средств из бюджета в отличие, скажем, от МВД, получавшего «лишь» 3,7%¹), которых в конечном итоге все равно не хватало, часто прокручивались вхолостую; соответственно и результаты крайне амбициозных школьных

¹ *Трговчевић Љ.* Образовање као чинилац модернизације Србије у XIX веку... С. 225.

* Проезжая через село Жича, что расположено неподалеку от знаменитого одноименного монастыря, известный русский педагог Е. Л. Марков восторгался: «Два превосходные, с иголки новые, каменные дома — народные школы: одна в 9 больших окон для мальчиков, другая в 6 — для девочек. Даже верить не хочется, что эти дворцы своего рода, действительно, построены для деревенских ребятишек. Это уже чисто по-американски, а не по-славянски» (*Марков Е.* Путешествие по Сербии и Черногории... С. 66).

** Крайне показательную в этой связи (и практически идентичную) тенденцию мы видим и в области сербского здравоохранения. Консультант русского Красного Креста во время сербо-турецкой войны 1876 г., будущий профессор Военно-хирургической академии С. П. Коломнин писал о своих «пациентах»: «Мы встретились с народом, не привыкшим лечиться и поэтому не придававшим лечению большого значения; в особенности была для него чужда оперативная помощь. До войны в каждом из 17-ти округов княжества существовала небольшая больница, но жители неохотно обращались туда за помощью, так что эти больницы пользовались скорее официальным, чем действительным значением (выделено нами. — А. Ш.). У народа не было почти никакого понятия о хирургическом лечении, потому что в Сербии слишком мало хирургов, а с другой стороны, он редко видел травматические повреждения вследствие отсутствия механических и всяких других заводов. Наступила война, и этот бедный народ стал платиться массой огнестрельных ран. Чуждые для него люди, русские доктора, взявшись за лечение, стали накладывать гипсовые повязки, предлагать ампутации и проч. Эти «войники», послушные как маленькие дети, охотно и вежливо переносили извлечение пуль, «перевивание», то есть перевязку ран, глубоко убежденные в душе, что вся эта процедура (кроме разве извлечения пуль) излишняя и что раны не хуже заросли бы и без нашей помощи, если бы раненых распустили по домам. Когда же доктора стали говорить об ампутациях, народ не хотел верить доводам; а при настоящих увещеваниях, стали слышаться ответы: «Не смей не только говорить, не смей и думать о том, чтоб отсечь мне ногу!» Они страшно платились за свою привычку к хирургической помощи. Прележав некоторое время в лазаретах, несколько привыкнув к нам, раненные охотнее соглашались на операции, но все-таки сохраняли непреодолимую боязнь к отнятиям членов. «Лучше смерть, чем сечь!» — и умирали; другие соглашались, но поздно, и вредили себе тем, что уменьшали проволочкой шансы на благоприятный исход после операции... Австрийские сербы (из них многие были дезертиры австрийских войск) и русские добровольцы гораздо охотнее соглашались на все операции, так что боязнь сербов можно объяснить единственно их привычкой к оперативной помощи...» (см.: *Коломнин С.* Общий медицинский очерк сербо-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время Турецкой войны 1877 г. СПб., 1877. С. 8–9).

реформ были весьма скромны: очевидно, что сербские власти не преуспели даже в *реальном* «ликбезе», не говоря уж о возможности с помощью школы влиять на сознание всего общества. Иными словами, «все, что устраивает сербское правительстве, обходится ему дороже, чем где бы то ни было, и к тому же все устроенное им обыкновенно не достигает своей цели»¹. Глубинные причины этого феномена заслуживают, на наш взгляд, отдельного исследования...

* * *

В непосредственной связи со школой и обучением находилось воспитание детей, каковое в условиях сербского традиционного общества тоже имело свою специфику. Мы уже упоминали, что одной из центральных традиционалистских установок была идея «участия минувших поколений в современности». Так вот, особо наглядно такое *участие* проявлялось в подходе родителей к воспитанию, когда, по наблюдению П. А. Ровинского, отцы заставляют своих чад «выучивать в виде катехизиса историю падения сербского царства на Косовом поле, причем делают такие выводы, что Милошу Обиличу — на вечные времена слава, Вуку Бранковичу — проклятие, а турку и швабу нужно посечь головы»^{2*}.

Образованные сербы, признавая явный перекокс «героического» воспитания, тем не менее объясняли его необходимость: «Видите, в каком мы положении: мы должны из наших детей готовить вместо гуманных граждан — диких солдат, потому что нам еще грозит война с турками и борьба с варварами, с которыми нужно мериться тем же оружием, каким и они пользуются против нас»³. Этот мотив грядущей войны и необходимости подготовки к ней с самого «нежного» возраста тиражировался на всех уровнях. Так, уже известный нам прота Милан Джурич с парламентской трибуны требовал от учителей так воспитывать детей, «чтобы они знали заветную мысль (об освобождении и объединении сербства. — А. Ш.), знали о косовских героях, ... и в будущем, став гражданами, отомстили бы за Косово и создали Великую Сербию». Или другой его пассаж: «Мать пасет

¹ *Водовозова Е. Н.* Как люди на белом свете живут. Болгары, сербы, черногорцы... С. 104.

² *Ровинский П. А.* Сербская Морава (Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г.)... С. 556–557.

³ *Он же.* Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II. С. 186–187.

* С течением времени в данной системе воспитания мало что изменилось. Спустя почти полвека после путешествия Ровинского другой русский автор констатировал: «Когда старый дед учит внука владеть саблей или кинжалом, тогда жилище серба наполняется избытком высокого наслаждения и удовольствия... Преемственно, от поколения к поколению, передаются имена освободителей народа от турецкого ига, и в честь их слагаются песни» (*Кожухов А. Н.* Сербия и сербы. Каменец-Подольск, 1915. С. 12).

овец или жнет ячмень и пшеницу, но при этом поет сыну песню и готовит его к отмщению Косова»¹.

Как видим, *юнацкое* (героическое) начало закладывалось в сербских детей с младых ногтей, что не могло не сказаться на формировании их мироощущения, каковое всегда оставалось сугубо конфронтационным в рамках оппозиции *своей* — *чужой*. И даже когда *чужие* менялись, т. е. когда к туркам добавились соседи из-за Савы и Дуная (что произошло после 1878 г.), отношение к ним оставалось столь же жестким и одномерным. В «Катехизисе для сербского народа» читаем: «Кто неприятель сербов? — Самый главный враг сербов — Австрия... Что нужно делать? — Ненавидеть Австрию, как своего самого главного врага... Кто друг сербов и Сербии? — Единственный искренний и надежный друг сербов, который был и есть: великая и мощная Россия. — В чем долг каждого серба? — Любить свое отечество и монарха и умирать за них, уважать своих друзей и ненавидеть врагов...»²

Данный подход проявляет себя особенно контрастно в сравнении с другим типом мышления. Иллюстрации ради приведем разговор известного сербского врача, литератора и политика Владана Джорджевича (воспитанного в Европе и отнюдь не фанатика-радикала вроде проты Джурича) с чешским национальным деятелем Ладиславом Ф. Ригером. На замечание Ригера о том, что «австрийское ярмо становится для чешского народа слишком тяжелым», собеседник задал ему естественный для *всякого* серба вопрос: «Почему же тогда чешский народ не сбросит его?» На что был получен характерный ответ: «Народ, у которого почти в каждом втором доме стоит пианино, не поднимает революций...»³ Перед нами — два наглядных проявления двух систем мышления*, названных Ю. М. Лотманом *бинарной*

¹ Цит. по: Поповић-Обрадовић О. Војна елита и цивилна власт у Србији 1903–1914. године // Србија у модернизацијским процесима 19. и 20. века. Књ. 3. Улогa елита ... С. 204.

² Катихизис за народ српски // Златибор. Народни лист. Ужице. 17 априла 1888 г. Бр. 17.

³ Рукописно Одељење Матице Српске. Бр. М. 14. 045. Владан Ђорђевић. Успомене: културне скице из XIX века. Књ. 3. «У војсци». XXVIII.

* Прошли десятилетия, но в мышлении одних и других опять же ничего не изменилось. В начале рокового 1914 г. оказавшийся в сербской столице русский турист писал: «Белград делает сейчас заем в 40 миллионов франков, из которых 20 миллионов предназначено на постройку общественных зданий... Многие находят, что для Белграда это расход чрезмерный, утверждая, что украшать город хорошо, ... но что пушки, пожалуй, надежнее. Не лучше ли иметь лишних 20 скорострельных пушек, чем построить один дом...» Ответ на это, гость вспомнил о своей встрече с мэром города Праги, «когда он показывал народный банк, который обошелся чуть ли не в четыре миллиона франков. Я спросил, как может маленькая Чехия возводить такие дворцы, которые считались бы роскошью даже в России или во Франции. Он ответил, что положение России и Чехии несравнимо... Чешский крестьянин знает, что он окружен со всех сторон немцами, которые хотят задвить его самосознание, ему тяжело, его надо подбодрить. Вот и строятся дворцы для

и *тернарной*. Вторая «стремится приспособить идеал к реальности», тогда как первая — «осуществить на практике неосуществимый идеал»¹.

Кстати, о фортепиано. Мы уже говорили, что в 1898 г. (спустя двадцать лет после диалога В. Джорджевича и Ригера) в старой сербской столице Крагуевце имелось одно-единственное пианино, принадлежавшее переселенцам из Срема. Музыкальные запросы сербов из Королевства были иными: героические песни, исполняемые на гусях, помогали им усиливать «участие минувших поколений в современности». П. А. Ровинский так описал финал исполнения одной из таких песен: «А когда дело дошло до Вука Бранковича, что выдал царя на Косове, и пропел ему певец: “проклят будь и род его и племя!” — “проклят!”, крикнули тут все и повскачили с мест, как будто бы ища изменника, предавшего сербство»².

Завершая свои путевые записки о Сербии, Павел Аполлонович отметил, что страна произвела на него «впечатление какого-то полувоенного лагеря», что все в ней «временное, неустановившееся, все в каком-то ожидании чего-то, что вся она живет *накануне*, вся в каком-то воинственном настроении»³. В результате, резюмировал он, «во имя постоянно грозящей войны Сербия жертвует своими истинно человеческими интересами», т. к. «на такой почве трудно ожидать, чтоб могли пустить глубокие корни гуманизм и гражданственность»⁴.

И действительно, коллективный портрет серба 2-й половины XIX — начала XX в. вполне можно было бы подписать: Homo Militans⁵, т. е. «человек вечной войны», как его называли русские очевидцы⁶ и что вообще было характерно для пограничных регионов, каковым издавна являлись Балканы...⁷

обслуживания народных нужд, чтобы показать народу его силу и мощь его единения. Каждая такая постройка есть новая крепость, она придает крестьянину веру в самого себя, в свои силы и укрепляет его дух» (*Комаров Г. В.* В Белград на Пасху. ... С. 7).

¹ Лотман Ю. М. Культура и взрыв... С. 142.

² Ровинский П. А. Сербская Моравя (Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г.)... С. 530.

³ Там же. С. 557–558.

⁴ Ровинский П. А. Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II. С. 186–187.

⁵ О происхождении этого термина и его изначальном значении см.: Тананьева Л. И. Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979. С. 154–155.

⁶ Ровинский П. А. Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II. С. 186.

⁷ Явления подобного рода (*Humanitas Heroica*) свойственны культурам пограничья, формируя своеобразный этос поведения и идеалы героизма — «чојства и јунаштва» у сербов и черногорцев. Характерными чертами образцового защитника своего этноса и его культуры являются те, которые можно определить как «драматизм мученичества» (см.: *Angyal E. Swiat slowian'skiego baroku* (перевод с венгерского оригинала на польский язык). Warszawa, 1972. S. 327–331).

Но когда настала пора решающих столкновений — во имя *отмщения Косова* — сербы (словно доказывая мысль В. О. Ключевского, что «цементирующая сила — традиция и цель»¹), *все, как один*, пошли в бой, да так, что выдавшие виды русские дивились: «Здесь узловой пункт. Нет шума, нет пьяных, нет плачущих женщин. Вообще ничего похожего на наши родные картины при отправке на войну запасных»*. И в глазах провожающей сына матери «ни единой слезинки». В них только одно: «Напред, сине, с Богом!»^{2**}.

Как и несколько лет спустя, во время Первой мировой войны, только сербская женщина, думается, могла написать сыну, оказавшемуся в австрийском плену: «Я все мыслю, что если тебя все-таки пленили, то ты, наверное, был ранен и не мог защищаться. Но, сынок, если ты сдался сам и при этом даже не был ранен, домой не возвращайся. Ты осрамил бы наше село, которое положило на алтарь отечества жизнь восьмидесяти трех героев из ста двадцати, сколько их всего призвали в армию. Твой брат Милан погиб у Рудника. Должно быть, он был счастлив, когда видел, как его старый король стреляет из первых шеренг...»³

В заключение сошлемся на суждение Л. В. Кузьмичевой, которая с полным правом замечает, что «...неопределенность сроков решения задач расширения государственных границ (и *постоянная* готовность к тому. — А. Ш.) — это один из главных тормозов движения Сербии по пути европеизации и модернизации внутрисоциальной жизни»⁴.

¹ Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 67.

² Чириков Е. Н. Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 23, 28.

³ Цит. по: Лафан Р. Срби — чувари капије. Предавања о историји Срба. Београд, 1994. С. 275.

⁴ Кузьмичева Л. В. Сербия между Западом и Востоком (поиски пути государственного строительства в XIX веке) // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков. К 60-летию профессора Московского университета Г. Ф. Матвеева. М., 2003. С. 76.

* Другой русский наблюдатель зафиксировал то же самое: «На всех станциях было много резервистов, отправляющихся на пополнение войск, а также попадались солдаты, вылечившиеся от ран... Настроение у всех было очень бодрое, а главное совершенно спокойное, как будто они ехали на самое обычное дело. Провожające родственники также не обнаруживали никаких внешних проявлений горя в виде плача, криков и причитаний» (Мартынов Е. И. Сербия в борьбе с царем Фердинандом. ... С. 28).

** В 1912 г. супруга российского посланника в Сербии Н. Г. Гартвига сообщала из Белграда в Москву: «Только что хоронили чиновника министерства иностранных дел Ковачевича, тело которого привезли в кусках из-под Куманова. Старик-отец перед прощанием обратился к сыну со словами: "Прощай, юнак, ты видишь, я не плачу, ступай с миром к престолу Всевышнего и скажи царям Душану и Лазарю, что Косово поле освобождено..." Это был единственный сын старика» (Центральный исторический архив Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3017. Л. 31; Козлов В. Ф.

Кстати говоря, во время мировой войны патриархальный характер сербов проявился особенно ярко, что не могло не отразиться в заметках очевидцев из-за границы. Так, российский посланник князь Г. Н. Трубецкой застал в 1915 г. в стране тот же социальный расклад, что солидарно фиксировали известные нам авторы десять, двадцать и пятьдесят лет назад. «В Сербии не было социальной борьбы, — писал он, — которой могло бы обусловиться классовое неравенство и борьба за классовые интересы. Народ селяков, со слаборазвитой городской культурой, сербы все были демократами»¹. И Джон Рид, побывавший тогда же в Нише (временной столице Королевства), констатировал в своих очерках, что «до сих пор в Сербии нет промышленного населения и мало богатых людей»². Он также передал разговор с одним из сербских высших офицеров. «Моя мать — крестьянка, — говорил тот. — Мы все в Сербии крестьяне, и это наша гордость. Воевода Путник, главнокомандующий армией, — бедный человек; отец его был крестьянином. Воевода Мишич, одержавший победу и прогнавший австрийцев из нашей страны, — крестьянин»³*

Характерны и зарисовки самого Ниша, сделанные русским дипломатом и американским журналистом. Описывая *столичные* нравы, Трубецкой отмечал: «В Нише не существовало и подобия светской жизни. Этому способствовала обстановка маленького городишки и простота нравов сербов. Жены министров сами ходили на рынок и возвращались иногда с поросенком в руках. Особенно накануне Рождества весь город прямо оглашался визгом поросят, ибо это было традиционное праздничное блюдо... Было странно видеть, например, старого полковника с поросенком в каждой руке, но, кроме иностранцев, этому никто не удивлялся»⁴. А будущего автора «Десяти дней...» особенно умилило, что в ресторан Дипломатического клуба надо было пробираться «через свиной хлеб, перешагнув через открытую сточную трубу». Сей факт произвел на американца неотразимое впечатление: «Зрелище, как британский посланник величественно проплывает че-

Москва — Сербии. Из истории русско-сербских связей XVII — начала XX в. М., 2001. С. 51).

¹ Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах... С. 86–87.

² Рид Д. Вдоль фронта. С. 67.

³ Там же. С. 59.

⁴ Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах... С. 98.

* И воевода Степа Степанович — победитель в знаменитой Церской битве (которая стала *первым* поражением Центральных держав в войне) — никак не выбивался из этого славного ряда. Уйдя на пенсию, он вернулся в свой провинциальный Чачак, где жители часто могли наблюдать, как «в глубине двора, облачившись в старую гимнастерку, в солдатских ботинках и с шайкачей на голове, пожилой воевода пилит дрова» (см.: Скоко С., Опачић П. Војвода Степа Степановић у ратова Србије. 1876–1918. Београд, 1974. С. 664).

рез свиной хлев и поднимается по ступеням клуба, точно это Пикадили-клуб, достойно того, чтобы проехать ради него столько миль»¹.

Традиционный (тяготеющий к локальности) менталитет сербских крестьян не мог не проявиться в условиях войны, накладывая свой отпечаток на армию и характер ее действий. «Это было войско, обладавшее перво-классными боевыми качествами, которые оно не раз показало, — писал Трубецкой, — но вместе с тем по своему складу сербская армия имела сходные черты с милицией. Сербский селяк особенно хорошо сражался, когда защищал родное село, близкий ему край, но в его понятии не уживалось представление о возможности покинуть хотя бы на время эти родные места, даже не попытавшись их защитить»². Не потому ли, стойко оборонявшиеся и контратаковавшие врага в первые месяцы войны, сербы вели лишь разрозненные арьергардные бои при отходе в глубь страны?³...

И в заключение приведем две иллюстрации военного времени. Несмотря на всю курьезность, они демонстрируют *встречу с новым* и *отношение к другому* на уровне отдельного человека — того самого мобилизованного «сербского селяка», который чаще всего не посещал школу (или посещал, но скоро все забывал) и не выбирался за пределы родного села. Война, таким образом, дала ему, может быть, единственную возможность познать что-то новое.

Когда в 1915 г. в госпитале Шотландского женского общества в Крагуевце раненым сербам после обеда впервые выдали зубную щетку и стакан с теплой белой жидкостью, они долго соображали. Пока, наконец, один смысленный шумадиец не отломил от щетки ручку и не стал гладить свои жирные после приема пищи усы. Другие последовали его примеру, а многие с благодарностью отпили из стаканов. Второй случай имел место на Салоникском фронте в 1916 г., где сербские войска, совместно с французскими, английскими и русскими частями, готовились к наступлению. Там и произошла их встреча с солдатами французских колониальных войск. Реакция крестьян, впервые увидевших негра, дошла до нас. Сначала они долго размышляли — кто перед ними: человек или какое-то неведомое животное? Но быстро рассудили, что это все-таки человек, поскольку у него имеются руки, ноги, голова, и он даже говорит, правда, на непонятном языке. Внешний вид «союзника», однако, продолжал их смущать, и после дополнительных дискуссий сербы заключили, что с ним, наверное, произошло что-то страшное, и он, судя по всему, обгорел на пожаре и поэтому так закоптился...⁴

¹ Рид Д. Вдоль фронта. С. 58.

² Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах... С. 176.

³ См. также: Писарев Ю. А. Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 197.

⁴ См.: Иванович М. «Умереть за родину»: Первая мировая война, или Столкновение «обычного человека» с тотальной войной // Последняя война императорской России. М., 2002. С. 154–155.

Подводя итог нашим размышлениям, приведем несколько цитат. Первую — из сочинения Душана Батаковича, современного сербского историка и главного редактора «Новой истории сербского народа» (о ней мы уже говорили): «Всего за одно столетие бывший “турецкий пашалык” превратился «в современное европейское государство со стабильной экономикой, оформленным гражданским сословием и демократическими порядками, опиравшимися на лучшие традиции европейских конституционных монархий...»¹ Все остальные — заключения очевидцев, посетивших это «европейское государство» на рубеже XIX–XX вв. и видевших все своими глазами, тогда же и на месте. Причем на сей раз мы намеренно не ограничиваемся только русскими авторами, поскольку в данном ракурсе хорош именно интернациональный ансамбль, который, что следует ниже, звучит удивительно слаженно...

Суммируя в 1893 г. свои впечатления о степени *европеизации* Сербии, один французский интеллектуал констатировал: «Внешний лак цивилизации — это то, что свидетельствует в пользу сербов и вводит в заблуждение проезжего иностранца. Лак цивилизации, потрескавшийся в тысяче мест, — это то, что открывается человеку, который имеет возможность рассматривать все не спеша и в деталях и делает из него врага первоначального образа»². То же самое подчеркнул и русский ученый: «Процесс усвоения европейской культуры и политических идей не мог пройти безболезненно в Сербии... Здесь оказалось много наносного, поверхностного, часто люди гнались за ложным блеском, увлекались самообольщением»³. Его соотечественник также окрестил все, что увидел, «игрой во внешнюю значительность»⁴.

В 1902 г. уже британская путешественница предельно четко выразила эту базовую дихотомию традиция—модернизация: «Сербия стремится стать Западом, стремится стать современной, поворачиваясь к миру, от которого так долго была отсечена». Однако, с другой стороны, «в своем сердце она хранит старые обычаи, корни которых теряются в глубоком прошлом...»⁵ И как результат такой, в который уже раз отмеченной амбивалентности следует ее итоговый вывод: «Несмотря на весь свой западноевропейский облик, Сербия еще совсем не научилась спешить»⁶. И действи-

¹ Батаковић Д. Предговор // Драшкић П. Моји мемоари. Приредило Д. Батаковић. Београд, 1990. С. 19.

² Мале А. Дневник са српског двора... С. 204.

³ Погодин А. Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. ... С. 337.

⁴ Степович А. И. Отрывки из путевых заметок по славянским странам. Белград // Киевское слово. 1890. 17 января. № 866.

⁵ Дарам М. Кроз српске земље... С. 140.

⁶ Там же. С. 114.

тельно, «сербы слишком любят покой»¹* (в то время как «для капитализма и экономического человека характерен отказ от безмятежного существования и наслаждения жизнью»²). К тому же, что мы опять-таки неоднократно наблюдали, «нет у них стремления к серьезной работе и никакой устойчивости. Они кричат, кричат, но ничего не делают»³. Время, в котором продолжало существовать сербское общество, оставалось цикличным: *экономический человек* здесь еще не проснулся, несмотря на квазиевропейские формы его существования. Перед нами — феномен, довольно распространенный во всем регионе к востоку от Эльбы и охарактеризованный Латинкой Перович точно и емко: «Модернизация без модерности»⁴, т. е. мертвая буква без духа...

Итак, совершенно очевидно, что *реальная* жизнь Сербии в последней трети XIX — начале XX в. далеко не соответствовала тем «современным» формам, в кои облачают ее многие сербские историки, стремясь представить свою родину вполне сложившимся «европейским государством».

¹ Лихачева Ел. Из Сербии // Отечественные записки. 1876. № 10. С. 189.

² Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология... С. 87.

³ Рукописное отделение Российской национальной библиотеки. Ф. 818. Д. 275 (К. Радченко — Т. Д. Флоринскому. Солунь, 9/21 июня 1899 г.).

⁴ Перовић Л. Модернизација без модерности // Перовић Л. Људи, догађаји и књиге. Београд, 2000. С. 146.

* Колоритную зарисовку этого типического для сербов явления оставил в своих заметках Е. Л. Марков. Описывая поездку в древний монастырь Любостиню, он не без иронии вспоминал: «Мы вскочили в половине пятого, чтобы попасть, по обещанию, к шести часам в Любостиню. Однако наша педантическая аккуратность, годная у немцев, не пригодилась в славянской Сербии. Проводник наш, избалованный былой раздольной жизнью, когда он вел торговые дела и имел порядочный капитал, не любил неволить себя и поднялся гораздо позднее нас; кучер наш тоже считал своим законным правом сначала напиться кофе в ресторане, беспечно болтая со своими земляками, потом неспешно напоить лошадей, потом также неспешно свести их перековать в кузню, так что только в 7 часов утра коляска наша могла с грохотом двинуться со двора кофейни по мокрым улицам Трстеника» (Марков Е. Путешествие по Сербии и Черногории... С. 54).

А. А. Силкин

Характер югославского парламентаризма

Королевство сербов, хорватов и словенцев появилось на европейской карте в результате объединения бывшего Королевства Сербия, Королевства Черногория и югославянских земель распавшейся Австро-Венгрии. Создание нового государства было провозглашено 1 декабря 1918 г. Международный статус и границы Королевства СХС были зафиксированы Версальским, Сен-Жерменским, Нейским мирными договорами 1919 г. и Трианонским и Рапалльским мирными договорами 1920 г.

Королевство СХС (с октября 1929 г. — Королевство Югославия) не было государством обретших друг друга после долгой разлуки братьев. Его существование было отмечено постоянной жесткой политической конфронтацией. Словосочетание «государственный кризис» на протяжении всего межвоенного периода не сходило со страниц аналитической прессы и с уст югославских политиков. Однако по здравому размышлению кризис не может длиться два с лишним десятилетия. Попытки достоверно локализовать его во времени приводят исследователя к нескольким событиям, среди которых и установление авторитарного режима короля Александра Карагеоргиевича (6 января 1929 г.), и фактический распад страны, произошедший после подписания 26 августа 1939 г. «Соглашения Цветкович — Мачек»*.

Поверхностная ретроспекция указывает на то, что непосредственной предпосылкой образования Бановины Хорватия была неудача интегрального югославистского «эксперимента»¹ — без малого пятилетнего авторитарного режима короля Александра Карагеоргиевича, установленного 6 января 1929 г. в результате упразднения принятой в 1921 г. так называемой Видовданской конституции. Осенью 1934 г., накануне рокового визита в Марсель король признал «ошибочность своего личного правления, ... а также

¹ Димић Љ. Историја српске државности. Књ. 3. Србија у Југославији. Пета глава «Дезинтеграција Југословенске државе и идеје о државно-правној посебности Србије». Нови Сад, 2001. С. 154.

* Драгиша Цветкович — премьер-министр югославского правительства. Владимир Мачек — председатель Хорватской крестьянской партии.

государственного устройства, основанного на интегральном югославизме и игнорировании национальных индивидуальностей отдельных народов»¹.

Несомненна взаимосвязь краха «эксперимента» с актом разделения Югославии. Однако позволим себе предположить более глубокое происхождение приведших к последнему тенденций. На это указывает хотя бы тот факт, что «Соглашение Цветкович — Мачек» удовлетворило хорватские запросы, сформулированные еще покойным Степаном Радичем*. Победу хорватского сепаратизма можно назвать развязкой дезинтеграционных процессов, начавшихся в период югославского парламентаризма (1918–1929). Их кульминация приходится на конец 1920-х гг. Период так называемой «монархо-диктатуры» — интермедия. Отмену Александром Карагеоргиевичем конституции и запрещение политических партий «религиозного или племенного характера»² следует в первую очередь рассматривать как попытку остановить общественно-политическое и национально-территориальное разрушение Королевства СХС.

«В первое воскресенье января 1929 г. рано утром король Александр привел в замешательство свою страну и дал повод европейской печати посвятить заголовки газет прокламации о роспуске парламента и упразднении конституции. В тот же день он доверил формирование правительства внепартийному кабинету, который представлял разные части страны и был подчинен напрямую королю... Королевский манифест “моему дорогому народу — всем сербам, хорватам и словенцам” (курсив мой. — А. С.) был опубликован в газете “Службене новине”»...

“Пришел час, когда больше не должно быть никаких посредников между народом и королем... Парламентские институты, которыми как политическим инструментом пользовался мой блаженно почивший отец, остаются и моим идеалом... Но слепые политические страсти настолько злоупотребляли парламентской системой, что она стала препятствием всякой полезной национальной деятельности. Согласие и даже обычные отношения между партиями и отдельными людьми стали совершенно невозможными. Вместо развития и воплощения идеи народного единства парламентские вожди начали провоцировать столкновения и народную разобщенность... Мой святой долг любой ценой сохранить народное единство государства... Этот идеал должен стать самым важным законом не только для меня, но и для каждого человека. Такое обязательство на меня налагает моя ответственность перед народом и историей, моя любовь к родине и святая память о бесчисленных и бесценных жертвах, павших за этот идеал.

¹ Глигоријевић Б. Основе и характер личног режима краља Александра Карађорђевића // Српска политичка мисао. 1, 1995. С. 45.; Meštrović I. Uspomene na političke ljude i događaje. Zagreb, 1969. S. 237.

² Службене новине Краљевине СХС, бр. 6. 6. 1. 1929.

* Степан Радич — лидер Хорватской народной крестьянской партии (ХНКП), переименованной в 1920 г. в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию (ХРКП), а в 1925 г. — в Хорватскую крестьянскую партию.

*Прибегать, как и раньше, к парламентской смене правительства или к новым выборам в законодательное собрание значило бы терять драгоценное время в тщетных попытках, отнявших у нас несколько последних лет. Мы должны искать новые методы работы и прокладывать новые пути»**.

Чем руководствовался король, так смело взяв инициативу в свои руки? Ситуация, впрямь, должна была казаться критической, иначе он не стал бы так рисковать и брать на себя такую ответственность¹.

Поиск ответа на вопрос, поставленный неизвестным автором процитированной статьи «Королевская диктатура в Югославии», требует определения характера и облика югославского парламентаризма 1920-х гг. Решение этой задачи позволит вывести на государственно-институциональный уровень анализ межнациональных, межтерриториальных и политических противоречий, проявившихся в период существования Королевства СХС.

Обязательное в контексте данной работы достоверное описание сути вышеуказанных противоречий обусловлено сочетанием двух методологических принципов — хронологического и проблемного. Следование первому делает необходимым подведение политических итогов так называемого «государственно-правового провизорного** периода», длившегося с момента создания государства до принятия 28 июня 1921 г. Видовдацкой конституции. С другой стороны, нельзя не обрисовать деятельность политических кругов Сербии, инициировавших создание югославского государства и принятием конституции заложивших правовые основы его существования, а также активность загребских деятелей (Степана Радича и Светозара Прибичевича), предопределившую остроту так называемого «хорватского вопроса», судьбоносного для истории Югославии.

* * *

С первых дней существования Королевства СХС вопрос его будущего национально-территориального и политического устройства приобрел особую остроту. В Белграде стремились к стиранию внутренних рубежей, отделявших «сербянцев»*** от «сербов-пречан»****, в то время как в За-

¹ Архив Югославии (далее — АЈ), ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо), хартије двора, фасцикла 18, «Краљевска диктатура у Југославији».

* Опубликование манифеста сопровождалось изданием законов, служивших правовому оформлению «диктатуры». «Закон о королевской власти и верховной государственной администрации» провозглашал короля носителем всей власти. Королу принадлежало право издания законов, назначения правительства, ответственного лично перед ним. Были упразднены все гражданские права: свобода слова, собраний и организаций и т. д.

** Провизорный (нем. *provisorisch*) — предварительный, временный.

*** Сербянец — серб из Сербии южнее Дуная. «Сербянский» политик — сербский политик из Сербии в границах до Первой мировой войны.

**** Термин «пречанин», «пречанский» используется нами не в узком оригинальном его смысле (серб из Австро-Венгрии), а в широком для обозначения югославян новоприсоединенных в 1918 г. территорий в целом.

гребе и Любляне в сохранении сербско-австро-венгерской границы, разумеется, в ином виде, видели гарантию беспрепятственного национального развития. При этом нельзя сказать, чтобы сербские, хорватские и словенские партии с самого начала имели четкое представление о внутреннем облике, который должна была приобрести Югославия в результате их совместных усилий.

С конца 1918 г. организации с ярко выраженными так называемыми «племенными» чертами — сербская Народная радикальная партия (НРП), Словенская народная партия (СНП), Хорватское объединение (ХО) — подверглись жесткому давлению со стороны двора и созданной по инициативе принца-регента Александра Карагеоргиевича Демократической партии (ДП), претендовавшей на роль единственного пророка учения о «народном единстве сербов, хорватов и словенцев». Общая угроза быть вытесненными с политической арены стала основой коалиции трех вышеперечисленных организаций, сформировавших Парламентское объединение.

Публично продемонстрированное единство мнений союзников по поводу принципов взаимоотношений центра и регионов, казалось, открывало перспективу «конституционного решения национального вопроса»¹. Однако ко времени выборов в Конституционное собрание («Уставотворную скупщину») в ноябре 1920 г. от согласия не осталось и следа. Конституционные проекты ХО и СНП рисовали картину не единого государства и даже не «союзного государства», а аморфного объединения «малых государств»². Положение совместного проекта НРП и ДП о разделении страны на 35 областей свидетельствовало об их решимости не принимать в расчет мнение хорватов и словенцев.

Прекращение сотрудничества НРП и представителей югославян-католиков было предопределено несколькими причинами. Во-первых, конъюнктурными соображениями. Большая часть радикалов полагала, что остаться у руля государства будет гораздо легче, имея союзниками могущественного принца-регента и его креатуру — ДП, а не их оппонентов с репутацией «племенных сепаратистов». В свою очередь ХО и СНП предпочли не идти наперекор антисербски настроенным массам своих избирателей.

Второй причиной было непреодоленное взаимное отчуждение «сербиянских» и «пречанских» политиков, имевших со времен войны различные, часто противоположные представления о смысле югославянского объединения и о той роли, которую им и их визави следовало бы играть в новом государстве. Чем сильнее действительность расходилась с их ожиданиями, тем глубже становилась пропасть между ними.

Политические коллизии «провизорного периода» оказали определяющее влияние на развитие страны. Видовданская конституция не заложила

¹ *Popović O.* Stojan Protić i ustavno rešenje nacionalnog pitanja u Kraljevini SHS. Beograd, 1988.

² *Јовановић С.* Уставно право Краљевине СХС. Београд, 1924. С. 43. (Слободан Јовановић употребљае термин «државица».)

устойчивой основы сосуществования югославянских народов, центра и регионов. Пожалуй, только на протяжении короткого времени, что длилось так называемое «сербско-хорватское согласие», борьба за и против ревизии конституции не была основным сюжетом политической жизни Югославии. Кроме того, по прошествии первых двух лет существования Королевства СХС стало очевидно, что все ее участники в своих взаимоотношениях с оппонентами не считают себя ограниченными какими-либо установленными нормами: положениями партийных программ или даже конституции, обязательствами перед союзниками и избирателями, «принципами парламентаризма», «добрыми обычаями». У каждого коллективного или индивидуального политического субъекта существовала собственная, определявшая его действия мораль — «родолюбивая» патриотическая (она же «узкоплеменная сепаратистская»), государственническая «югославистская» (она же «авторитарная шовинистическая») и т. д. В результате конфронтация как политический метод вытеснила из обихода готовность к компромиссу и умеренность.

* * *

Главным побудительным мотивом публично-политической активности белградского истеблишмента была защита интересов «сербства» от центробежных устремлений хорватов, словенцев и мусульман. По словам радикала М. Спалайковича: «После этой великой войны мы никогда не согласились бы больше на то, чтобы хотя бы один серб был не под сербской властью, а оставался под какой-либо другой, даже под властью братьев хорватов»¹.

Первым многообещающим шагом в направлении внутренней консолидации Королевства СХС стало принятие централистской Видовданской конституции. Однако уже первая половина 1920-х гг. была отмечена вовсе не принятием мер в духе «унитаризации», а негласными переговорами с сепаратистами — Хорватской республиканской крестьянской партией — на предмет приостановления громогласно продекларированного «осуществления конституции». Причиной тому были «родовые черты» белградских политиков. Характер их взаимоотношений с «освобожденными братьями» определялся обыкновением использовать любую государственную проблему в качестве инструмента для достижения сиюминутных узкопартийных целей. Перманентно острый «хорватский вопрос» представлял в этом отношении богатые возможности. Сепаратистские наклонности «пречан» после обретения конституции были не столько объектом терапии, сколько последним весомым аргументом междоусобной борьбы фракций «централистско-унитаристского фронта радикалов, демократов, двора и ге-

¹ Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XXI редовни састанак. С 5, XXVIII редовни састанак. С. 10.

нералитета». Совмещение политики усиления государства с мелкой розничной продажей государственных интересов привело к тому, что решение тактических задач заслонило общие генеральные цели, красноречиво описанные идеологами унитаризма.

Об отказе официального Белграда от реализации идеологии национального унитаризма и «державного» централизма свидетельствовало создание коалиции НРП и ХКП (июль 1925 г.) и ее идейное обоснование. Если раньше взаимоотношения радикалов и радичевцев характеризовались как «борьба государствообразующих элементов с коалицией антигосударственных и антидинастических экстремистов», то с июля 1925 г. прежнее противостояние преподносилось как «столкновение национального, конституционного характера», как борьба двух «главных стволов нации». «Примирение» хорватов и сербов в результате сговора двух «организованных на племенной основе» партий, по нашему мнению, не может считаться триумфом политики «обережения и усиления государства».

* * *

Непосредственной ареной сербско-хорватского противостояния были населенные сербами, но считавшиеся хорватскими области, соединившиеся в составе Государства СХС с Сербией. В начале описываемого десятилетия интеграционные устремления «пречанских» сербов направлял С. Прибичевич — фаворит короля и министр внутренних дел, под контролем которого с 1919 по 1925 г. находилась государственная администрация в Хорватии. Во главе сепаратистского порыва хорватов стоял Радич. К концу 1920-х гг. оба сохранили доверие народных масс, но в то же время кардинально изменили собственные программные установки. Радич из яркого «республиканца» превратился в едва ли не фаворита Александра Карагеоргиевича, а Прибичевич «отряхнул со своих ног прах» монархизма, централизма и национального унитаризма и перевоплотился в «республиканца-федералиста». При этом вначале злейшие враги — «государственный преступник» и «полицейский» — теперь стали неразлучными друзьями и союзниками по «Пречанскому фронту» — Крестьянско-демократической коалиции (КДК), в 1928 г. заявившей о непризнании конституции и отказавшейся участвовать в работе парламента. Непросто определить, в какой мере идеологические кульбиты обеих персонажей соответствовали эволюции настроений жителей Хорватии. Посильной задачей кажется определение логики поведения двух трибунов.

Союз Радича и Прибичевича, неожиданный для современников, не выглядит таким для сегодняшнего исследователя. С момента образования Королевства СХС «антиподы» сознательно дестабилизировали обстановку в стране и таким образом объективно способствовали взаимному усилению. Политический дуэт слаженно играл спектакль по сценарию «Я убегаю, ты догоняешь». При этом оба партнера выдерживали мизансцену. Политик из Хорватии И. Рибар в своих воспоминаниях приписывал главе ХРКП

следующие слова, сказанные в ответ на призывы поучаствовать в работе Уставотворной скупщины и помешать принятию централистской конституции: «Зачем мне и моей партии ехать в Белград и разрушать творение Светозара. Пускай он это сделает сам... Придет время, когда он окажется на моей стороне»¹.

Признание «публики» было главной наградой исполнителям, подтверждавшим незаменимость друг друга: Радича — в глазах хорватских крестьян, Прибичевича — в глазах «сербиянцев», для которых с момента образования Королевства СХС он был «представителем Хорватии». По словам хорвата Джуро Шурмина, «в обстановке нестабильности в нашем прекрасном отечестве политическая история новейшего времени извергла на поверхность двух политических монстров, двух фатальных людей. У сербов этот фатальный человек Светозар Прибичевич, а у нас Степан Радич... Светозара Прибичевича создал Степан Радич, а Степана Радича — Светозар Прибичевич»². Подобная гармония взаимоотношений была возможна только в первые годы существования Югославии. И Радич и Прибичевич стремились к тому, чтобы быть монопольными «хозяевами» Хорватии. Этот почти официальный статус не просто подразумевал участие в правительстве и контроль над местной администрацией, а значит, и над экономикой одной из самых богатых областей страны. Быть «хозяином» («специалистом», «представителем») значило иметь возможность перед лицом Сербии, а подчас и всей Европы выступать в качестве фигуры, от которой зависит состояние всего комплекса религиозных, национальных, экономических и прочих проблем, имевших решающее значение для стабильности Югославии и объединенных термином «хорватский вопрос». От способности им спекулировать, от умения шантажировать Белград зависел политический вес «специалиста по Хорватии». В 1925 г. после инициированного престолом создания коалиции НРП и ХКП этот титул перешел от Прибичевича к Радичу.

Однако в Белграде последний задержался ненамного дольше своего соотечественника-предшественника. Антисербские настроения избирателей и позиция короля, стремившегося к ослаблению всех партий, вытолкнули Радича обратно в оппозицию, где уже два года обретался Прибичевич, расценивший свое отлучение от власти как предательство со стороны НРП и Александра Карагеоргиевича.

Жажда отмщения «сербиянцам», необходимость поиска своего места в условиях наступающего краха видованского парламентаризма и постепенной узурпации королем власти в стране объединили «друзей-соперников». КДК должна была стать единственным безальтернативным «представителем Хорватии» и, следовательно, сделать ее создателей независимыми от капризов и изменчивых предпочтений двора. «Пречанским фронтом» было

¹ Ribar I. Politički spisi. Beograd, 1948. S. 30.

² Цит. по: Matković H. Svetozar Pribičević i Samostalna demokratska stranka do Šestojanuarske diktature. Zagreb, 1972. S. 167.

сподручнее, чем поодиночке, воевать с Белградом и сохранять контроль над обстановкой внутри Хорватии.

* * *

Вышеописанные политические катаклизмы развивались в государственно-институциональных рамках, очерченных Видовданской конституцией. **Статьи** гласили: **№ 1:** Государство сербов, хорватов и словенцев — конституционная, парламентская и наследственная монархия. (*«Народная скупщина — первый фактор законодательства, а король второй. Члены Народной скупщины определяют выборы, а личность короля заранее указана в конституции... Король не может быть ни обвинен, ни подвергнут суду за совершенные им преступления. Он обязан подчиняться конституции и законам... Хотя король подчиняется правовому порядку и не стоит над законом, совершенные им нарушения правового порядка остаются без установленного законом наказания.»*)

№ 46: Законодательную власть совместно осуществляют король и Народная скупщина. (*«Право законодательной инициативы принадлежит им обоим. Всякий закон вступает в силу в результате их обоюдного согласия.»* *«Король имеет право отказать в утверждении любого законопроекта... Скупщина не в состоянии заставить короля утвердить законопроект. Король имеет абсолютное, а не ограниченное право вето... но для короля существуют известные ограничения... если король решил утвердить законопроект, он должен утвердить его таким, каким он вышел из скупщины.»*)...

№ 47: Исполнительную власть осуществляет король через ответственных министров...

№ 52: Король созывает Народную скупщину на регулярный или внеочередной созыв... Король имеет право распустить Народную скупщину. Однако указом о роспуске одновременно назначаются новые выборы, которые должны состояться самое позднее через три месяца...

№ 54: Ни один акт королевской власти не имеет силы и не подлежит осуществлению, если его не заверил соответствующий министр...

№ 75: Заседания Народной скупщины регулярного созыва открываются каждый год 20 октября в том случае, если ранее скупщина не была созвана королем во внеочередном порядке... (*«Открытие сессии скупщины есть акт королевской власти, которым король уполномочивает скупщину приступить к исполнению своих обязанностей... Закрытие скупщины есть акт королевской власти, которым король констатирует, что созыв завершен, т. к. скупщина выполнила задачу этого созыва... Во время регулярного созыва обсуждается не один определенный вопрос, а все законопроекты, которые правительство или отдельные народные депутаты выносят на суд скупщины... Но все-таки существует один вопрос, ради которого необходим ежегодный созыв скупщины.»*) Регулярный созыв не может быть завершен до тех пор, пока не принят

бюджет... («Проект бюджета составляет правительство, а утверждает народная скупщина. По своему содержанию это акт управления финансами, а по форме это закон». «Без одобрения скупщины бюджет не может быть продлен больше, чем на три месяца». «Действие бюджета длится с 1 января по 31 декабря одного года. Бюджетный год совпадает с календарным»¹.)

№ 80: Законы провозглашает король своим указом, который содержит текст самого закона, принятый скупщиной. Указ заверяется министрами...

№ 82: Каждый член Народной скупщины имеет право направлять министрам вопросы и интерpellации. Министры обязаны дать на них ответ в течение того же созыва...

№ 90: Все министры составляют министерский совет, который подчиняется непосредственно королю. Король назначает председателя и членов министерского совета.

№ 91: Министры несут ответственность перед королем и Народной скупщиной. Король и Народная скупщина могут предъявить министрам обвинения в нарушении конституции и законов страны...

№ 94: Исполнительная власть может издавать распоряжения, необходимые для исполнения законов... Распоряжения не могут противоречить конституции или закону, для применения которого они были изданы... Народная скупщина может приостанавливать действие распоряжений целиком или отдельных их частей»².

Авторство вышеописанной системы государственной власти принадлежало руководству Народной радикальной (НРП) и Демократической партий (ДП), приложивших летом 1921 г. значительные усилия для принятия Основного закона страны. Стоит напомнить, что у «уставотворцев» принципиальных разногласий с оппозицией по вопросу о государственном строе в отличие от проблемы административного территориального разграничения не возникало. В программных документах и заявлениях всех политических партий, от ХРКП до НРП, можно найти признания приверженности идеалам парламентаризма. Югославянская мусульманская организация (ЮМО) требовала «полной ответственности правительства перед народным представительством». Радич с 1924 г. выступал за «монархию английского типа». НРП декларировала принцип «Le Roi regne mais il ne gouverne pas — король правит, но не управляет»³. «Народная радикальная партия — политическая парламентская партия. Поэтому она противостоит всем партиям и направлениям, не занимающим парламентские позиции... Без парламентаризма нет свободы и самоуправления. Партия боро-

¹ *Јовановић С.* Уставно право Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1995. С. 369, 386, 113, 398, 196, 202, 322.

² Устав Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд 28 јуна 1921 // *Petranović B., Zečević M.* Jugoslovenski federalizam. Ideje i stvarnost. Tematska zbirka dokumenata. Prvi tom. 1914–1943. Београд, 1987. С. 129.

³ Самоуправа. 24 јануар 1924. «Атавизам интриганата».

лась за него с самого начала своей деятельности...»¹ Примером подобного рвения служило также упоминание парламентского характера Королевства СХС, отличавшее Видовданский устав как от сербской конституции 1903 г., так и от законодательства Великобритании, чьи политические традиции почитались образцовыми.

Действительность диссонировала с «западнической» риторикой югославских политиков. Современный сербский историк Любодраг Димич пишет: «Королевство СХС не было страной, в которой Народная скупщина была бы суверенным органом власти»². По мнению сербской политической элиты, главным проявлением «кризиса парламентаризма» была неподконтрольность исполнительной власти депутатам. Деятели Республиканской партии Яша Проданович констатировал: «Народное представительство не имело сил ни защитить правительство от непарламентской отставки, ни устранить его от государственных дел в случае утраты доверия скупщинского большинства»³. «Никто не в состоянии ни определить причины отставок кабинетов, ни установить какие-нибудь четкие правила... Такой парламентаризм неизвестен европейским парламентским странам, хотя в их конституциях не указано, что они парламентские»⁴.

Анализируя годы спустя причины умаления роли представительной власти, большая часть югославских политических и общественных деятелей главным, и в большинстве случаев единственным его виновником называла короля Александра. Радикалы припоминали слова Пашича, сказанные им еще зимой 1918/19 г. по поводу отказа принца-регента утвердить его первым премьером Югославии: «Он демонстрирует склонность править самовластно... Интриган и очень амбициозен»⁵. Один из лидеров НРП Лазар Маркович в мемуарах вторил своему покойному шефу: «Александр не хотел оставаться в роли правителя парламентского государства, но не мог и не смел открыто выступить против конституции 1921 г. ... Поэтому он шел обходным путем для осуществления своих желаний и потребностей, не совместимых с признанными принципами парламентской системы правления»⁶.

Стравливая и ослабляя партии, шантажируя крупнейших политиков, Александр, по выражению радикала, многолетнего министра финансов Милана Стоядиновича, пробивал «бреши в общественной жизни»⁷. «Как

¹ Цит. по: *Petranović B., Zečević M.* Op. cit. S. 217.

² *Димич Љ.* Срби и Југославија. Београд, 1998. С. 121.

³ *Продановић Ј.* Изван парламентаризма. // Српски књижевни гласник. Нова серија. (Далее — СКГ) Књига 18. Број 6. С. 29. Београд. 1 јул 1926.

⁴ *Продановић Ј.* Криза нашега парламентаризма // СКГ. Књ. 13. Број 6. С. 445. 16 новембар 1924.

⁵ Цит. по: *Gligorijević B.* Demokratska stranka i politički odnosi u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Beograd, 1970. S. 25.

⁶ *Марковић Ј.* Одломци из «успомена» (1925 — 1926) // Никола Пашић у Народној скупштини. Књ. 4. Београд, 1998. С. 350.

⁷ *Stojadinović M.* Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Rijeka, 1970. S. 234.

регент и как король он часто торпедировал правительства», узурпировал право назначения военного министра и министра иностранных дел, вводил в состав кабинетов действующих офицеров, игнорируя мнение парламента. «Из 23 министерских кризисов скупщина вызвала всего два... Все прочие вызвал король или люди из его окружения и по его приказу. Чем дальше от 1918 г., тем чаще происходило вмешательство короля, тем больше все это походило на режим личной королевской власти. Диктатура 6 января 1929 г. всего лишь кульминация этой политики»¹, — делал вывод Светозар Прибичевич.

Не ставя под сомнение справедливость вышеприведенных обличительных выводов, отметим, что о собственной ответственности за итог двадцатых годов крупные партийные функционеры вспоминали нечасто. Между тем главная обусловившая «кризис парламентаризма» характеристика Народной скупщины не имела прямого касательства к взаимоотношениям «первого и второго конституционных факторов», к отсутствию контроля представительной власти над исполнительной, а была предопределена состоянием самого депутатского корпуса. В первую очередь следует отметить, что и в скупщине, и в правительстве, которое на протяжении изучаемого периода формировалось из депутатов крупнейших парламентских фракций, он демонстрировал более чем скромную работоспособность. Достаточно сказать, что с 1918 по 1929 г. было принято всего пять «финансовых законов» (1922/23, 1924/25, 1926/27, 1927/28, 1928/29 гг.). Все остальное время государство жило, деля на двенадцать абстрактную сумму прошлогодних доходов и расходов, часто существовавшую только в умах работников министерства финансов². Само собой разумеется, ни один из пяти бюджетов не был принят вовремя, в соответствии с календарным годом и финансовым законодательством. «Бюджетный год» в Югославии начинался либо весной, либо в середине лета³.

Число всех остальных законов, принятых народными избранниками, также было весьма невелико. Из-за их нерадивости десять лет спустя после создания Королевства СХС продолжала существовать юридическая «раздробленность» шести так называемых «правовых областей»⁴. «Видовданный устав не был осуществлен в государственно-правовой, а тем самым и в политической практике, т. к. не был подкреплён соответствующими законами... Юридические и правовые системы, унаследованные от предшествующих государственных состояний, в значительной степени продолжа-

¹ *Pribičević S. Diktatura kralja Aleksandra. Beograd, 1952. S. 117.*

² *Зборник Југославије, њених бановина, градова, срезова и општина. Beograd, 1931. С. 148.*

³ *Законои, уредбе и остали прописи Краљевине Југославије издани од 1. децембра 1918. до 31. децембра 1936. Beograd, 1936. С. 371 — 372.*

⁴ *Л. Димич в вышеупомянутой работе «Историја српске државности» (С. 94) называет следующие правовые территории: 1) бывшее Королевство Сербия; 2) бывшее Королевство Черногория; 3) Банская Хорватия и Славония; 4) Воеводина и Меджимурье; 5) Словения и Далмация; 6) Босния и Герцеговина.*

ли действовать. Поэтому Королевство СХС характеризовал государственно-правовой партикуляризм»¹. «Отсутствие правового единообразия вызвало политические потрясения, служило причиной экономической отсталости. Многочисленные системы гражданского, торгового, вексельного и имущественного права создавали условия нестабильности для людей, занимавшихся торговлей и производством. Неупорядоченность законодательства препятствовала получению иностранных кредитов и притоку капитала из-за границы...»²

В целом, как показывают современные исследования сербских авторов, «централизм, провозглашенный Видовданским уставом, не получил адекватного конституционного воплощения в виде систематических законодательных решений. Заложенная в конституции идея унитаризма и административного централизма находилась в противоречии с организацией государства, которое «в смысле правового устройства» было «федералистским»³. «Унификация судебной системы, как и системы местного самоуправления, так и не была осуществлена»⁴. Наконец, «выравнивание налогообложения» произошло только в январе 1928 г.⁵ До этого налоговое бремя в «пречанских» регионах было тяжелее, чем в Сербии. Главной жертвой этого неравенства была Воеводина. Все вышеперечисленное дает современному сербскому историку Николе Жутичу основание утверждать, что «государственно-правовой провизорный период» продолжался вовсе не до июня 1921 г., а до 1929 г., когда правовое единообразие было достигнуто узурпировавшим власть королем.

В 1919 г. было принято всего 9 законов, из которых ни один не был направлен на правовое оформление молодого государства.

- В 1920 г. — 2. Один из них — «о курортах и водах».
- В 1921 г. — 18, из которых только 5 имели отношение к государственному строительству.
- В 1922 г. была продемонстрирована неожиданная «фертильность». Было принято 113 законов. В 1920–1922 гг. работа парламента была организована следующим образом:
 1. Уставотворная Народная скупщина: 12.XII.1920 г. — 2.VII.1921 г.
 2. Внеочередной созыв: 2.VII. — 19.X.1921 г.
 3. Регулярный созыв: 20.X.1921 г. — 19.X.1922 г.
 4. Регулярный созыв: 20.X. — 21.XII.1922 г.

¹ *Žutić N.* Ministarski savet Kraljevine Jugoslavije. Obrazovanje, organizacija i pravni položaj u sistemu vrhovne državne uprave. // *Istorija 20 veka*. I. 1998. S. 29.

² *Пасаруков Н. Д.* Изједначење закона. // *Јубиларни зборник живота и рада Срба, Хрвата и Словенаца 1918 — 1928*. I. Београд, 1928. С. 382.

³ *Димић Љ.* Историја српске државности... С. 95.

⁴ *Зечевић М.* Југославија 1918 — 1992. Јужнословенски државни сан и јава. Београд, 1994. С. 47.

⁵ *Глигоријевић В.* Парламент и политичке странке... С. 254.

- В **1923** г. силы оставили «народных посланников» — 6 законопроектов.
5. Внеочередной созыв: 16.IV — 19.X.1923 г.
6. Регулярный созыв: 20.X.1923 г. — 27.V.1924 г.
- **1924** г. принес 3 законопроекта. Один — «о защите и наказании молодежи».
7. Внеочередной созыв: 6.VIII. — 19.X.1924 г.
8. Регулярный созыв: 20.X. — 10.XI.1924 г.
- **1925** г. — 6 законопроектов.
9. Внеочередной созыв: 7.III. — 19.X.1925 г.
10. Регулярный созыв: 20.X.1925 г. — 19.X.1926 г.
- **1926** г. — 9 законопроектов.
11. Регулярный созыв: 19.X.1926 г. — 15.VI.1927 г.
- **1927** г. — 6 законопроектов.
12. Внеочередной созыв: 5–19.X.1927 г.
13. Регулярный созыв: 20.X.1927 г. — 19.X.1928 г.
- **1928** г. занял второе место по числу законов — 19. В том числе «Закон о почтовых голубях» и «Закон о предотвращении эпидемических заболеваний скота». Наконец-то был принят «Закон о прямых налогах», способствовавший «выравниванию налогообложения»¹.
14. Регулярный созыв: 20.X.1928 г. — 6.I.1929 г.²

Придать жизненность сухой статистике и продемонстрировать работу скупщины в «реальном времени» позволяют выдержки из парламентских обзоров 1922 — 1928 гг. журналиста «Сербского литературного вестника» Б. Влайича.

- **16 января 1922 г.:** «Парламент проголосовал за “дванаестины” (1/12 прошлогоднего бюджета. — А. С.) и отправился на каникулы, на весьма продолжительные каникулы».
- **16 августа 1922 г.:** «Заседания Народной скупщины отложены. Отсрочка утверждена постфактум: не дожидаясь решения, народные депутаты разъехались по домам. До тех пор пока не были приняты законы о бюджете и займе, правительству еще удавалось удерживать свои фракции в сборе. Но после этого правительство было не в состоянии... задерживать своих депутатов в скупщине. Народные депутаты в оправдание своего поступка приводят как смягчающее обстоятельство усталость от долгой работы и невыносимую белградскую жару. Но если это можно по-человечески понять, то остается одно отягчающее обстоятельство, и довольно значительное, — важность вопросов, стоявших в повестке дня скупщины. Это Закон о компенсации за ущерб, нанесенный войной, и Закон о гражданских чиновниках. Тягостное впечатление от поступка депутатов усугубляется тем, что... трудолюбие им изменило только

¹ Сагадин С. Народна скупштина // Јубиларни зборник живота и рада... С. 93–96.

² Митриновић Ч., Брашић М. Н. Југословенске Народне скупштине и сабори. Београд, 1937.

тогда, когда от законов, непосредственно интересовавших правительство, — бюджет и заем — они перешли к законам, затрагивающим интересы подданных. ...3 и 4 августа работа Народной скупщины была прервана из-за отсутствия кворума. Председателю парламента не оставалось ничего другого, как сказать, что о следующем заседании будет объявлено в письменном виде. Это, по-видимому, будет после 20 сентября».

- **1 сентября 1922 г.:** «Когда народные депутаты отправились отдыхать, не выполнив повестку дня скупщины... правительственные газеты написали, что одна из причин, по которым правительство хочет отложить работу парламента, — потребность... получить время для подготовки дальнейшей работы парламента. Однако оказалось, что правительством руководили более простые желания: каникулы парламента дали возможность отдохнуть и самим министрам. Вслед за депутатами из Белграда стали разъезжаться и министры — на отдых или в свои избирательные округа. Во второй половине августа были такие дни, когда в столице было не больше 2 — 3 министров. И речь идет о правительстве, которое, по причине пребывания короля за границей... вершит и королевскую власть. Из-за отсутствия большинства министров заседания кабинета отложены до 5 сентября. Эти обстоятельства объясняют, почему неизвестна дата начала ни работы парламента, ни созыва законодательного комитета».
- **16 сентября 1922 г.:** «Чтобы сгладить тягостное впечатление от перерыва в работе скупщины в начале августа, когда депутаты разъехались из Белграда, несмотря на важность обсуждаемых вопросов, правительство сообщило, что каникулы закончатся не позднее 20 сентября. Исходя из этого ожидалось, что Законодательный комитет соберется еще в первой половине сентября, чтобы успеть до пленарного заседания подготовить закон о чиновниках. Однако первая половина сентября прошла, а Законодательный комитет не приступил к работе... После долгого перерыва, вызванного отсутствием большинства министров, правительство стало снова собираться на заседания. Но и сейчас не все члены кабинета в Белграде. Главное, председатель правительства господин Пашич будет отсутствовать дольше, чем предполагалось. ...При том положении, в котором находится правительство, нет оправдания долгому пребыванию председателя правительства за границей. Кажется, все умерло: премьер-министр за границей; парламента не собирается, чтобы скрытый правительственный кризис не стал явным; правительство не в состоянии держать в сборе достаточное для проведения заседаний количество министров...»
- **1 августа 1923 г.:** «Летняя сессия Народной скупщины закончена, и заседания отложены до 20 сентября. От состоящей из 19 пунктов законодательной программы, которой так гордится правительство Пашича, и которую оно представило 1 июня... скупщина приняла всего три законопроекта...»

- **1 октября 1923 г.:** «20 сентября после почти двухмесячного отдыха скупщина возобновила свои заседания. ... Дома даже официальные лица с их обязательным оптимизмом едва осмеливаются утверждать, что страна обустроивается. Конституционный вопрос остался нерешенным и после принятия Видовданского устава, который даже правительство господина Пашича... не в состоянии провести в жизнь. Скупщина неспособна к плодотворной законодательной деятельности. Администрация в расстройстве...»
- **16 ноября 1923 г.:** «Только начав работу в рамках регулярного созыва, уже 29 октября Народная скупщина прервала свои заседания до 20 ноября. Причина — отсутствие готового законодательного материала для обсуждения на пленарном заседании скупщины.
В своей программе, которая была представлена парламенту, однопартийное радикальное правительство господина Пашича определила свою главную задачу: обустройство государства в результате быстрого и решительного установления нового правового порядка. (...) Что для этого сделало правительство господина Пашича? (...) Правительство образовано шесть с половиной месяцев назад. Срок короткий для обещанных результатов (программа состоит из 19 законов), но не короткий для результатов, которые удалось достичь. Для них, напротив, это слишком длинный срок. За все время своей работы правительству удалось провести через Скупщину незначительное количество законопроектов...»
- **1 декабря 1923 г.:** «Когда 29 октября заседания скупщины были отложены, председатель обещал, что перерыв не затянется дольше, чем до 20 ноября. По мере приближения срока становилось все очевидней, что причина перерыва — отсутствие готовых законопроектов для обсуждения на пленарных заседаниях — не будет устранена, а очередное заседание откладывается до 3 декабря. Обсуждение бюджета на 1923/24 г. в Финансовом комитете продвигается медленнее, чем предполагалось. Поэтому скупщина не сможет принять бюджет к рассмотрению на своих первых заседаниях. Это значит, что бюджет вообще не будет принят до 1 января 1924 г., а правительство еще раз вынуждено будет просить у парламента разрешения продления действия старого бюджета. Т. к. уже в течение первой половины бюджетного года (1 июля — 31 декабря) правительство господина Пашича существовало по дванаестинам, оно и во второе полугодие вступает с дванаестинами. Принятый “бюджет 1923/24 гг.” будет реально действовать только краткий отрезок отведенного ему законного времени. Если работу Финансового комитета нельзя одобрить, то работа Законодательного комитета заслуживает осуждения. Хотя на рассмотрении в комитете находятся два закона, касающиеся не политических, а специальных проблем (закон об устройстве судов и закон о судьях), Законодательный комитет не соберется для их обсуждения 3 декабря. Другими законопроектами комитет за все время перерыва в работе парламента вообще не занимался. И когда

скупщина соберется, вскоре опять наступит дефицит материала для пленарного обсуждения».

- **16 января 1924 г.** «О политической ситуации накануне Рождества газеты пишут: "Затишье". (...) В правительстве, за исключением Министерства иностранных дел, которое готовит белградскую встречу Малой Антанты, все спокойно. По случаю праздника, парламент на каникулах...»
- **1 апреля 1924 г.** «Об отставке своего правительства господин Пашич заявил, как только первые депутаты от партии господина Радича приняли депутатскую присягу. Пашич не стал дожидаться, пока его правительству выразят недоверие в парламенте. ... Эта неожиданная отставка правительства, произошедшая на последнем этапе обсуждения бюджета, стала объектом критики оппозиции. Критика вызвана тем обстоятельством, что раньше руководители фракций договорились о своевременном принятии бюджета. Было ясно, что оппозиционный блок и после присоединения к нему голосов ХРКП не будет препятствовать принятию бюджета. Отставка правительства прервала обсуждение бюджета. Всего шесть дней отделяло срок действия последней бюджетной дванаестины от того момента, когда государственная администрация могла остаться без бюджетного финансирования».
- **1 января 1925 г.:** «1924 год был полон правительственных кризисов. За 12 месяцев страной по очереди управляло пять кабинетов... Понятно, что с такими недолговечными правительствами должно было остановиться и простое административное управление государственными делами, а тем более процесс организации государства. В 1924 г. в процессе организации нового государства ни в законодательном отношении, ни в области администрации, ни в судебном деле не было сделано ни единого шага вперед».
- **16 апреля 1925 г.:** «Как только правительству удалось провести через парламент "дванаестины" на апрель, май, июнь, июль, г. Пашич, чтобы дать себе передышку, отложил заседания скупщины на целый месяц».
- **1 июня 1925 г.:** «Занятая историей с мандатами членов ХКП общественность с меньшим вниманием следит за законодательной работой Скупщины. Впрочем, эта работа продвигается медленно и не дает материала для привлечения общественного внимания. Заседания Народной скупщины постоянно откладываются. До сих пор принят всего один закон — о жилище. На обсуждение на пленарном заседании только что вынесен второй закон — о сельскохозяйственном кредите».
- **16 июня 1925 г.:** «Этот созыв длится не первый день, а работа скупщины не становится интенсивней. Наоборот, она только замедляется. Заседания короткие. И только в исключительных случаях продолжаются после обеда. Скупщина постоянно откладывается. Перед выборами и после них правительство обещало плодотворную законодательную деятельность в парламенте. Однако скупщина до сих пор, хотя и заседает уже больше трех месяцев, приняла всего два закона... В середине этого

месяца... заседания опять прерваны и возобновятся только через пять дней. Этот перерыв правительство объясняет... отсутствием готовых законопроектов для обсуждения...

В этом бюджетном году хозяйственная деятельность будет и дальше осуществляться в соответствии с “дванаестинами”. В министерстве финансов и дальше готовят “дванаестины” на август, сентябрь, октябрь... ноябрь. Эта система финансирования помимо чисто финансовых недостатков имеет и один крупный политический. Она лишает парламент наиболее удачной возможности всесторонней критики правительства. Правительство до сих пор не представило скупщине свою декларацию...»

- **16 августа 1925 г.:** «Скупщина отправилась на отдых. Внеочередной созыв... хотя и не официально, завершен. Заседания парламента не прекращены указом, а отложены с согласия скупщины на неопределенный срок... Это конституционно-правовое различие — между закрытием указом и откладыванием — не лишено практического смысла. Оно позволяет депутатам и дальше получать зарплату... В плане законодательной деятельности этот созыв принес скудные результаты... Из законов, необходимых для осуществления организации нашего государства, не принято ни одного. Также не выполнены неотложные обязательства государства — не принят Закон об инвалидах. Но если этот созыв обошелся без принятия важных законов, то он был исключительно богат на политические события».
- **1 января 1926 г.:** «Законодательная работа в 1925 г. не оправдала надежд. В этом отношении нет никакой разницы между режимами “Пашич—Прибичевич” и “Пашич—Радич”. В процессе организации государства не сделано ни единого шага вперед. Из крупных законов принято всего четыре: о жилище, о сельскохозяйственном кредите, о печати, об инвалидах. Качество законов критикуется еще сильнее, чем их количество. Государственные финансы в конце 1925 г. в еще худшем состоянии, чем были год назад. Целый год хозяйственная деятельность осуществлялась без бюджета, по “дванаестинам”».
- **1 июля 1926 г.:** «Законодательная деятельность скупщины не приносит результатов. Обсуждение закона о центральной администрации даже и не начиналось. Работа над так называемыми судебными законами полностью остановилась. Законопроекты о выравнивании прямых налогов внесены правительством в комитет, но не видно воли довести их до обсуждения на пленарном заседании. Скупщина принимает только то, от чего, по мнению правительства, не удастся уклониться».
- **16 июля 1926 г.:** «Скупщина отложена на неопределенное время... нет готового материала для обсуждения».
- **16 ноября 1927 г.:** «Из-за отсутствия готовых законопроектов для обсуждения на пленарном заседании скупщина отложена».
- **1 декабря 1927 г.:** «В ноябре состоялось мало заседаний скупщины... в конце месяца их опять отложили на неопределенное время. Обоснова-

ние гласит: «Комитеты готовят материал для пленарного заседания». На вторую половину декабря и первую половину января следующего года приходится католическое и православное Рождество. Февраль и март пойдут на обсуждение бюджета. Следственно шансы на начало интенсивной законодательной работы не слишком высоки».

- **16 декабря 1927 г.:** «Скупщина снова собралась уже 14 декабря. Только из-за того, что и на этот раз нет готового материала для обсуждения на пленарных заседаниях, работа парламента сведется к рассмотрению правительственных законопроектов и их переадресации в соответствующие комитеты».
- **1 апреля 1928 г.:** «После заявления Крестьянско-демократической фракции, что данный бюджет «ни к чему не обязывает ни ее, ни области, ни население, которое она представляет», депутаты из партий г. Радича и г. Прибичевича больше не участвовали в обсуждении бюджета (с начала марта). Но тем не менее они отнимали большую часть времени заседаний. ...предложения срочных проектов резолюций, замечания по регламенту и инциденты, вызванные таким поведением оппозиции, день за днем препятствовали соблюдению повестки дня — обсуждению бюджета. В скупщине доходило до перебранок, тяжелых личных оскорблений. Происходили сцены, которых раньше не было в югославском парламенте. В отдельные моменты скупщина походила на сборище, в котором две противоборствующие группы готовы от слов перейти к драке»¹.

Последняя цитата дает понять, что при всей скудости плодов законотворчества в апатичности югославских парламентариев обвинить нельзя. Просто вышеприведенные показатели не могут служить отражением бившей ключом политической жизни. Для этого существует иная статистика: только Уставотворная скупщина проработала положенный четырехлетний срок (собрания, избранные в 1923, 1925 и, разумеется, в 1927 гг., были распущены досрочно). (См. таблицу на след. странице.)

За десять лет страной управляли 24 состава правительства². 7 человек попеременно занимали пост премьер-министра; по 13 — министра внутренних дел и министра по проведению аграрной реформы; 14 — министра.

¹ *Vlađuh B.* (Привремени) Унутрашња политика — преглед. // СКГ. Књ. 5. Бр. 2. С. 148. 16 јануар 1922; Књ. 6. Бр. 8. С. 630. 16 август 1922; Књ. 7. Бр. 1. С. 64 — 65. 1 септембар 1922; Књ. 7. Бр. 2. С. 149. 16 септембар 1922; Књ. 9. Бр. 7. С. 552. 1 август 1923; Књ. 10. Бр. 3. С. 233. 1 октобар 1923; Књ. 10. Бр. 6. С. 468. 16 новембар 1923; Књ. 10. Бр. 7. С. 541. 1 децембар 1923; Књ. 11. Бр. 2. С. 148. 16 јануар 1924; Књ. 11. Бр. 7. С. 545–546. 1 април 1924; Књ. 14. Бр. 1. С. 63 — 64. 1 јануар 1925; Књ. 14. Бр. 8. С. 632. 16 април 1925; Књ. 15. Бр. 3. С. 227. 1 јун 1925; Књ. 15. Бр. 4. С. 632. 16 јун 1925; Књ. 15. Бр. 4. С. 312. 16 јун 1925; Књ. 15. Бр. 6. С. 623–625. 16 август 1925; Књ. 17. Бр. 1. С. 71. 1 јануар 1926; Књ. 18. Бр. 5. С. 394. 1 јул 1926; Књ. 18. Бр. 6. С. 474. 16 јул 1926; Књ. 22. Бр. 6. С. 472., 16 новембар 1927; Бр. 8. С. 635. 16 децембар 1927; Књ. 22. Бр. 7. С. 554. 1 децембар 1927; Књ. 23. Бр. 7. С. 543. 1 април 1928.

² *Сагадин С.* Државна Управа // Јубиларни зборник живота и рада... С. 97–111.

	Выборы в Уставотворную скупщину 28.XI.1920 г.	Выборы 18.III.1923 г.	Выборы 8.II.1925 г.	Выборы 11.IX.1927 г.
Демократическая партия	92 мандата	51 мандат	37 мандатов	61 мандат
Радикальная партия	91	108	143	112
Коммунистическая партия Югославии	58	—	—	—
Хорватская респуб- ликанская крестьян- ская партия	50	70	67	61
Словенская народная партия	27	24	21	21
Союз земледельцев	39	11	3	9
Югославянская мусульманская организация	24	18	15	18
Самостоятельная де- мократическая партия	—	—	21	22

ответственного за злосчастное «выравнивание законодательства»; 12 — министра финансов; 16 — министра юстиции¹ и т. д.

I. (7.XII.1918 г. — 16.VIII.1919 г.): первое правительство Стояна Протича (НРП)

II. (16.VIII. — 18.X.1919 г.): первое правительство Любомира Давидовича (ДП)

III. (18.X.1919 — 19.II.1920 г.): второе правительство Любомира Давидовича (ДП)

IV. (19.II. — 17.V.1920 г.): второе правительство Стояна Протича (НРП)

V. (17.V. — 18.VIII.1920 г.): первое правительство Миленко Веснича (НРП)

VI. (18.VIII.1920 — 1.I.1921): второе правительство Миленко Веснича (НРП)

VII. (1.I. — 26.III.1921): первое правительство Николы Пашича (НРП)

VIII. (26.III. — 24.XII.1921 г.): второе правительство Николы Пашича (НРП)

IX. (24.XII.1921 г. — 5.I.1922 г.): третье правительство Николы Пашича (НРП)

X. (5.I. — 16.12.1922 г.): четвертое правительство Николы Пашича (НРП)

XI. (16.12.1922 г. — 2.5.1923 г.): пятое правительство Николы Пашича (НРП)

XII. (2.5.1923 г. — 27.3.1924 г.): шестое правительство Николы Пашича (НРП)

XIII. (27.3. — 21.5.1924 г.): седьмое правительство Николы Пашича (НРП)

XIV. (21.5. — 27.7.1924 г.): правительство Николы Пашича (НРП)

XV. (27.7. — 6.11.1924 г.): правительство Любомира Давидовича (ДП)

XVI. (6.11.1924 г. — 29.4.1925 г.): правительство Николы Пашича (НРП)

XVII. (29.4. — 18.7.1925 г.): правительство Николы Пашича (НРП)

XVIII. (18.7.1925 — 8.4.1926 г.): правительство Николы Пашича (НРП)

XIX. (8.4. — 24.12.1926 г.): правительство Николы Узуновича (НРП)

¹ Čulinović F. Jugoslavija između dva rata. II. Zagreb, 1961. S. 287.

XX. (24.12.1926 г. — 1.2.1927 г.): правительство Николы Узуновича (НРП)

XXI. (1.2 — 17.4.1927 г.): правительство Николы Узуновича (НРП)

XXII. (17.4.1927 г. — 23.2.1928 г.): правительство Велимира Вукичевича (НРП)

XXIII. (23.2. — 30.8.1928 г.): правительство Велимира Вукичевича (НРП)

XXIV. (30.8.1928 — 6.1.1929 г.): правительство Антона Корошца (СНП)

Подобный калейдоскоп людей и цифр бывшие партийные руководители относили исключительно на счет «интриганства» Александра Карагеоргиевича. Нам же в отличие от С. Прибичевича, Л. Марковича, М. Стоядиновича и прочих, кажется, что не только король, но и «народные избранники» были инициаторами роспусков скупщины и виновниками наиболее значимых правительственных кризисов.

- Восемь кабинетов «государственно-правового провизорного периода», длившегося с момента образования Королевства СХС до принятия Видовданской конституции, двухлетнее ожидание выборов в конституционное собрание и, по выражению Б. Глигориевича, «скудный законодательный баланс»¹ были отражением ожесточенной борьбы радикалов и их временных союзников с Демократической партией, объединившей югославистских фундаменталистов из Загреба и старую сербскую оппозицию².
- После временного перемирия, заключенного НРП и ДП на время принятия конституции, противостояние возобновилось с прежней остротой. Отставки кабинетов Н. Пашича в декабре 1921 и 1922 гг. — два этапа наступления радикалов на позиции своих постылых союзников. Целью первого было отчуждение у ДП портфеля министра внутренних дел и изменение в свою пользу пропорции распределения чиновничьих постов*. Второй закончился распадом радикально-демократической коалиции и вытеснением ДП из правительства. Накануне выборов радикалы получили полный контроль над исполнительной властью. (Следует отметить, что способ усиления своих позиций путем «раскачивания государственной лодки» был весьма популярен. Однако не все пользовались им так тонко и умело, как Пашич. Пример — попытка Л. Давидовича отправить в отставку последнее правительство Королевства СХС, возглавляемое А. Корошцем. «В начале декабря 1928 г. г. Давидович приходит к премьеру Корошцу и заявляет, что заставит членов Демократической партии подать в отставку и что вызовет кризис правительства, если крестьянам наличными не компенсируют ущерб, причиненный

¹ *Gligorijević B.* Parlament i političke stranke u Jugoslaviji 1919–1929. Beograd. S. 63.

² Сербскую оппозицию составляли Самостоятельная радикальная, Прогрессивная и Либеральная партии.

* До этого она была 9:7 в пользу ДП. Получить в свои руки МВД НРП не удалось. С. Прибичевича сменил его товарищ В. Маринкович.

недородом последних лет... Узнав об этом, король позвал Давидовича и предложил ему вместо раздачи наличности — демагогической меры — ...разработать систему сельскохозяйственного кредита и, во всяком случае, отложить отставку до принятия бюджета. Отвергая предложение, г. Давидович заявил, что на самом деле смысл его акции в том, чтобы провоцированием кризиса кабинета снискать симпатии отсутствующих хорватских депутатов, которые начали бы с ним переговоры о формировании совместного правительства»¹.)

- Смысл событий 1923, 1924 гг. и половины 1925 г. сводится к отражению Национальным блоком (НРП и СДП) наскоков разношерстной оппозиции, объединившейся в Оппозиционный блок, переименованный позднее в Блок народного согласия и крестьянской демократии. Очередной пик политической борьбы пришелся на лето — осень 1924 г., когда за временным отступлением союза Пашича и Прибичевича (трехмесячное правительство Л. Давидовича) последовал контрудар — роспуск скупщины и формирование нового, так называемого «избирательного правительства». Внеочередные выборы февраля 1925 г., как и кампания 1923 г., расценивались членами Национального блока не только как возможность остаться у власти, но и, опираясь на «административный ресурс», получить решающее преимущество перед конкурентами.
- Четыре правительственных кризиса периода «сербскохорватской кооперации» (с июля 1925 г. по 1 февраля 1927 г.) — на совести С. Радича, разлагавшего «белградский режим» изнутри.
- Два последних года существования Королевства СХС традиционно считаются периодом наиболее активного вмешательства короля во внутрипартийные дела. Однако чехарда бесчисленных правительств Н. Узуневича и В. Вукичевича и хаос в скупщине не только результат этого вмешательства, но и в не меньшей степени его причина, благоприятное условие. Суть происходившего в 1927 — 1928 гг. можно описать формулой «борьба всех против всех». Крестьянско-демократическая коалиция образовала «Пречанский фронт» против Сербии. Демократы и радикалы продолжали воевать друг с другом и, объединившись, с КДК. Одновременно соратники Л. Давидовича и покойного к тому времени Н. Пашича боролись со своими *Parteigenossen* — министрами правительства Его Величества, забывшими о партийной дисциплине, но помнящими о своем верноподданническом долге.

Во всех политических баталиях парламент, не соответствуя своему основному утилитарному предназначению, тем не менее играл немаловажную роль. По образному выражению современного белградского специалиста Ивана Белича Народная скупщина была «полигоном для политических перестрелок противников»². Наибольшую активность, само собой,

¹ А. ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо), хартије двора, фасцикла 18.

² *Belic I. Finansijske prilike u Kraljevini SHS 1918—1923* (магистерская диссертация, защищенная на философском факультете Белградского университета в 2002 г.).

проявляли партии, не удовлетворенные своим положением во власти. При этом депутаты умело пользовались прописанными в законе процедурами и почерпнутыми из западноевропейской традиции приемами. «Абстиненция» (бойкот заседаний скупщины), «интерпелляция» (письменный запрос министрам) и «обструкция» были тремя главными средствами саботажа инициатив правительства и правительственных фракций в скупщине.

В «провизорный период» к «абстиненции» активно и успешно прибегали радикалы и демократы. Оказываясь поочередно в оппозиции, они полагали, что отсутствие кворума будет служить демонстрацией того, что вражеское правительство не располагает большинством в парализованной ими скупщине. Способность воспрепятствовать работе совета министров не только подтверждала «непарламентский» характер кабинета, но и служила «интересам сохранения достоинства и прав парламента». Никаких дивидендов не принесла «абстиненция» хорватским и словенским депутатам, отказавшимся участвовать в принятии Видовданской конституции. Зато ХРКП (ХКП) и до и после «капитуляции» прибегала к бойкоту парламента с большой для себя выгодой. Одинаково эффективным средством шантажа «сербянцев» были как обещания приехать в столицу, так и угрозы «навсегда» покинуть «белградский парламента».

«Интерпелляция» позволяла ее автору ставить палки в колеса тому или иному министру и при этом представлять перед публикой радетелем за интересы государства, борцом с коррупцией. В 1926 г. такая «черная метка» была вручена Н. Пашичу, обвиненному в покровительстве афер сына. Важно отметить, что количество запросов правительству намного превышало число принимаемых депутатами законопроектов. Так, в «неурожайные» 1923 и 1924 гг. депутаты вынесли на рассмотрение скупщины 26 предложений¹. За тот же период они сумели адресовать министрам 72 «интерпелляции» (письменных запроса). В 1925 — 1927 гг. «интерпелляций» было 153. Плюс 180 «требований предать суду». Законопроектов — 113².

«Обструкция» была самым радикальным средством: «В мае — июне 1928 г. фракция Радича и Прибичевича с помощью нескольких депутатов Земледельческой партии устроили бешеную обструкцию в Народной скупщине, походившую в тот момент на деревенскую пивную, в которой народные избранники ругаются самыми грязными уличными ругательствами, грозят друг другу или даже дерутся»³. Как минимум, «обструкция» должна была вызвать тот же эффект, что и «абстиненция». Но лидерам Крестьянско-демократической коалиции она позволила не только парализовать работу парламента, но и спровоцировать острейший государственный кризис.

Использование парламентской трибуны в качестве «полигона» не могло не вызвать ответной реакции со стороны тех, кто, с одной стороны, был мишенью оппозиционно настроенных депутатов, а, с другой, чувствовал,

¹ Правительство вносило свои законопроекты отдельно.

² *Glorigijević B. Parlament i političke stranke... S. 395, 227.*

³ Архив српске академије наука и уметности (далее — АСАНУ). Бр. 13607. Светислав Т. Милосављевић. Из мемоара. I. С. 105.

по крайней мере временно, ответственность за положение дел в стране и был заинтересован в политической стабильности. Поэтому роспуск скупщины в 1925 и в 1927 гг. можно считать защитной реакцией. Я. Проданович писал: «На Балканах чаще всего бывает так, что, заручившись доверием короны и не имея доверия скупщины, правительство добивается ее роспуска. Дальше ему известными способами удается из скупщинского меньшинства сделать подавляющее большинство»¹. Кроме того, в рассматриваемое десятилетие сокращались полномочия парламента, а следовательно, и «угол обстрела» — число вопросов, могущих стать предметом спекуляций «посланцев». Показателен эпизод, относящийся к ноябрю 1922 г., связанный с отказом Н. Пашича информировать парламентариев о закупке оружия за границей. «Господа, вы обвиняете правительство, что оно не представило детальный список того, что оно собирается купить... Если бы мы из-за любопытства наших депутатов работали открыто, это только пошло бы на пользу нашим врагам»².

Первым шагом в вышеуказанном направлении было инициированное министром внутренних дел С. Прибичевичем наделение правительства законодательными функциями. В течение «провизорного периода» было издано около восьмисот правительственных «распоряжений, обладавших силой закона». В дальнейшем решении правительства были осуществлены запрет деятельности коммунистов³ и разделение страны на области.

Широкий резонанс в свое время вызвало нарушение «суверенитета» Уставотворной скупщины, заключавшееся как в утверждении коалиционным правительством М. Веснича регламента ее работы, так и в его положении об обязательной присяге депутатов королю⁴. После превращения конституционного собрания в обычное «сужение его компетенции» выразилось в создании по предложению радикалов и демократов Законодательного комитета внутри скупщины. Задачей «скупщины в миниатюре» было узаконение правительственных «распоряжений» и «выравнивание законодательства». В результате уменьшалось значение пленарного заседания парламента и росла роль комитетов.

Во всех вышеописанных событиях Александр принимал самое живое участие, predetermined, помимо его личных мотивов, стремлением политических партий иметь союзника, способного обеспечить превосходство над конкурентами. При этом политиков мало волновал тот факт, что активность короля выходила за рамки его конституционных прерогатив или их собственных идеологических установок, и нарушала писанные и неписанные нормы парламентаризма. Соблюдение прав «первого конституционно-

¹ *Продановић Ј. Умртвљавање парламентаризма // СКГ. Књ. 21, Бр. 3. С. 195. 1 јуни 1927.*

² Никола Пашић у Народној скупштини. Књ. 4. Београд, 1998. С. 266.

³ *Јовановић С. Нестајање закона // СКГ. Књ. 2, Бр. 7. С. 513. 1 април 1921.*

⁴ АЈ, ф. 80 (Збирка Јована Јовановића-Пиждона), фасцикла 29 (Привремени пословник за Уставотворну скупштину. Београд, 1920.).

го фактора» не интересовало тех, чьи позиции в скупшине, в правительстве или в местной администрации сиюминутно усиливались после той или иной «интриги двора». Одновременно трудно припомнить случаи, чтобы терпящие поражение в какой-нибудь политической баталии не требовали от Александра вмешательства на их стороне.

Патерналистский тон был вообще присущ партийным вождям в их взаимоотношениях с королем. В частности, каждый из них претендовал на роль защитника монархии. Радикалы и демократы, руководимые в начале десятилетия Прибичевичем*, «защищали» престол как от коммунистов и хорватских республиканцев, так и друг от друга. Прибичевич обвинял НРП в пособничестве Радичу: «Г-н Пашич силой государства хочет защищать радичевскую республиканскую и антигосударственную пропаганду... На радичевских собраниях развеваются республиканские знамена... оскорбляется достоинство короля... По мнению Пашича, акция за независимую хорватскую республику и против монархии легальна... Мы должны бороться против официального террора Пашича сверху и террора Радича снизу»¹.

Радикалы в то же самое время адресовывали аналогичное обвинение Демократической партии, чей формальный лидер Давидович вел с ХРКП переговоры о «ревизии конституции» и призывал приехать в Белград «радичевских кандидатов, открыто выкрикивавших на митингах лозунги "Долой короля, долой монархию!"»². В конце 1920-х гг. все перевернулось с ног на голову. Уже Радич оправдывал проталкиваемую двором идею о назначении председателем правительства «беспартийного генерала», который был бы «против крупных сербских партий, поставивших себя вне парламента, вне государства и воли народа»³.

Следует отметить, что способность и право артикулировать «волю народа» были главным аргументом деятелей, стремившихся к особо доверительным отношениям с Его Величеством. Радич, чья партия вне Хорватии участвовала в выборах 1927 г. под именем Народной крестьянской, как мы уже видели, не признавал «сербские» партии «представителями народа». На то, кто им был, намекает памятная радичевская фраза: «Остались только король и народ». Смысл сказанных им в 1928 г. после отъезда из «белградского парламента» слов состоял в следующем: в сложившейся ситуации Александр должен предпринимать только те действия, которые будут устраивать руководство Крестьянско-демократической коалиции. Глава Радикальной партии придерживался той же логики взаимоотношений с двором. По воспоминаниям М. Антича, «Пашич однажды сказал королю: "До тех пор, пока существует народ, существует и король. Народ это

¹ Прибичевич С. Терор у Хрватској // Правда. 10 март 1923.

² Никола Пашић у Народној скупштини. Књ. 4. С. 328.

³ Цит. по: *Glorigjević B. Parlament i političke stranke... S. 251.*

* По словам Милана Прибичевича его брат полагал, что будет «держать над головой Александра хорватскую корону», которую он ему «принес» в конце 1918 г. (Meštrović I. Uspomene na političke ljude i događaje. Zagreb, 1969. S. 122.)

мы. Не будет народа — не будет и короля". Этими словами Пашич выразил монархистское кредо Радикальной партии, собравшей вокруг своей программы большую часть нашего народа»¹. В случае расхождения «народа» и короля Н. Пашич предрекал Александру «путь Милана Обреновича»².

* * *

Картина десятилетних бурных политических баталий при абсолютном небрежении к «нуждам низкой жизни» ставит перед исследователем вопрос о причинах столкновений югославских политиков и о задачах, как они их определяли для себя. Очевидно, предметом существенных разногласий не были правовые и социально-экономические проблемы. Внимание к ним ограничивалось стандартными предвыборными обещаниями «позаботиться о производящих сословиях». «А так как в нашем государстве самым главным производителем является крестьянин, то наша партия, прежде всего, крестьянская»³, — под этими словами могли подписаться не только члены Главного комитета Радикальной партии, но и Давидович, и Прибичевич, и, разумеется, Радич.

Ключ к пониманию характера югославского парламентаризма — озвученный Пашичем принцип «народ — это мы». Национальные и историко-территориальные вопросы были сферой постоянных интересов партийных руководителей. Большая их часть стремилась единолично вершить судьбы всей страны и населявших ее народов («племен»). В первые послевоенные годы амбиции радикалов основывались на их представлении о собственной роли в югославянском Рисорджименто: «Народная радикальная партия подготовила почву для осуществления всей народной программы, а когда пришло время, она первая подняла знамя освобождения и объединения всего нашего народа»⁴. Члены НРП считали себя партией не только «сербянцев», но и всего «сербства»*. А представление интересов самого многочисленного и победоносного «племени» давало право на гегемонию не только в довоенной Сербии, но и во всем Королевстве. Показателем самооценки радикалов служит их разочарование от «неожиданного поражения» на выборах 1923 г., не принесших им абсолютного большинства в скупшине.

Югославистские фундаменталисты-демократы руководствовались лозунгом: «Один народ — одно государство — одна партия»⁵.

¹ АСАНУ. Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/8447.

² АСАНУ. Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/9436.

³ Самоуправа. 1922. 21 июня.

⁴ Закључци радикалне земаљске конференције о програму (28 септембар 1920) // Станковић. Ђ. Никола Пашић... С. 409.

⁵ Riječ Srba, Hrvata i Slovenaca, 19 februar 1919.

* После войны руководство радикалов полагало, что все пречанские сербские организации войдут в состав НРП. По мнению Протица, Пашича и др., создание ДП, инициированное королем и С. Прибичевичем, раскололо «сербский фронт».

Радич видел себя «хозяином» республики Хорватия («авангарда Запада на Балканах») и в качестве такового хотел разрушить Югославию («азиатскую деспотию»).

Довольно быстро стало видно, что последовательная приверженность интеграционным или дезинтеграционным идеям не приближает к высокой цели. Большую отдачу сулила безыдейная комбинаторика: каждого из югославских политиков связывали со всеми прочими и узы союзничества, и в то же самое время смертельная вражда. Участвуя в вакханалии союзов и коалиций, одни стремились занять такое положение в Белграде, чтобы диктовать условия регионам, а другие хотели получить полную власть в «исторических областях», чтобы шантажировать столицу.

Радикалы создавали Национальный блок, строили планы «окружения Хорватии», периодически грозили ХРКП и СНП картами «ампутации» не-сербских областей, а затем, как «ревизионист» Давидович, подписывали с «пречанами» соглашения, согласно которым уступали власть в Любляне и Загребе в обмен на контроль над центральным правительством и скупщиной.

Радич вместо разрушения Королевства СХС принял за покорение его своим «крестьянским» учением. Для этого нужно было «окружить Сербию» (ведь период «сербско-хорватской кооперации» показал невозможность «мирного» проникновения в нее). Этой цели служили Федералистский блок (с ЮМО и СНП), Оппозиционный блок и Блок народного согласия и крестьянской демократии (те же и Давидович) и, наконец, «Пречанский фронт» (с Прибичевичем). Последний же решил, что раз не получилось играть первую скрипку в государстве в качестве главного унитариста, то получится, если стать главным «(кон)федералистом».

Отождествление себя с народом, служившее мировоззренческой предпосылкой политического максимализма, свидетельствовало об экстраполивании на югославский уровень опыта, полученного в отдельных «исторических областях». Пашичу в конце XIX в. и Радичу после мировой войны рекордной популярности позволили добиться эгалитарно-коллективистские лозунги построения «государства — народного дома» и «нейтральной крестьянской республики» («без банков и капиталистов, без железной дороги, ... с небольшими налогами и широким народным самоуправлением, со скромным государством, где крестьянина уважают и слушают»). Народная радикальная партия и Хорватская республиканская крестьянская партия брались защитить патриархальный уклад жизни от «господских», пользуясь лексиконом Радича, партий, воплощавших разрушительное влияние «капитализма с присущим ему культом индивидуалистического начала и тенденцией к расслоению общества на враждебные классы»¹.

В Сербии события парламентской жизни преподносились руководством НРП как борьба «антинародного» меньшинства (либералы и напредняки)

¹ Шемякин А. Л. Обреченная конституция: Сербский устав 1888 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 69.

с подлинным представителем народа, или с «современным выразителем сербского гения», как в 1889 г. назвал свою партию Пашич. Радикалы собственное «парламентское правительство понимали как неограниченную власть большинства. Это означало, что воля партии ставилась выше закона и конституции, что стиралось различие между партийным правительством и партийным государством. Представление о парламентском правительстве как о неограниченной власти большинства... было связано с самооценкой партии как единственной “народной”, а следовательно, и единственной легитимной»¹.

В условиях национальной, социальной, культурной и религиозной однородности довоенной Сербии, единства интересов всего ее населения реализация «народнических» амбиций крупнейшей партии не только не наносила вреда интересам государства, но и способствовала его внутреннему и внешнеполитическому усилению. Однако в полиэтническом Королевстве СХС использование сразу несколькими «племенными» партиями, присягавшими на верность западным политическим идеалам, шкалы «народности — антинародности» в качестве единственного критерия самоидентификации и оценки окружающих могло быть только фактором государственной нестабильности и обострения многовековых противоречий.

Несоответствие политической этики государственных деятелей 20-х гг. уровню стоявших перед ними задач проявилось в облике государственных институтов, ранее, по выражению А. Л. Шемакина, служивших «квазипарламентским фасадом» монополии НРП. Конкретнее, слабое, мягко говоря, укоренение в умах либеральных идейных ценностей — отсутствие «политического плюрализма, толерантности и уважительного отношения к меньшинству»² — лишило «парламентский механизм» в Королевстве СХС его имманентного свойства — способности нивелировать общественные противоречия и вырабатывать внятный государственный курс. В ноябре 1927 г. соратник покойного С. Протица Драголюб Аранджелович констатировал: «Налицо настоящий государственный кризис. Причина его в том, что наши политики не знают, как надо управлять государством. Хотя в конституции написано, что у нас парламентская монархия, парламентаризм им не нужен. Однако, что еще опаснее, неизвестно, чего они хотят... Из-за этого нет стабильности в администрации, из-за этого каждый час правительственные кризисы... из-за этого откладывается решение самых важных государственных проблем, от которых зависит будущее страны...

Хочется бережливости и бездефицитного бюджета, но никак не принимаются законы о центральной администрации и налогах. Хочется выравнивания законодательства, но скупщина совсем этим не занимается. Хочется упрощения государственной администрации и честного чиновничества, но ничего для этого не делается...

¹ Поповић-Обрадовић О. Парламентаризам у Србији 1903–1914. Београд, 1998. С. 424.

² Там же. С. 422.

Таким образом, нужно наконец выяснить, как надо управлять страной... Но если не хочется парламентаризма, нужно определиться в пользу других методов правления...»¹

Как писал неизвестный автор статьи «Королевская диктатура в Югославии», процитированной нами в начале работы, ответственность за будущее страны взял на себя Александр Карагеоргиевич. Оценка последствий принятого им решения — предмет следующих исследований.

* * *

Не будет лишним повторить, что история парламентаризма 1920-х гг. стала объектом нашего пристального внимания, т. к. на государственно-институциональном уровне демонстрирует главные черты общественного и национально-политического развития Королевства СХС. В отличие от 20-х гг. в 30-е гг. функционирование законодательно оформленной системы государственной власти перестало быть «репрезентативным» по отношению к ключевым общественно-политическим процессам, которые находили слабое отражение в жизни Народного представительства, протекали вне его стен. Тем не менее в рамках данной работы имеет смысл вкратце обрисовать судьбу югославского государства во втором десятилетии его существования.

В 1931 г. Александр даровал конституцию, согласно которой Королевство Югославия провозглашалось конституционной монархией. Предусматривалось существование «народного представительства», состоявшего из двух палат: Народной скупщины и сената. Скупщина избиралась общим прямым, но открытым голосованием. Половину состава сената определяли выборы, половину назначал король. Народное представительство разделяло с королем законодательную власть. Монарх — «защитник народного и государственного единства» — обладал правом подтверждать и издавать законы, назначать чиновников, созывать и распускать народное представительство. Конституция подтверждала запрет партий, образованных на «племенной или религиозной основе».

Данное ограничение не смогло помешать В. Мачеку сохранить целостность унаследованной от С. Радича организации, а значит, и фактический контроль над хорватскими областями страны. Сербские же партии оставались дезорганизованными. Значительная часть их членов и сторонников, вставшая в 1929 г. на сторону Александра Карагеоргиевича, все 1930-е гг. провела в попытках создания новой партии, которая смогла бы консолидировать сербские политические силы и привлечь в свои ряды югославистски ориентированных словенцев, хорватов и мусульман. Решить эту задачу сначала должна была Югославская радикально-крестьянская демократия, затем — Югославская национальная партия (ЮНП). М. Стоядиновичу в

¹Аранђеловић Д. Наша политичка криза // СКГ. Књ. 22. Број 6. С. 449–450. 16 новембар 1927.

рядах Югославского радикального союза (ЮРЗ) удалось объединить часть радикалов, бывших членов ЮНП, сторонников А. Корощца и М. Спахо.

Ни одна из «партий власти» не смогла соответствовать замыслу ее создателей. Так, на выборах 1938 г. ЮРЗ даже при использовании «административного ресурса» не удалось добиться значительного преимущества над объединенной оппозицией во главе с В. Мачеком, под начало которого пошли деморализованные старые сербские партии: Радикальная, Демократическая, Союз земледельцев.

Впрочем, ни выборы, ни складывание новых партий и предвыборных блоков не оказывали решающего влияния на эволюцию, а точнее сказать, деградацию югославского государства. По словам К. В. Никифорова, к образованию Бановины Хорватия — «важной реформе, означавшей, по сути, кардинальное изменение государственного устройства» — «парламент не имел никакого отношения»¹. В день вхождения Хорватской крестьянской партии в правительство Д. Цветковича выбранная в 1938 г. скупщина была распущена, а новые выборы так и не состоялись.

Препятствием для дальнейшей трансформации Королевства Югославия стал государственный переворот, осуществленный генералом Д. Симовичем 27 марта 1941 г. Принц-регент Павел был смещен, а Петр II провозглашен совершеннолетним. В правительство Д. Симовича вошли все крупнейшие партии страны, но на обживание министерских кабинетов им было отведено всего несколько дней. 6 апреля 1941 г. без объявления войны Германия напала на Королевство Югославия.

¹ Никифоров К. В. Парламентаризм в Сербии в XX веке // Славяноведение. 2004. № 3.

Р. П. Гришина

Болгария: опыт социализированной модернизации (конец XIX — первая половина XX в.)

В балканских странах по мере их освобождения из-под власти Османов в XIX в. новые государственно-политические системы благодаря свойствам родной матрицы стали выстраиваться, как правило, в идеалистической манере — по самым передовым в то время в Западной Европе моделям. Заимствование слепо переносилось на совершенно неподготовленную почву. Преобладавший в балканском политическом мире природный идеализм позволял местной руководящей элите надеяться, что именно современные европейские политические *институты* и *доктрины* способны как создать нужный климат в стране для социальных и экономических изменений, так и *непосредственно вызвать их*. Амбицией же было получить доступ в семью европейских государств¹.

Эти процессы усилились после Берлинского конгресса 1878 г., согласно решению которого полную независимость от Турции получили Сербия, с 1830-х гг. имевшая статус автономного Княжества, а также Румыния, освободившаяся, наконец, от тяготивших ее вассальных отношений с Османской империей. Еще раньше — в 1830 г. была провозглашена независимость Греческого государства.

Огромное значение постановления Берлинского конгресса, подведшего международные итоги Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., имели и для Болгарии. Хотя сравнительно с названными балканскими странами они получились гораздо более скромными: независимости Болгарии не было предоставлено, а предназначенные ей территории оказались разделенными на две неравноправные части — Княжество Болгария и Восточную Румелию. «Разделителем» между ними служили (в примитивном описании) протянувшиеся с запада на восток горы Стара-Планины.

Княжество Болгария приобретало статус автономного государства, находящегося под верховной властью турецкого султана, но со своим правителем. Решая судьбу болгарского народа, европейские арбитры сохранили

¹ Мишкова Д. Европейски идеи и институции в политическата система на България. 1878–1914 // Модерният историк. Въображение, информираност, поколения. София, 1999. С. 13.

для него действие неравноправных договоров, которые Порты в свое время заключила с европейскими странами, так что до окончания их срока Болгария должна была оставаться их участницей, не имея права заключать в это время какие-либо новые международные соглашения. Кроме того, ей приходилось участвовать в погашении государственных долгов Турции.

Областной статус Восточной Румелии определялся как еще более низкий — ей даровалась лишь административная автономия при сохранении прямой политической и военной власти султана. Область возглавлялась генерал-губернатором — христианином, назначение которого оставалось в руках Порты по согласованию с великими державами.

В проекции была еще и третья часть — Македония и Одринская Фракия, населенные, как считали болгары, их соплеменниками. По решению Берлинского конгресса эти земли целиком оставались в распоряжении Османов.

В социальном плане Освобождение Болгарии от османского ига сыграло революционную роль. Бегство турок послужило сигналом к аграрному перевороту, переходу земли в руки болгар. Часть земли крестьяне самочинно захватывали вслед за бросавшими ее турками и тут же спешили ее запахать. Люди побогаче приобретали землю за деньги, стараясь скупить как можно больше. События сопровождалось интенсивным передвижением населения из южных районов, из Одринской Фракии в Княжество Болгария. Одновременно часть болгарских семей спускалась с гор, в свое время загнанных туда турками и теперь хотевших поселиться в плодородных равнинах.

С ликвидацией турецкой полуфеодальной системы Болгария за сравнительно короткий срок превратилась в страну мелких собственников, составлявших до 80% населения. Болгарские селяне в сопоставлении с российским крестьянством в 1861 г. смогли получить не только землю, но и не менее важное — физическую свободу от крупных турецких землевладельцев, к которым, они, как правило, не испытывали личной привязанности, в отличие опять-таки от довольно распространенного российского феномена. А посему в Княжестве Болгария и в Восточной Румелии часть крестьян сумела лучше и в большей мере, чем русские, испытать сладость воздуха свободы.

Однако их не заставила себя ждать и горечь разочарований. Хотя большая часть оставленных Османами земель (по большому счету исконно болгарских) была присвоена болгарскими крестьянами «революционным путем» в ходе Русско-турецкой войны или вскоре после нее, немедленно встала проблема *выкупа* бывшей османской собственности: турки опирались в своих требованиях, прежде всего, на благоволение к ним со стороны Австро-Венгрии и Великобритании (при довольно неопределенной позиции России в данном вопросе). Эта международная поддержка распространялась вплоть до того, что на официальном уровне не удалось добиться запрещения возвращаться в новое Болгарское государство даже тем туркам, кто

имел отношение к бесчинствам и издевательствам над местным населением в период до Освобождения¹.

Откуда болгарские крестьяне брали деньги на выкуп земли? Конечно, в революционной неразберихе тех лет что-то из захваченного удалось утаить и таким образом получить участок безвозмездно, что-то легализовать через специально созданные комиссии. Осталось неизвестным, кроме того, должны ли были расплатиться селяне западных и северо-западных районов Княжества за выкупные суммы, внесенные за них «либеральным» правительством Д. Цанкова. Но за исключением этих «послаблений» во всех остальных случаях крестьянам предстояли денежные выплаты, для чего приходилось брать деньги в долг у ростовщиков, корчмарей и других частных кредиторов под весьма высокий процент — от 24 до 100%². Распространение получила и наиболее уродливая форма кредита — под будущий урожай («зеленичарство»).

Общая сумма выплаченного бывшим собственникам в разных источниках варьируется и скорее всего из-за отсутствия учета в революционное время точно определена быть не может. В экономической литературе указывается, что при условии быстрого роста в 1880–1890-х гг. цен на землю, выкуп земли в целом стоил болгарам около 100 млн левов золотом³. Правда, как велика эта сумма, представить довольно трудно.

Но как бы то ни было, выкупные выплаты стали своего рода *контрибуцией*, оказавшейся наложенной на Болгарию (так или иначе, но одержавшую *победу* в борьбе за независимость) в пользу побежденного — Османской империи: влиятельным международным силам мало показалось жертв, принесенных Россией. Подобных расходов не знали, например, сербские сельчане: в 1830-е гг. сербскому государству, тогда автономному в составе той же Османской империи, было позволено фактически взять на себя феодальные повинности крестьян, присовокупив их к сумме, ежегодно выплачивавшейся Сербским княжеством султану как суверену⁴.

Освобожденная в конце 1870-х гг. Болгария, представлявшая собой, грубо говоря, большое сельское поселение с редкими городками, как никто нуждалась в финансовой поддержке, хотя бы для того, чтобы попытаться встать на ноги в условиях, когда строительство модернизированных европейских стран находилось в самом разгаре. И даже своих балканских соседей Болгарии приходилось догонять.

Спустя несколько лет, в 1895 г., один из лидеров Либеральной партии Петко Каравелов, осуждая то отрицательное, что несет с собою капитализм,

¹ Стопанска история на България. 681–1981. София, 1981. С. 217, 222.

² Петрова Д. Българският земеделски народен съюз. 1899–1944. София. 1999. С. 5.

³ Стопанска история... С. 225.

⁴ Стојанчевић Вл., Милићевић Јо., Попов Ч., Јовановић Р., Екмечић М. Историја српског народа. Пета кн. Први том. Београд. 1981. С. 79–81; Лушић Р. Србија 19. века. Избрани радове. Београд, 1994. С. 81–83.

скажет: «Мы идем с необыкновенной быстротой тем же путем, которым незадолго до нас шли Греция и Сербия»¹.

Неготовое к игре рыночной экономики новорожденное болгарское государство из-за вынужденной «контрибуции» лишилось и тех минимальных средств, что могли бы поспособствовать возможному более или менее интенсивному развитию страны. Обстоятельство, ставшее одним из факторов, определявших последующие хозяйственные тенденции.

* * *

Провозглашенная Тырновской конституцией 1879 г. буржуазная демократия пришлось по вкусу политически неискушенной руководящей болгарской элите, представители которой с увлечением кинулись в новые волны: спустя два десятка лет об атмосфере того времени они говорили как о пропитанной «наивным политическим идеализмом». Он-то, дескать, и «бросил граждан в ожесточенную борьбу с живыми представителями старого — с чорбаджиями и консерваторами...»²

Вряд ли продуктивно совершенно отрицать значение принятия демократических конституций и норм государственной жизни для политического воспитания какого-либо балканского народа, вступившего в середине или в конце XIX в. на новый путь. Даже притом, что их схожесть с политическими институтами Запада не могла не быть во многих отношениях лишь внешней: это относится и к органам власти (законодательной и исполнительной), и к партиям.

Сравнительно с западными образцами все они при своем функционировании оставались в определенной степени неполноценными не только в годы своего становления, но и на протяжении не одного последующего десятилетия. Как замечают философы, любая пересадка форм приводит к изменению содержания, хотя и в каждом случае по-своему (А. Каменский). Но главное заключалось во внутреннем несоответствии привнесенных норм цивилизационному уровню новообразованных государств, степени развития в них гражданского общества. Двадцать лет спустя после принятия Тырновской конституции болгарский экономист Кръстю Кръстев отмечал: «У нас действительно институты самых передовых государств XIX века, но наши собственные идеи государства относятся к XV и XVI векам»³.

Примерно такую же констатацию можно обнаружить в статье болгарского социалиста П. Джидрова, появившуюся в 1928 г. Он писал: «С зари нашего Освобождения и поныне болгарский народ пытается приспособиться к созданным политическим формам и институтам и, хотя нельзя отрицать достигнутый громадный прогресс, мы должны констатировать, что и

¹ Програми, програмни документи и устави на буржоазните партии в България. 1879—1918. Съст. Веска Николова и Димитър Саздов. София. 1992. С. 172.

² Програма Демократической партии. Декабрь 1903 г. // Програми, програмни документи... С. 225.

³ Цит. по: Аврамов Р. Стопанският XX век на България. София, 2001. С. 34.

до сих пор не достигнуто нужное соответствие между государственной организацией и общественной структурой»¹.

Вместе с тем некоторые поспешно перенятые демократические политические нормы (иногда даже более широкие, чем в самих странах Запада) таили в себе непосредственную опасность для стратегии модернизации, о которой современные балканские авторы нередко пишут как о сознательно избранной политиками XIX в. Опасность крылась, на мой взгляд, в первую очередь в предоставлении всеобщего избирательного права для мужчин, достигших совершеннолетия.

Советская историография традиционно оценивала подобное избирательное право в высшей степени положительно. Впрочем, и до сих пор некоторые болгарские авторы испытывают гордость оттого, что введением в 1879 г. всеобщего избирательного права при равном, прямом и тайном голосовании Болгария обогнала Великобританию, Голландию, Люксембург, Данию и Швецию, где, дескать, всеобщее избирательное право для всех совершеннолетних мужчин было введено только накануне или после Первой мировой войны².

В западных же странах, как известно, подход к этой норме политической жизни определялся очень серьезным и осмотрительным отношением к ней, ведь выборы являются одной из главных процедур для организации власти. Именно поэтому в западных странах вводилось множество цензов: возрастные, образовательные, имущественные, связанные с местожительством и т. п. Медленное и постепенное движение к перспективе всеобщего избирательного права растянулось на Западе на столетия, пока не сформировалось гражданское общество, более или менее сбалансированное. И это не было случайным. Ибо что на практике означало наделение таким правом поистине бескрайнего, как в нашем балканском случае, массива крестьянства — необразованного, социально недифференцированного, незаинтересованного в буржуазной модернизации, боящегося ее и защищающегося от нее? Ведь именно крестьяне — мелкие свободные собственники составили, согласно балканским конституциям, основную часть электората. И их представители в созданных демократическим путем парламентах не спешили принимать непопулярные решения, например, об изъятии доходов от сельскохозяйственных излишков и вкладывании их в промышленность, что отвечало бы стратегическим задачам модернизации. Вследствие чего, как утверждают авторы одного современного исследования балканской политической модели, успешный ход модернизации оказался невозможным для Болгарии, Греции и Сербии³. Впрочем, это была не единственная причина.

¹ Джидров П. За проблемите на българско село // Архив за стопанска и социална политика. Год. IУ. 1928. Кн. 2. С. 111.

² Цветков П. Демокрацията и нейните алтернативи в България между двете световни войни // 120 години изпълнителна власт в България. София, 1999. С. 177.

³ Рудометов В., Николов Ст. Корените на балканския политически модел: пагубно съчетание между национализъм и слаборазвитост // Социологически проблеми. София, 1999. № 3–4. С. 146–147.

Кстати, в Болгарии в 1879 г. имела место дискуссия в Учредительном собрании, которое было создано для конституирования нового государства — Княжества Болгария. В ходе ее позиции так называемых консерваторов и либералов существенно разошлись. Консерваторы — представители крупной торговли и предприятий, обучавшиеся главным образом в западных университетах, — призывали к постепенности реформ, выступали за двухпалатный парламент, за введение избирательного, имущественного и образовательного цензов, за меньшее количество депутатских мест, словом, за действия согласно поговорке: лучше меньше, да лучше. Они исходили из понимания, что человек, не умеющий написать своего имени и прочесть Конституцию, не должен вмешиваться в управление государством. Либералы же, представлявшие мелких сельских и городских собственников, были против всякого ограничения свободы народа¹. В конечном счете в атмосфере эйфории, восторга, идеализма, воцарившейся в стране после освобождения от власти Османов, победили эгалитарные настроения большинства депутатов.

Характерно непосредственное впечатление от событий того времени английского журналиста Дж. Фарли, писавшего о быстрой кристаллизации политического антагонизма между «умеренными» и «экстремистами» в Болгарии, сопровождавшегося огромным ростом авторитета «либералов». Объяснение он находил в «политической неподготовленности и незрелости народа», иллюстрируя свое наблюдение картиной заседаний болгарского парламента первого созыва, на скамьях которого сидели крестьяне, с открытыми ртами слушавшие взрывные речи «левицы»². Не менее красноречив в своих путевых записках известный историк-славист К. Ирек: «Трудно представить более жалкую карикатуру на современный европейский парламентаризм, — писал он. — В [Народном] Собрании в Софии было гораздо меньше интеллигентов. И среди множества полуинтеллигентной публики насчитывалось всего человек 12, которые могли бы высказать мнение по какому-либо законопроекту, требующему знания и здравого смысла. Остальные были крестьянами, говорившими на заседаниях бессмыслицу (как воевода Цеко) или просто спавшими»³.

* * *

Накопление некоторого политического опыта вскоре стало приносить результаты, близкие, однако, к разочарованию. Показательна в этом отношении редакционная статья пловдивской газеты «Южна България» (Восточная Румелия) от 6 января 1883 г.:

¹ Мишкова Д. Указ. соч. С. 17.

² Генов Р. Началото на българския либерализъм през погледа на английски и американски автори // Европа и България. Сборник в памет на проф. Христо Гандев. София, 2000. С. 303–304.

³ Цит. по: Митева Ив. Българският румелийски елит в Първото областно събрание // Модерният историк. Въображение, информираност, поколения. София, 1999. С. 113.

«Все помнят, — говорилось в ней, — как началось устройство нашей Области. В то блаженное время с самонадеянностью народа-младенца, не испробовавшего свои силы, бросились мы как можно скорее и лучше налаживать правительственную машину, создали сразу все службы, которые требовал Органический устав, поставили чиновников, определив им большие зарплаты, открыли сразу все суды, наполнив их разного рода судейскими, и что было результатом всего этого? Многочисленный чиновничий класс, который, как ожидалось станет руководящей силой народа, ибо в него вошло все, что было интеллигентного, вместо того чтобы укрепляться и прогрессировать, начал чахнуть и ослабевать. Население стало роптать под тяжестью значительно усложнившейся системы управления, поглощающей огромные средства и, следовательно, требующей обременительных налогов, страна быстро двигалась к финансовому провалу — а это червь, поедающий и выпивающий жизненные силы любого народа. Как поздно увидели мы пропасть, разверзшуюся перед нами, и как мало сделали для ликвидации ее!»¹ В статье давались конкретные предложения и пожелания, как исправить положение, как ввести ситуацию в понятные и привычные рамки: «Мы не стесняемся сказать, — говорилось в ней, — что мы за самую *упрощенную* систему управления» (выделено мною. — Р. Г.).

Под упрощением системы управления понималось прежде всего ее *сужение*, ограничение управленческих задач двумя приоритетами, а именно заботой об «умственно-нравственном возвышении» (народа? правителей? — Р. Г.) и о военном образовании. В связи с этим в материале указывалось на потребность в людях двух категорий — в просвещенных учителях и в хороших «военнообразователях».

Направление мысли авторов статьи становится ясным при обозначении ими характера занятий названных специалистов: призвание учителей, говорилось в печатном органе, состоит в просвещении и воспитании народа и указании ему пути, по которому следует идти, и вести эту работу нужно во всех краях отечества — по обе стороны гор Балкана до Дуная, а также по обе стороны реки Вардар и Охридскому озеру. Военное же образование — «это вопрос о нашей армии», это жизненная необходимость для каждого болгарина².

Напомним, что в 1883 г. Восточная Румелия была административно отделенной от Княжества Болгария, и ей только в 1885 г. предстояло воссоединиться с ним. Проблема «сбора» воедино всех болгарских земель, освобождения братьев-единоплеменников оставалась в то время острой и ощущалась руководителями Области как первостепенная, вытесняя на периферию их сознания задачу приспособления к политической реальности, к складывающейся государственности, как это следует из расстановки акцентов в редакционной статье.

Содержание ее является проекцией главных *идей предшествовавшей эпохи* — болгарского Возрождения, эпохи, оказавшей огромное влияние

¹ Програми, програмни документи... С. 67.

² Там же.

на вызревание элементов национальной идентичности болгарского «племени», особенно в связи с проблемой национального освобождения из-под иноземного гнета. Духовный подъем конца XVIII — середины XIX в. в болгарских землях был устремлен главным образом в сферу образования и просвещения, интереса к собственной истории и нес на себе налет самоинициативы болгарского населения, подвижнического труда учителей и духовенства. Привычные правила общественной жизни, ее самоорганизации и самоуправления подверглись в эти десятилетия некоторому обогащению. Укреплялся национальный дух населения, возникали организационные очаги его воспитания и пропаганды, что способствовало формированию основ самоидентификации народа, его стремления осознать себя самого в уже наступавших условиях Нового времени.

Одной из особенностей эпохи стало формирование некоторых новых («возрожденческих») традиций, которые заняли свое место наряду с прежними, архаичными. Возрожденческие традиции оказались не менее живучими и сосуществовали одновременно со старыми, матричными. Подобный феномен связан, по всей видимости, с тем, что «возрожденческие» идеи, даже неся в себе нечто новое, принципиально-сущностно не выходили за рамки стародавних установлений, не отрицали их. И потому обновление господствовавшей архаичной традиции не стало ее переломом: новации по-прежнему покоились на все той же матричной основе и в реальности происходило воспроизводство все тех же основных черт, лишь несколько измененных в некоторой части.

К возрожденческим новациям относят, в частности, так называемую народную школу и многое из того, что связано с вопросами вооружения народа. После Освобождения 1878 г. оба этих тезиса мы находим не только в вышеприведенной статье газеты «Южна България», но и в идеологии большинства болгарских партий, возникших в конце XIX в. В ряде случаев именно этим двум тезисам отводились первые места в партийных программах.

Уже пройдя в Княжестве Болгария достаточно сложный, почти 20-летний политический путь один из известных партийных лидеров Петко Каравелов почти с умилением писал в 1895 г.: «Если есть, чем мы можем действительно гордиться, — так это появлением народных школ в турецкое время. Они возникли самобытно и имели огромное значение не только для учащихся, но и для воспитания всего народа. Они с гордостью могут сказать: мы создали Болгарию! Школа была соединительной точкой, вокруг которой группировались граждане; управление школами было первой школой самоуправления и в других делах. В нашей народной школе издавна был освящен принцип, который не так легко провести повсюду, — бесплатное первоначальное образование бедных»¹. Сеть народных школ содержалась за счет общин и находилась под управлением и контролем попечительских советов.

Когда же перед страной встали проблемы модернизации, горделивое отношение болгарских политиков к «народной школе» обратилось в перво-

¹ Програми, програмни документи... С. 185.

степенное внимание к народному просвещению: школа (образование) стала пониматься как едва ли не главный рычаг в деле преобразования страны и ее грядущего процветания. Что и отразили программные документы буквально всех новых партий после Освобождения и о чем позже П. Каравелов уже с явным скептицизмом замечал: «У нас почти все надеются на школы, *ожидают от них подъема экономического благосостояния народа* (выделено мною. — Р. Г.)»¹.

В связи с подходом к народному просвещению как «основе развития народа», а к школе как обязанной не только подготовить достойных служащих для общественной и государственной жизни, но и «дать нам умных и знающих работников в сфере частной деятельности», ибо «от этого будет во многом зависеть и экономическое положение народа»², партийные идеологи единодушно, хотя и в разных вариациях, высказывались за обязательность бесплатного основного (4- или 7-летнего) образования для всех детей без различия пола, веры и народности, которое при поддержке общины было бы доступно и для бедных детей.

При этом «модернизаторам» хотелось сохранить «народную школу», не модернизируя ее. У ряда политиков вызвали возмущение попытки поставить школьное образование под государственный контроль, сделать его единообразным, а не только обязательным. Высказывались мнения, что «просвещение народа шло бы лучше, если у нас не было Министерства просвещения, которое начало свою деятельность с открытия как можно большего числа средних учебных заведений, не думая, найдется ли для них достаточно подготовленных учителей, и вводя единообразие в предметы, в само преподавание и даже в учебники, что является не чем иным, как бюрократией. Министерские чиновники не хотели использовать наши школьные настоятельства, столь проявившие себя в турецкое время, и стремились как можно скорее взять народные школы под свое прямое управление»³.

Ностальгия по романтической возрожденческой поре, когда важные вопросы управления решались в большой мере на местном уровне, эмоционально подпитывала в народе сознание первостепенной важности общинных корней. Это чувство было свойственно в том числе и действующим политикам, многократно обращавшимся в своей практике к вопросам местного самоуправления и идее его расширения.

Такая идея присутствовала в программах почти всех болгарских политических партий периода их становления. Радикальная партия, например, требовала в 1894 г. децентрализации администрации и расширения местного самоуправления, введения референдума в крупных общинах; подобная мысль повторялась в проекте программы «молодых демократов» в 1902 г. В 1908 г. с развернутым обоснованием выступила Младо-либеральная

¹ Програми, програмни документи... С. 169.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 183.

партия. В ее программе говорилось: «Так как у нас нет господ и рабов, и все мы равны, и каждый, кто трудится и бережлив, может стать зажиточным, чтобы наш народ преуспевал и сделал себя богатым, а государство было мирным и сильным, для всего этого *должна быть полная свобода, которая обеспечена только тогда, когда общины и околийские советы находятся в руках народа, и у правительства нет права вмешиваться в их работу, кроме простого контроля* (выделено мною. — Р. Г.), а таким правом обладает любой член общины и любой гражданин околии». Младолибералы в ст. 2 своей программы настаивали: на а) полном самоуправлении общин, б) создании околийских советов, в обязанности которых должна входить забота о развитии околии в области здравоохранения, путей сообщения, экономики, земледелия, школьного дела¹.

Проблема не теряла остроты и в последующие годы, для чего дополнительным материалом служило недовольство быстрым ростом численности чиновничества, старавшегося заполнить собой «все уголки» всех структур управления. О необходимости упрощения государственного механизма, введения экзаменационного ценза для чиновников, «одной своей множественностью наносящих рану стране», и о переводе управления общин на «широкую внутреннюю автономию» указывалось в программе Народно-либеральной партии, принятой в июле 1911 г.²

Явное неприятие вызывало, кроме того, появление новых структур в судебной системе из-за их несоответствия прежним, «обычным» нормам. В частности, введение института судебных заседателей — этого «недоношенного ребенка» связывалось с опасением, что такой суд не будет защищать слабых против сильных. Особенно остро воспринимались многочисленные нововведения в министерстве правосудия, в котором «как ни в одном другом, было проведено множество чужих законов, навязанных болгарскому народу и не соответствующих его быту, интересам и желаниям»³.

В ходе политических дискуссий критике подвергалась сама «техника» обзаведения новыми законами, когда «педантичные профессора, недолго думая, берут какой-нибудь бельгийский закон, переводят его как попало — и вот тебе новый болгарский закон». К таким, например, принадлежал закон о наследстве, согласно которому правом наследовать землю стали делиться и дети женского пола, что не только не соответствовало обычаю, но и создавало угрозу для дополнительного дробления родительских участков, в то время как требованием дня становилось преодоление или хотя бы сокращение уже существовавшей парцелляции земли.

Настойчивое обращение к проблемам государственно-политического и общественного устройства страны, предложения по его реорганизации в сторону дальнейшей демократизации и учета устоявшихся традиций стало отличительной практикой буквально всех идеологов болгарских партий,

¹ Програми, програмни документи... С. 297, 206, 154.

² Там же. С. 101.

³ Там же. С. 182.

даже когда лицо некоторых из них приобретало все более «буржуазное» выражение. Стремлением было: коль уж должен народ жить в рамках современного государства, пусть оно будет как можно ближе к прежним, привычным и понятным правилам и обычаям. А потому в разных комбинациях высказывались идеи защиты Тырновской конституции, отстаивания принципа народовластия, расширения политической демократии вплоть до предоставления избирательного права «неимеющим его», увеличения числа депутатов Народного собрания, введения пропорциональной избирательной системы, а также прямого участия народа в управлении через референдум. О постоянном внимании к расширению и углублению школьного образования, мы уже говорили. Приведем только еще одну цитату из программы Народно-либеральной партии, авторство которой приписывается Симеону Радеву, известному общественному деятелю и влиятельному публицисту. В разделе *Просвещение* в программе говорилось: «1. Болгарский народ, возродившийся благодаря просвещению и могущий выполнить свою миссию на Балканском полуострове главным образом силой своей культуры, должен принести величайшие жертвы для развития и успеха учебного дела»¹. Эта идея оказалась очень важной для формирования одной из черт ментальности болгарина Нового времени. О ее развитии скажем несколько позже.

* * *

Обратимся теперь к вопросу о роли и месте государства в организации процесса модернизации. Они особенно важны в тех случаях, когда предстоящие реформы были недостаточно обоснованы (обусловлены) достигнутым к их началу уровнем социального, экономического, культурного и политического развития страны и опирались преимущественно на заимствование иностранного опыта.

Сравнительный анализ развития форм государства в балканских странах показывает, что первоначальный период демократической эйфории был очень недолог, занимал примерно семь — десять лет, а затем неизбежно наступал кризис парламентской демократии, который завершался установлением правления с теми или иными признаками авторитаризма. Так, для Сербии конца XIX в. характерно складывание под завесой парламентских процедур новой «абсолютной власти»². Более замысловато описывает ситуацию примерно того же времени в Болгарии Н. Музелис. Тогда, по его мнению, в стране установился режим «олигархического парламентского управления», в котором доминировала узкая группа людей, сохранивших либеральную, плюралистическую систему представительства, однако при исключении множества представителей низших классов с политической

¹ Програми, програмни документи... С. 102.

² Шемякин А. Л. Обреченная конституция: сербский Устав 1888 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 4.

арены¹. Подобное или близкое к нему сочетание элементов абсолютизма и парламентской демократии оказалось характерным и для Греции: их противоречивый симбиоз, пишет отечественный специалист Ар. А. Улуян, «отражал особенности развития института монархии в Греции, где существование представительного органа в лице парламента было камуфляжем для греческого короля Отона I, умело использовавшего “дарованную” Конституцию (1843 г. — Р. Г.) в целях легализации и укрепления собственной власти»². В последующем — в частности, в разные периоды XX в. — авторитаризм, то усиливаясь, то несколько отступая, стал одной из наиболее характерных черт управления в странах Балканского полуострова.

Из-за отсутствия или ущербного характера предусловий модернизации именно государство становится главенствующим в деле реформирования большинства сфер общественной жизни. В самой стратегии ускоренного становления буржуазных отношений, считает российский военный социолог А. И. Панов, уже заложены предпосылки повышения роли централизованного государства, что обуславливается слабостью инфраструктуры гражданского общества. Происходит усиление тех органов государственного аппарата, которые являются инструментом исполнительной власти³. При проведении же самих реформ роль государства, как правило, возрастает.

Речь идет не только об этатизме как вмешательстве государства в хозяйственные процессы, о чем подробнее будет сказано ниже. Здесь же следует иметь в виду другой важный аспект, а именно строительство самого молодого государства, его структур, аппарата, становление политической системы, формирование политического класса, офицерского корпуса и т. п., то есть всего политического сегмента системы. Естественно, последний не может существовать и функционировать без обслуживания его со стороны чиновничества, интеллигенции. Так появляется армия бюджетников, в том числе штатных, высокооплачиваемых. И для всего этого нужны финансы, притом немалые. Сосредоточена эта армия главным образом в городах, но содержится преимущественно за счет сельского населения, вернее, за счет перераспределения доходов с помощью фискального механизма от села к городу. Именно такова траектория движения финансов в модернизирующихся обществах, тем более что государству необходимо накапливать еще и некие средства для поддержания промышленности, для проведения протекционистских и поощрительных экономических мер, защитной таможенной политики и других этатистских акций. Оба главных объекта внимания этой политики — и государственно-политические структуры, и индустриальные заведения — концентрируются в городе, который тем самым приобретает в глазах крестьян образ голодного спрута. В итоге существовавшее и прежде известное противостояние города и села полу-

¹ См.: Мишкова Д. Указ. соч. С. 27.

² Улуян Ар. А. Политическая история современной Греции. Конец XVIII — 90-е гг. XX в. М., 1998. С. 57.

³ Панов А. И. Офицерский корпус в военных режимах XX века. М., 1999. С. 43.

чает дополнительную подпитку, что вряд ли может быть оценено как плюс для процесса модернизации.

Вместе с тем в литературе отмечаются любопытные подробности фискальной политики молодых балканских государств. Например, указывается, что формировавшаяся политическая элита считала необходимым уберечь крестьянство от слишком тяжелого налогового пресса, чтобы сохранить его, во-первых, как электорат, способный голосовать позитивно, а во-вторых, как важнейший сегмент национальной интеграции для обеспечения единства общества. В результате, констатируют некоторые иностранные авторы, с течением времени происходило постепенное перекладывание налогового бремени с сельского населения на городское. По их мнению, так было в Греции в 1871–1911 гг., а также и в Сербии, благодаря усилиям прежде всего Радикальной партии Н. Пашича¹. В Болгарии, позже подошедшей к решению такой задачи, упор был якобы сделан на сохранении мелкой земельной собственности путем установления потолка владения в 10 га², что должно было не позволить успешным крестьянам-собственникам обогащаться за счет поглощения участков бедных собратьев.

Это наблюдение весьма интересно и стоит обратить на него внимание хотя бы потому, что под указанным углом зрения такой вопрос в отечественной науке раньше не рассматривался. Однако оно касается дела далеко непростого. Очевидно, во-первых, что одного подобного наблюдения недостаточно для выстраивания однолинейного представления об особенностях налоговой политики балканских государств и для выведения сколько-нибудь определенной закономерности. Во-вторых, конкретные данные по указанным странам нуждаются в специальных экспертных оценках. Что касается Болгарии, то цифра в 10 га как «потолок» размера земельного участка, вызывает по меньшей мере сомнение, ибо ни в источниках, ни в исторической литературе подобного встречать не приходилось.

В ситуации с налогами на болгарских крестьян вообще-то отмечаются разноречивые тенденции. В конце XIX в., с одной стороны, действительно наблюдалось некоторое снижение налогов на сельское население — с 44,5 млн левов в 1892 г. до 38,2 млн левов в 1900 г.³, но при этом, с другой стороны, оказывалось, что сельский землевладелец платил налогов в среднем в 6 раз больше, чем городской ремесленник или человек свободной профессии, и в 2,7 раза больше, чем торговец. Последние данные относятся к 1890 г. и, вероятно, более или менее справедливы и для указанных выше лет.

Тем не менее политика в той или иной мере в интересах селян занимала видное место в программах всех, даже самых «буржуазных» и политически реакционных балканских правительств и отдельных партий, в чем можно видеть не только конъюнктурные политические соображения, но и проявление все той же традиционной «крестьянской» ментальности — общей

¹ Рудометоф В., Николов Ст. Указ. соч. С. 148.

² Там же. С. 149.

³ Стопанска история... С. 252.

для всего населения этого региона, включая его «верхние» слои. «Сетования» некоторых исследователей макропроцессов модернизации на то, что формирующаяся в государстве новая элита быстро отрывается от своих корней, от «родного народа», к болгарскому случаю рассматриваемого времени имеют мало отношения. Как, по-видимому, и к другим балканским странам, обладавшим такой же неразвитой и малоподвижной социальной структурой.

Правда, обращать внимание на проблемы налогообложения крестьян болгарские политические деятели стали лишь во второй половине 1890-х гг. (собственно говоря, возглавляемые ими партии лишь к тому времени стали приобретать более или менее выраженное политическое лицо). Одной из первой высказалась на этот счет Радикальная партия в своей программе 1894 г. «Радикалы», выступая с позиций защиты «экономически слабых слоев», в общей форме потребовали введения для них прогрессивно-подходящего налога и ликвидации косвенных налогов¹. Годом позже Либеральная (радославистская) партия не преминула упрекнуть правительство С. Стамболова как не только не сократившего налоги на население, но, наоборот, увеличившего их так, что они «становятся невыносимыми и разрушительными для страны»².

Здесь, пожалуй, уместно привести слова уже упоминавшегося П. Каравелова. В 1879 г. он, став одним из лидеров так называемых либералов «первого призыва», немало способствовал как можно более быстрому перенятию Болгарией западных буржуазно-демократических ценностей в политической области. И вот спустя 15 лет, сильно ностальгируя по Княжеству Болгария первых лет его существования, вынужден был констатировать: положение крестьянства к концу XIX в. *ухудшилось*, в частности, с 1887 г. налоги с населения в государственную казну почти удвоились, те, что идут в кассы общин, — утроились, а для содержания окружных советов введены совсем новые налоги. Так как главный доход страна получает от земледелия, продолжал он, то и налоги легли в основном на крестьян. П. Каравелов отмечал также «снижение экономической силы этого населения», связывая его с падением цен на зерно на мировом рынке. Каравелов признавал, что за последние 8 лет количество рабочих рук в Княжестве увеличилось благодаря росту населения, улучшилась и обработка земель, но также верно, утверждал он, что «прогрессия налогов была выше прогрессии производства»; при действительно низких ценах на хлеб получалось, что народ платит в два раза больше, чем до этого времени. В результате, подводил он итог, «масса народа не увеличила свой капитал, т. е. орудия производства» и «мы потребляем больше, чем производим»³.

Иными словами, сложившуюся ситуацию Каравелов понимал как крайне неудовлетворительную с точки зрения возможностей крестьянина

¹ Програми, програмни документи... С. 298.

² Там же. С. 123.

³ Там же. С. 167–168.

использовать личные накопления для приобретения орудий труда или их улучшения, что способствовало бы технической модернизации сельскохозяйственного производства.

Каравелов был не одинок в своих ощущениях, подобное восприятие являлось едва ли не всеобщим. Современные социологи указывают на возникший в то время конфликт массового сознания («жить стало хуже, чем до Освобождения»), причина которого — сохранение натурализованного доосвобожденческого быта и его столкновение с новыми реалиями — с монетаризированными потребностями, неизвестными моделями и стандартами потребления¹.

Но и в действительности при самом беглом взгляде на проблему налогообложения болгарских крестьян в первые два десятилетия после Освобождения оказывается трудно найти достаточно веские аргументы в пользу тезиса о благоприятной для них государственной политике, которая бы осуществлялась в пользу сельчан и в ущерб городским налогоплательщикам — болгарские власти намеревались защищать своих крестьян по-другому, а именно с помощью мер, *препятствующих их полному разорению*. И главное слово здесь — *защитить*. Собственно говоря, иной идеологии, чем прокрестьянская, у болгарских «модернизаторов», как и у других балканских, в то время не было, да и не могло быть.

В Болгарии линия защиты крестьянства стала складываться в первые годы после Освобождения. Деятели влиятельной тогда Либеральной партии немало поспособствовали созданию в стране специфической мелкособственнической земельной системы. Спустя время — в 1903 г. — часть бывших «либералов» свои принципы в деле перераспределения бывшей турецкой собственности оценивала так: Либеральная партия испытывала явное *отвращение к крупному землевладению* (спахийству и чифликчийству) и проводила политику, благоприятствовавшую развитию на частных землях *мелкого землевладения*. В соответствии с этим она выкупила феодальные права турецких землевладельцев в Западной Болгарии (преимущественно в Кюстендилско) и уступила их местным жителям². (Вопрос о расплате крестьян с государством за эти земли в контексте данного документа не ставился).

Так с самого начала преобразований «либеральными» политиками складывалась ущербная с точки зрения задач модернизации идеология крестьянского землепользования в Болгарии — хозяйствование на мелком, небольшом участке. Этой политике, отмечали современники, не было чуждо стремление *помешать образованию крупных земельных владений*, во имя чего «либеральное» правительство Драгана Цанкова — чтобы «воспрепятствовать переходу земли в руки спекулянтов и богаташей» — заявило о запрете на покупку участков больше 4 га³. Правда, объявленные

¹ Аврамов Р. Указ. соч. С. 7.

² Програми, програмни документи... С. 223.

³ Стопанска история... С. 224.

правительством меры большого эффекта на практику торговли землей не оказали.

Кроме того, «либералы» провозгласили и другой важный принцип — неприкосновенность общественных земель и пастбищ в селах и (заметим!) в городах, непередача их в частные руки под предлогом и в надежде, что «при нашем экстенсивном и мелком земледелии они *спасут от разорения и самого бедного крестьянина*». То есть общественный земельный фонд должен был служить резервом и определенной гарантией для спасения и сохранения крестьянства на основе испытанной общинности.

Подобными были подходы идеологов и других болгарских партий. Даже «молодые демократы», называвшие себя партией экономического прогресса, утверждали в 1902 г. в проекте партийной программы, что «именно мелкое земледелие, господствующее в стране, является наиболее благоприятной формой для его подъема и обеспечения благосостояния всех участвующих в нем трудовых слоев»¹. При этом «молодые демократы» отстаивали точку зрения, будто «мелкое земледелие отнюдь не приговорено силой экономической эволюции быть поглощенным крупным, ибо имеет свои преимущества перед последним», а потому Демократическая партия «требует сохранить его мелкий характер, развивая его именно в этой форме». Такой же позиции лидеры этой партии придерживались в отношении ремесла, которое, по их мнению, также совсем не обязательно будет поглощено индустрией. Им вторили «либералы»-радослависты, заявлявшие, что отвергают «утопию об обязательном разорении ремесла и замене его фабрикой» и рассчитывавшие на «подъем жизнеспособного ремесла»².

Примеры можно продолжить. И в итоге констатировать, что болгарские политики, столь энергичные в стремлении выстроить модернизированную по западному образцу политическую систему, какой бы несовершенной она ни получалась в их руках и на имеющейся общекультурной базе, задач относительно реорганизации социально-экономической сферы страны на ближайшее или отдаленное время сколько-нибудь серьезных представлений не имели. Впрочем, наверное, было бы непомерным оптимизмом ждать этого от них.

Конечно, политики неоднократно говорили о необходимости «повысить благосостояние народа», «дать сильный толчок торговле», строить железные дороги, «извлечь уроки из нашей многолетней яловой деятельности для тех, кто хочет работать!», об экономии государственных средств, «всеобщем поощрении местного промышленного производства» и т. п. Но все это звучало случайно и, главное, бессистемно. Не удается нащупать, чтобы вообще кто-либо задумывался о перспективной программе развития экономики, о реформах. Само слово «реформа» в программных документах болгарских партий впервые обнаруживается лишь в Уставе Народно-либеральной партии, принятой на ее съезде в ноябре 1899 г. И говорилось в нем

¹ Програми, програмни документи... С. 208.

² Там же. С. 144.

только о реформе отраслей управления — партия выступала за «достижение истинного равновесия между государственными расходами и доходами и за сокращение бесполезных и излишних расходов» и предлагала делать ставку на осуществление «подобных реформ во всех отраслях управления, которые отвечают потребностям страны в культурном, промышленном и торговом отношениях»¹.

* * *

Тем временем открывавшиеся экономические возможности позволили активной части болгарского общества начать действовать энергично.

Характеризуя «человеческий материал», природные качества своего народа, сами болгары чаще всего фиксируют его отрицательные черты. Писатель Иван Радославов в дневниковой записи 1936 г. утверждал: «Люди у нас бесхарактерные, неспособные на малейший жест самопожертвования и гражданской доблести. Умеют лишь в кофейнях обсуждать политику и ругать царя из засады»². Известный в современной Болгарии как горячий патриот историк Андрей Пантев считает возможным так обобщить свое представление о болгарях: «Мы довольно хорошо приспособляемся к силе, очень презрительны по отношению к слабым и очень раболепны по отношению к сильным»³. Поистине, болгар к кичливым людям не отнесешь!

Помимо характеристик общего свойства, для нашей темы интересно мнение об экономической психологии болгарина. Его находим у Р. Аврамова, который пишет, что вкус к переменам у болгарина был хронически слаб, а сила *status quo* чрезвычайно сильна; в этом Аврамов видит недостаток креативности болгар, составляющий, по его мнению, одну из отличительных национальных черт⁴.

Столь однозначные заключения не слишком согласуются с наблюдениями некоторых русских людей, принадлежащих к также славянской, но все-таки иной ментальности. Так, например, в годы Первой мировой войны бывший российский посланник в Софии А. А. Савинский обращал внимание МИД России на то, что Болгария «среди балканских государств и народностей в силу природных свойств и качеств населения — *честолюбия, энергии, живучести, твердости, экономии, желания и способности совершенствоваться* (выделено мною. — Р. Г.), а также благодаря богатству и плодородию почвы — является в этом отношении особенно опасной»⁵. Последние слова, очевидно, относятся к возможному участию Болгарии в войне на стороне тех или других союзных группировок, почему

¹ Програми, програмни документи... С. 97.

² Радославов И. Спомени, дневници, писма. София, 1983. С. 261.

³ Сб. Модерният историк. София, 1999. С. 384. Интервью с А. Пантевым.

⁴ Аврамов Р. Указ. соч. С. 104.

⁵ Цит. по: Косик В. И. Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе. 1886–1894. М., 1993. С. 70.

автор и занялся оценкой степени ее опасности. В свою очередь директор канцелярии МИД Российской империи В. Н. Ламздорф в дневниковой записи от 18 апреля 1892 г. отметил: «Всё, чего они (болгары. — Р. Г.) хотят, — это чтобы им дали возможность мирно существовать, обогащаться и заниматься своими материальными интересами»¹.

Стремление к обогащению реализовывалось порой диким и жестким образом, как это бывает в период первоначального накопления капитала. Наиболее легким способом являлось ростовщичество, быстро подмявшее под себя малоплатежное сельское население. Некоторые села ростовщички захватывали целиком. Накопленные капиталы процентщики, как правило, не вкладывали в промышленность или в торговлю из-за боязни риска, предпочитая наращивать их объемы и образуя на семейной основе крупные ростовщические дома (например, братьев Маринковых в Сливене). Городские поселения Видин, Чирпан, Пазарджик обособились в отдельные ростовщические центры².

Но у населения появлялись и более позитивные запросы. Так, граждане Восточной Румелии еще до ее объединения с Княжеством заявляли о желании иметь железную дорогу или, по крайней мере, трамвай от Ямбола до Бургаса «для облегчения вывоза нашей местной продукции», предлагали открыть пристань в Бургасе или около него, которая станет конкурировать с Цариградом и Дедеагачем, думали о развитии виноделия, которое «может стать крупным источником богатства»³. Временем жадного, но более или менее продуманного обогащения стал период жесткого диктаторского режима при правительстве Ст. Стамболова (1885–1894). Благодаря использованию властных полномочий не только личный капитал главы кабинета вырос «заоблачно», но и были сделаны продуктивные вложения в строительство шоссейных и железных дорог в стране, несколько городов оформились в крупные торговые центры, в 1892 г. была проведена Первая болгарская выставка промышленных и сельскохозяйственных изделий и многое другое⁴. Считается, что именно благодаря твердой (хотя и небескорыстной) руке Ст. Стамболова в эти годы удалось осуществить ряд мер модернизационного характера.

И прежде раздававшиеся призывы к повышению культурной роли Болгарии на Балканах заставили власти обратить пристальное внимание на состояние столицы. В 1888 г., по описаниям современников, София представляла собой нечто среднее между городом и селом, с узкими, грязными и кривыми улицами, по сторонам которых лепились приземистые домики, изредка перемежавшиеся с более крупными строениями. Житель лучше

¹ Цит. по: Косик В. И. Время разрыва. ... С. 69.

² Мичев Д. Развитие на капитализма в България (1885–1894) и икономическата политика на Стамболовия режим // Изследвания по българска история. Т. V. Вътрешната политика на България през капитализма (1878–1944). София, 1980. С. 12.

³ Програми, програмни документи... С. 56.

⁴ Мичев Д. Указ. соч. С. 48–49.

обустроенных придунайских городков по приезду в столицу испытывал потрясение, не видя сколько-нибудь приличных улиц и удивляясь обилию болот, ям, рытвин, пыли по колено, превращавшейся при дожде в липкую грязь и делавшей невозможным движение. Вечерами начинался оглушительный лягушачий концерт¹.

Столица ждала энергичного, уверенного хозяина. И нашла его: в 1887–1893 гг. кметство возглавил Димитр Петков. Вступив на пост 31-летним, он с жаром принялся за дело. Прежде всего был создан кадастральный план с учетом перспективного развития города, который стал строиться несколько в стороне от старой Софии, разработана уличная система с двумя главными магистралями и центральной частью. Биограф кмета пишет о его амбиции основательно изменить весь облик столицы, для чего нужно было разрушить старые постройки. Но этому сопротивлялись и часть членов кметства, и население разрушаемых построек — они выходили на массовый протест, так что толпу недовольных приходилось разгонять, поливая ее из пожарных шлангов². Иногда работу по сносу приходилось вести по ночам. Затем на месте порушенного кмет начал массовое строительство частных домов, магазинов, складов, школьных зданий (москвичам это ничего не напоминает?) и темпы его с каждым годом нарастали: в 1888, 1889, 1890 гг. появилось соответственно 209, 754, 600 новых строений³.

Часть муниципальных средств была использована для покрытия камнем 23 улиц, а в 1891 г. Д. Петков закупил паровой каток. Но асфальт софийцам не понравился, и на следующий год началось мощение центральной улицы гранитными блоками. Были возведены городские мосты, для одного из которых из Австрии привезли четырех бронзовых львов — столица не только строилась, но и украшалась; получили оформление городские площади Св. Неделя, Шарен мост, Св. Георги и другие.

Только за один 1889 г. в городе пролегли 23 улицы общей длиной 7,8 км, для чего подверглось разрушению 453 старых здания; в 1890 г. после сноса 812 строений появились 32 новые улицы. Новых собственников обязывали сооружать тротуары. В начале XX в. вместо конок в Софии стал ходить трамвай, улицы стали освещаться электричеством.

Энергичное внедрение нового не всегда воспринималось с благодарностью столичанами: сказывалась тяга к прошлому. Биограф Д. Петкова отмечает, что запуск в эксплуатацию новой водопроводной сети, где использовались металлические трубы из Бельгии и Австро-Венгрии, не имел среди столичных жителей большого эффекта, так как часть их предпочитала пользоваться старыми загрязненными источниками воды, другие же небрежно относились к новой технике, повреждая краны и насосы. Дело было, утверждает автор, и в материальных соображениях (новое стоило денег), и в недоверии населения к этому новому⁴.

¹ Попов Ж. Бурният живот на Димитър Петков. София, 1998. С. 62–63.

² Там же. С. 65–66.

³ Там же. С. 68.

⁴ Там же. С. 70.

При таком размахе строительства не обошлось, конечно, без промахов и ошибок: некоторые из улиц оказались слишком широкими для своего времени, их нельзя было наполнить ни домами, ни движением; будущие магистрали оставались пустыми, кое-где стояли дома, а между ними зияли пустоты, превращавшиеся в огороды, пастбища, складские помещения¹.

И все-таки далеко уйти от прошлого не удавалось даже центру государства. Прибывшим в Софию в 1920 г. артистам Московского Художественного театра болгарская столица показалась небольшим южным городком. Один из них — В. В. Шверубович в воспоминаниях «О старом художественном театре» (М., 1990) писал: «Город София был в 1920 г. маленьким, очень провинциальным. Только центр состоял из четырех- и пятиэтажных зданий, а чуть в сторону — и уже дома одноэтажные, с садиками, много глухих глиняных заборов и домов без окон, вернее, с окнами в закрытые дворы — влияние Турции, Востока»².

Не всем бурная деятельность, и не только в столице, приходилось по нутру. Некоторые известные в Болгарии своим «либерализмом» личности не могли скрыть скептицизма по поводу новшеств, несших не стабильность для «экономически слабых слоев», а накопление богатства в руках «экономически сильных». Старый деятель П. Каравелов критиковал «болгар, в последнее время охваченных страстью к общественным постройкам»: строят одновременно две железные дороги и две пристани, сетовал он, да еще хотят все дунайское побережье превратить в пристань; нужно ли Болгарии столько общественных построек, продолжал он, ведь «у нас железные дороги построены словно не для перевозки товаров, а чтобы устраивать для богачеев увеселительные прогулки», к тому же только для эксплуатации их требуются дополнительные расходы. Свою отповедь Каравелов кончал словами: «В Болгарии могут иметь специальный интерес в быстрой постройке всех этих вещей только предприниматели, этот совершенно разбалованный класс граждан, которые скоро будут иметь в Народном собрании большинство (вспомним, наш тезис о функции всеобщего избирательного права в неподготовленном для этого обществе! — Р. Г.), и ростовщики, которые останутся в выигрыше, так как большинство людей будет искать деньги под процент»³.

Опыт Стамболова, в своей деятельности применявшего поощрительные меры с целью оказать поддержку промышленным заведениям, подстегнул формирование патерналистской практики в более широком масштабе. На съездах почти всех болгарских партий заговорили о желательности создания в стране крупной фабричной промышленности, в ней видели «прогрессивную и созидательную силу», и о необходимости поддержки этого начинания со стороны государства. Боязнь риска, недостаток финансов и уко-

¹ Нейков П. Завчера и вчера. Скици от миналото. София, 1981. С. 44.

² Цит. По: Ваганова Н. Н. О. Массалитинов и болгарский театр // Болгарское искусство и литература. История и современность. СПб., 2003. С. 22.

³ Програми, програмни документи... С 171.

ренившееся с древних времен патерналистское сознание рождало убеждение, что новосозданное *государство*, даже со своими не всем и не во всем понятными функциями, *должно защищать всех*. Сама идея модернизации, отмечает Р. Аврамов, с конца XIX в. связывалась с гаммой протекций национального — промышленности или земледелия¹.

Его вывод звучит пессимистически: «Индивидуализм примиряется с государством, потому что оно превратилось в основную опору для реализации врожденной индивидуалистической стихии». И далее, раскрывая этот тезис, Аврамов рисует очень точную картину, характерную, кажется, не для одной Болгарии и не только для того времени: «Кажущееся “общественным” государство быстро было понято как пространство, в котором легче всего удовлетворяются стремления к присвоению большей части общественного богатства для личных или групповых целей»².

Вместе с тем нельзя не отметить, что на рубеже XIX–XX вв. требования оказывать покровительство промышленности, поощрять развитие производства и устанавливать защитные таможенные пошлины несли на себе налет присущей болгарам «праисторической» ментальности: им хотелось «поменьше капитализма с его злостной эксплуатацией», а потому льготы, по мнению многих, нужно было предоставлять не столько крупным промышленникам и крупным частным землевладельцам, сколько предприятиям небольшим и, главное, работающим на местном сельскохозяйственном сырье, в частности, сахарным фабрикам (чтобы расширить производство свеклы), суконным фабрикам (чтобы поднять цену на шерсть) и т. п.; последнее, впрочем, не было лишено здравого смысла.

Закон о поощрении местной промышленности, повторив опыт Сербии 1873 г. и Румынии 1887 г., был принят в Болгарии в 1894 г. и в дальнейшем неоднократно подновлялся. Рассуждая о степени продуктивности покровительственной политики, болгарский автор Р. Прешленова заявляет о необходимости и даже неизбежности прибегнуть к ней в конце XIX — начале XX в.³ Действительно, определенный экономический эффект такая политика приносила. Однако необходимо подчеркнуть и другое: именно в это время и благодаря откровенному вмешательству государства в сферу хозяйственной деятельности был заложен *один из столпов*⁴ болгарского экономического мировоззрения — *этатизм*.

Как показала практика, в последующем этатистские приемы проявили тенденцию к усилению и расширению, особенно это обнаружилось в годы Первой мировой войны и после нее. Современный болгарский экономист В. Тепавичаров отмечает, что правительство А. Цанкова (1923–1925) уже

¹ Аврамов Р. Указ. соч. С. 22.

² Там же. С. 10.

³ Прешленова Р. Икономическа политика и национално самочувствие: България. 1879–1914 // Модерният историк. Въображение, информираност, поколения. София, 1999. С. 53.

⁴ Аврамов Р. Указ. соч. С.

не удовлетворялось прежними методами вмешательства в экономику и стало использовать гораздо более радикальные меры: закрытие биржи и прекращение бесконтрольных операций с иностранной валютой; запрещение импорта товаров роскоши; создание комиссариатов по продовольствию с функцией нормировать цены на товары первой необходимости. Последнюю меру Тепавичаров называет «наиболее важным начинанием в деле замены экономического либерализма системой экономического этатизма»¹.

Это не означает, что государственные меры регулирования экономикой стали всепоглощающими, но общая тенденция развивалась именно в эту сторону, достигнув высшего «расцвета» в границах рассматриваемого периода в переломные 1930–1940-е гг. Так, например, в 1936 г. государство присвоило себе право решать вопрос об открытии новых предприятий и определении конкретного характера производства, технологических норм, содействие картелированию, разграничение производственных задач отдельных отраслей и т. п. На специальную министерскую комиссию возлагалась задача выработки единых типовых размеров и технологических норм для промышленных и ремесленных изделий данного вида производства. Описания, чертежи и все предписания подлежали одобрению царским указом и становились обязательными для всех производителей².

Несколько, на мой взгляд, преувеличивая, Р. Аврамов пишет, что в десятилетие 1926–1935 гг. «совершалось мучительное *силовое* (выделено мною. — Р. Г.) модернизирование болгарской экономической жизни». Но он, вероятно, прав, указывая при этом в качестве примера на настойчивое навязывание болгарам «технократических коррективов» со стороны Финансового комитета Лиги Наций, стремившегося модернизировать на западный манер Болгарский народный банк³. Такие попытки не встречали понимания и полного доверия со стороны болгарских правительств, отставивших особый статус главного банка государства, как наиболее удовлетворявшего их с точки зрения сложившейся в стране экономической и финансовой системы, что позволяло болгарским властям проводить собственную — во многом популистскую и тем особенно неприемлемую для западных финансистов — политику.

Оглядываясь назад, должно признать, что в Болгарии именно в авторитарные периоды правления, в годы сильной государственной власти удавалось достичь тех или иных модернизационных успехов. Если же вспомнить, что ключевым вопросом буржуазной модернизации является функционирование экономики (как базисной структуры) вне влияния государства, но в сфере рынка и гражданского общества, то должны будем прийти к выводу, что бюрократичное государство, на протяжении длительного времени

¹ Стоянов В., Тепавичаров В. Политическата алтернатива на България. Юни 1923 — 4 януари 1926. София, 1992. С. 348. См. также: Гришина Р. П. Возникновение фашизма в Болгарии. 1919–1925. София, 1976. С. 271–272.

² Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987. С. 386–387.

³ Аврамов Р. Указ. соч. С. 46.

располагающее руководящими экономическими функциями, само становится камнем преткновения на пути модернизационных процессов. Что, собственно говоря, и подтвердил опыт Болгарии, где на нижнем социальном этаже мелкое, постоянно защищаемое предпринимательство получило некоторое развитие, но крупного частного капитала, который имел бы вес в европейском масштабе (как, например, в Румынии или Греции) не образовалось.

* * *

Противоречия, заключающиеся в самой сути модернизации, на путь которой надеялись встать балканские страны, едва получив собственную государственность и сохраняя традиционный уклад, в действительности оказывались очень острыми. На смену крестьянскому по преимуществу обществу должно было прийти новое — индустриальное, и цены в человеческом измерении, эта перемена требует огромной. Примером может служить опыт коллективизации в СССР, стремившегося в сжатые сроки получить нужный результат и использовавшего для этого революционные меры, со всей их жестокостью и беззаконием. Практически здесь выстроилась жесткая модернизационная оппозиция: *крестьянин*, страдающий во имя не принадлежащего ему будущего, был противопоставлен — *принесен в жертву* строящемуся перспективному обществу.

Ничего подобного не наблюдалось на Балканах. Реформаторский путь здесь находился в зависимости от сравнительно спокойного темпа и ритма преобразований, от разной в разные периоды степени давления на группы населения и других тактических проблем. Применительно к Балканам, перефразируя отечественных социологов Л. А. Гордона и Э. В. Клопова, скорее можно говорить о «*социализированной* капиталистической модернизации»¹.

Вдобавление к прочему стоит подчеркнуть, что мобилизационные возможности общества правящие элиты Балкан старались использовать не столько для внутреннего развития, сколько для решения внешнеполитических задач, особенно когда с начала XX в. международные условия становились, как им казалось, все более благоприятными для этого. В итоге и двух, и трех Моисеевых сроков оказалось на Балканах мало, чтобы получить убедительные результаты модернизации. Они свелись к фактической консервации мелкой земельной собственности, что вплоть до окончания Второй мировой войны не позволяло чисто экономическими средствами производить накопление капитала от сельскохозяйственных излишков. Не удалось провести и более или менее радикальной аграрной реформы, то есть уйти от матричного типа культуры хозяйствования. Конечно, за про-

¹ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Динамика условий и уровня жизни населения: разнонаправленные тенденции 90-х гг. // Социологический калейдоскоп. Памяти Л. А. Гордона. М., 2003. С. 318.

шедшее время определенные изменения в экономике балканских стран имели место, можно даже говорить о своего рода «волнах модернизации» в начале XX в., а также в период стабилизации капитализма середины 1920-х гг. и, возможно, некоторых других. Характерно, что эти «волны» фактически совпадали с моментами подъема в мировой капиталистической системе в целом. Но и эти «приливные волны» не изменяли кардинально общей картины в регионе.

* * *

Обратимся далее к идеям нации, государства-нации и национализма как непосредственно связанным с проблемами модернизации.

В литературе не раз отмечалось, что под влиянием Великой французской революции произошел переворот в европейских политических учениях. Центральное место в них заняли доктрины нации как источника суверенитета народа и национального государства — сплоченного, гомогенного в языковом, религиозном и культурном отношениях. Именно они стали в XIX в. в Западной Европе основой политической практики при строительстве здесь новых объединенных государств. Те же доктрины были взяты на вооружение и на постепенно освобождавшихся из-под турецкого владычества балканских территориях (философ и журналист В. Т. Третьяков высказывает гипотезу, что как тогда наступало время крушения «наднациональных империй» и строительства национальных государств, так теперь в наше время происходит обратное: национальные государства перестают дорожить своей обособленностью и стремятся к объединению), несмотря на изначально невысокую степень их готовности к погоне за современным государственно-политическим и общественным идеалом.

Думается, вопрос о том, что происходит раньше — закрепление международного статуса нового (объединенного) государства; стимулирующего затем формирование нации, или борьба уже сложившейся нации за собственное национальное государство — схоластичен по существу, ибо очевидно, что оба процесса взаимосвязаны, причем это относится как к западноевропейскому, так и к балканскому *субрегионам* (воспользуемся терминами, предложенными В. К. Волковым¹).

Однако вряд ли случайно появление в XIX в. крылатого выражения: «Италия создана, теперь нужно создать итальянцев». Схожий с ним внутренний смысл отражен в названии вышедшей в 1976 г. книги Еужена Вебера «Из крестьян во французов»², посвященной периоду 1870–1914 гг. В ней американский автор на обширном материале проанализировал путь крес-

¹ Волков В. К. Балканская западня и проблема столкновения цивилизаций // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 350.

² Weber Eugen. Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France. 1870–1914. Stanford, 1976. В 1983 г. переведена на французский язык.

тьянской страны от замкнутости и провинциализма к единой и неделимой Франции; среди названных им основных факторов перемен, имеющих некий общий характер, отметим такие: «дороги, дороги и еще раз дороги», «укрыться в городе?», «миграция — из бедности в промышленность», «миграция другого рода: армейская служба», «цивилизироваться по-серьезному: школы и школьники». Материал книги свидетельствует об известном параллелизме исторического процесса на европейском пространстве: при всей разности ситуации в его отдельных субрегионах степень разрыва в их развитии тогда не ощущалась так сильно, как сегодня, глядя из нашей современности. Темп преобразования крестьян в нацию, по-видимому, действительно можно отнести к одному из определяющих факторов развития модернизационного процесса, имея в виду при этом также формирование гражданского общества и складывание государства-нации. Когда удалось сделать из крестьян Бретани и Руссильона французов, пишет швейцарец У. Альтерматт, то в принципе стало возможным национализировать и иммигрантов второго поколения иностранцев; так происходила консолидация народа в смысле некоего внутреннего национализма¹.

Продолжая размышлять на тему о нации и государстве, современный английский исследователь М. Хейнс присоединяется к тем, кто предлагает переосмыслить само представление о нации².

Известно, что ни один из вариантов определения нации, предложенных в разное время обществоведами разных школ, не утвердился, да и не мог утвердиться, в качестве общепринятого понятия: оно, как и некоторые другие (например, фашизм), будучи широко применяемыми в политической практике, пришли оттуда в науку, где заняли видное место, но несут нагрузку главным образом по линии «актуальности». В обзоре понятий нации, которых скопился «целый Вавилон», У. Альтерматт указывает на высокую степень их вариативности, выделения тех или иных специфических черт, а в конечном счете — зависимости от историко-культурного контекста³.

Обосновывая свое предложение, Хейнс замечает, что «нация» не обладает объективной основой и является мифом, созданным заинтересованными политиками. Он указывает далее, что в установлении национальной идентичности очень велика роль политического фактора; например, спрашивает он, какова идентичность населения по обе стороны границы, или какова роль государства при определении, какой из диалектов становится национальным языком.

Кроме того, «национальная культура», по его мнению, создается превращением культуры данной группы в культуру более широких слоев населения⁴.

¹ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000. С. 44.

² Хейнс М. Историкът и идеята за нацията // Исторически преглед. София. 1998. № 5–6.

³ Альтерматт У. Указ. соч. С. 29–37.

⁴ Хейнс М. Указ. соч. С. 222.

Мы с утвердившимся в отечественной науке многоступенчатым построением «этнос — народность — нация»¹, растягиваемым на несколько веков, и с переводом указанных понятий «по мере их развития» из одного качества в другое вряд ли готовы целиком поддержать этот подход. Но, несомненно, что приведенные зарубежными коллегами доводы имеют под собой некоторые основания, что, в частности, подтверждает балканская практика национального и государственного строительства в XIX в.

Здесь идея нации и националистическая идеология не только активно культивировались во вновь созданных государствах, но очень скоро становились государственными. Для этого действительно требовались усилия субъективного фактора, поскольку, по мнению известного специалиста в этой области Э. Геллнера, нации не даны нам от природы, и национальные государства не были «заранее предопределенной кульминацией развития этнических или культурных групп»; да и национализм, продолжает он, это не пробуждение якобы естественных и заранее заданных сообществ, а, наоборот, «формирование новых сообществ, соответствующих современным условиям»².

В условиях Балкан с ее этнической чересполосицей, с частой вынужденной многотысячной миграцией населения из страны в страну особенно трудно определить, когда «начинается» собственно нация, и также затруднительно сказать, когда строительство ее более или менее состоялось. В таких условиях «национальный вопрос» обретает качество *perpetuum mobile*, вызывает постоянное беспокойство со стороны интеллектуальной общественности и властей, требует к себе большого внимания.

Это хорошо видно на примере Болгарии, в которую после Первой мировой войны хлынули десятки тысяч беженцев. Только получив в 1926 г. с помощью европейских международных организаций так называемый Беженский заем, правительство Андрея Ляпчева занялось обустройством масс иммигрантов. И размещением их по специальному плану. Секретарь Ляпчева так рассказывал об этом в своих воспоминаниях: «Слушал, как премьер-министр Ляпчев инструктировал директора Дирекции по размещению беженцев инженера Стоимена Сарафова: На Вас возлагается большое, человеческое, народное, но и политическое дело исключительной важности. Вы будете строить поселения для них, но должны иметь в виду и национальные особенности мест, где будете строить. Болгары в Родопях еще не могут оторваться от мусульманской веры, которую смешивают со своей народной принадлежностью, а потому Родопы — не место для поселения беженцев. Также болгары дунайского поречья не могут оторваться от владшского (румынского. — Р. Г.) языка. Здесь тоже нечеткое, размытое народное сознание. Не забывайте, что за каждым меньшинством стоит территориальный вопрос. Наше положение достаточно трагично. Пяти-

¹ См.: Литаврин Г. Г. Этнос—народность—нация // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002.

² Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 114–115.

вековым рабством болгарскому народному сознанию нанесены тяжёлые раны (выделено мною. — Р. Г.). Вот почему строго следите, чтобы средствами займа создать условия для размещения компактных групп беженцев в Варне, Бургасе, Хасково, Пловдиве и Асеновграде. Внутри самих городов: Месемврии, Созополя, Василико (теперь Мичурин), Анхиало (теперь Поморие) создать кварталы для размещения беженцев... Беженцы-болгары проверенной твердости разместятся вокруг этих городов, в поречье Дуная и в пограничных районах в Елховской, Тополовградской, М. Тырновской, Свиленградской околий и именно в селах с инородным населением. Компактно следует разместить беженцев в Петричском (теперь Благоевградском) округе. Вы знаете, — продолжал Ляпчев, — что более 1200 лет назад болгары начали спускаться на юг к равнинам. Их заселение здесь усилилось после крупной победы Симеона над византийской армией при Ахелое, близ Бургаса. Построите беженское поселение около места этой победы, и оно будет называться Ахелое»¹.

К проблеме «нация — язык», думаю, имеет определенное отношение и событие, связанное с формированием языка Софии как столичного города. Перемещение столицы из Тырново в Софию состоялось 3 апреля 1879 г. До того времени именно в Тырново комплектовалась высшая администрация, пополнявшаяся и возглавлявшаяся главным образом представителями северо-восточной болгарской интеллигенции. С их переездом в Софию в городе возникла сложная языковая ситуация из-за того, что тырновская городская разговорная норма, лежавшая в основе также и литературного письменного языка, вступила в повседневное соприкосновение с западной диалектной речью, присущей населению Софии, — во многом простонародной. Правда, специалисты-языковеды считают, что, поскольку софиянцы не домогались престижных постов, а выполняли преимущественно второстепенные и обслуживающие функции, конфликта не произошло².

А вскоре в Софию вслед за присоединением в 1885 г. Восточной Румелии к Княжеству Болгария переместилась еще и часть интеллигенции Пловдива, которая в языковом отношении тоже принадлежала к восточному ареалу и таким образом влияние престижной восточной языковой группы в столице усилилось³.

Естественно, такие факторы создавали дополнительные трудности для адаптации и высших и низших слоев населения к изменявшейся общественной и социальной жизни, подпитывали едва ли не постоянный общественный стресс и, может быть, поэтому, пока государство не вышло из «жидкого (текучего) состояния» периода своего становления, пока не окрепло, став в 1908 г. Царством Болгария, вопросы нации и борьбы за полное

¹ Янчулев М. Септември 1918 — септември 1944 // Научен архив на Българската академия на науките. Сб. IV. А. е. 194. Ч. 1. С. 56–57.

² Виденов М. Социолингвистика. Основни тезиси. Български социолингвистически проблеми. София, 1982. С. 132.

³ Там же. С. 133.

объединение болгарского народа имели лишь весьма расплывчатые партийно-идеологические обоснования, как об этом позволяют думать официальные программные материалы болгарских партий.

Их анализ показывает, что из всех вопросов, поднимавшихся болгарскими политиками и лидерами партий на их съездах или в печати, толкование «национальной темы» оказывалось одной из самых разноречивых и несогласованных, менее всего разработанной и приведенной к какому-либо общему знаменателю. Правда, о мечте объединить весь народ воедино вспоминали постоянно, но практически без упоминания самого «идеала» — Сан-Стефано.

В 1878 г. Сан-Стефанский предварительный мирный договор, по которому Македония включалась в состав Княжества Болгария, всколыхнул своей дерзостью и Европу и Балканы. Для балканских стран «дележ» земель Османской империи имел особое значение. Тому существовали свои причины: освобождение из-под власти Османов любого из балканских народов нигде не происходило полностью и сразу; кроме того, в определении границ и статуса вновь создаваемых государств первая роль всегда принадлежала иностранным дипломатам — российским, английским, французским. Они представляли страны, которые имели свои цели на Балканах и стремились переиграть друг друга. О собственно балканских народах если и думали, то лишь в третьестепенную очередь. В таких условиях за пределами любого из вновь созданных на Балканах государств остались массы населения родственного «племени», что не только породило в каждом из них свою «национальную идею» (точнее, «национальный вопрос»), но сразу же превратило задачу реализации ее в центр государственной политики страны. Решение каждого «национального вопроса» предполагало полное объединение в составе одного государства народа (греческого, сербского или болгарского), но также, что не менее важно, и присоединение территории проживания всех его частей к этому государству. Однако традиционное расселение балканских этносов — без четких границ, чересполосно — как бы само уже программировало спорность и острую конфликтность всех попыток решения этих вопросов, совмещение задачи объединения народа с внешнеполитическим экспансионизмом. Что и воплотили в себе выработывавшиеся местными идеологами национальные доктрины, позже вошедшие в политический лексикон как понятия о Великой Греции, Великой Сербии, Великой Болгарии и некоторых других. Конечно, за пределами этих стран претенциозность объявленных лозунгов воспринималась в штыки, несмотря на их, казалось бы, естественную в каждом случае первооснову.

Заменивший Сан-Стефанский договор Берлинский трактат заставил болгарских лидеров глубоко прочувствовать свою зависимость от воли крупных международных авторитетов, а «национальный идеал» упрятать далеко в складки памяти. И ждать, ждать, ждать... пока обстоятельства вокруг новоявленного государства не изменятся.

Сразу после Освобождения Болгарии тон в подходе к национальному вопросу задала опять-таки Либеральная партия. Смело заявив в партийной программе 1879 г., что на первое место ставит задачу «поддерживать и отстаивать стремление нашего народа к объединению», она тут же подалась назад: «Но проявляя естественное уважение к Берлинскому договору, — говорилось в документе, — мы не будем домогаться объединения, по крайней мере, сейчас, до тех пор, пока будем иметь веру в доброе расположение великих держав к нам, потому что предел нашего терпения находится на границе снисхождения западных государств»¹.

В партийных материалах других партий немало внимания уделялось вопросам взаимоотношений Болгарии с Сербией. Идеологи Радикальной партии, например, подчеркивая свое миролюбие к западной соседке, указывали: «С Сербией географически наиболее нам близкой, а по народности очень родственной, следует поддерживать братские отношения во всех направлениях и стремиться к единству в политической деятельности»². А также предлагали энергично работать в пользу союза балканских народов и, в частности, как можно скорее достичь соглашения с Сербией, Черногорией и Румынией.

Значительной популярностью среди болгарских политиков пользовалась идея Балканской федерации, причем в качестве одного из ее резонансов выставлялся довод: чтобы не ссориться с сербами. В 1902 г. «молодые демократы» выступили с лозунгом: «Македония для македонцев», обосновывая его следующим образом: Мы исходим из того, говорилось в документе, что основным принципом внешней политики является стремление к образованию конфедерации малых балканских государств (в оригинале употреблен уменьшительный термин «державици». — Р. Г.). Первым шагом к этой цели должно быть искреннее сближение Болгарии с Сербией. Но встанет македонский вопрос. Наша позиция при этом такова: поскольку наши сонародники находятся под тяжким игом, Демократическая партия хочет, прежде всего, чтобы они как можно скорее зажили свободной политической жизнью, но будучи болгарской, Демократическая партия не может не желать, чтобы болгары Македонии и болгары Княжества составили единое культурное и политическое целое. Однако признавая, что домогательство болгар в Княжестве и в Македонии добиться своего национального желания, в силу политических и социально-экономических причин, естественно, вызывает и вызовет у наших соседей стремление к территориальной компенсации, считаем, что это приведет к тому, что македонский вопрос разрешится либо разделом Македонии, либо ее оккупацией каким-нибудь крупным государством. А это бесчеловечно в отношении живущего в Македонии населения и губительно с точки зрения культурных и социально-экономических интересов болгарского народа вообще. Признавая все это, Демократическая партия искренне выступает с лозунгом: «Македония

¹ Програми, програмни документи ... С. 20.

² Там же. С. 299.

для македонцев», что означает, что Македония собственными усилиями и при содействии всего болгарского народа и соседних державиц приобретает автономное или независимое политическое существование, чтобы вступить в качестве самостоятельного члена в общую федерацию балканских державиц¹.

Только Либеральная партия (радославистов), более «крутая» по сравнению с прежней («старой») Либеральной партией, проявляла раздражение из-за столь плачевного состояния вопроса об объединении «всего болгарского племени». На съезде в июле 1895 г. сторонники В. Радославова, внешнеполитически ориентировавшегося на Германию и Австро-Венгрию, заявили: «Македонский вопрос является национальным, а не партийным... Съезд выражает сожаление, что нынешнее правительство держится в этом вопросе *неясной, неопределенной и непоследовательной позиции* (выделено мною. — Р. Г.), что делает сомнительным улучшение участи македонского населения»². Но, строго говоря, особой ясности в постановке «национального вопроса» вслед за демаршем «радославистов» не наступило.

С 1907 г. лозунги автономии Македонии и Одринской Фракии стали появляться все чаще³. Софийское правительство, вынужденное учитывать позиции великих держав и соседних балканских стран, все еще не открывало фронта прямой борьбы за присоединение Македонии к Болгарии, хотя считало ее население безусловно болгарским. Тактически идея состояла в том, чтобы продолжать добиваться на основе 23-го параграфа Берлинского трактата добровольного (! — Р. Г.) предоставления Османской империей прав автономии этой провинции. Что София рассчитывала затем использовать в качестве промежуточного этапа на пути присоединения Македонии к Болгарии. Придерживаясь на дипломатическом уровне столь выдержанной формулы, в практической деятельности болгарское правительство уже не скрывало, что восстановление сан-стефанских границ является священной национальной целью⁴.

Так в начале XX в. общественная атмосфера в Болгарии стала насыщаться новыми парами. Князь (с 1908 г. царь) Фердинанд, настроенный на укрепление государственной власти и власти личной, начал особую заботу проявлять об армии, ее обучении и вооружении и о том, чтобы поставить ее под личный контроль⁵. В 1903 г. был принят специальный закон об устройстве вооруженных сил, состав армии был увеличен с 25 до 60 тыс. человек, на ее нужды стало отводиться более 30% бюджета страны. Ежегодно организовывались военные учения.

Офицеры не только стали проходить специальную профессиональную выучку, но и целенаправленно воспитываться в духе патриотизма и личной преданности монарху. Именно они должны были стать и становились

¹ Програми, програмни документи ... С. 297.

² Там же. С. 123.

³ Там же. С. 155, 110.

⁴ Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 23, 28.

⁵ Там же. С. 16.

самыми рьяными носителями национальной идеи. Из них формировался специфический элитарный слой, близкий к власти, обслуживающий ее.

Проповедь «великих» идей постепенно распространялась на все общество: стремление добиться идентификации в массовом сознании понятий «народ» и «нация», привлекательности родного государства-нации в глазах ирреденты — набор этих и других идеологических и политических средств был призван сформировать внутренний идейный стержень для населения, объединить общество и власть, осуществить национальную интеграцию и обеспечить власти массовую поддержку, а в конечном счете обеспечить внутреннюю политическую стабильность, без чего невозможно ни активно бороться за осуществление «национального идеала», ни проводить реформы, если они все еще стояли в повестке дня и не были вытеснены первым компонентом на обочину. Безусловно, оба этих компонента имели непосредственное отношение к процессу модернизации, являлись его составляющими, но как правильно их соотнести на практике? Как расставить ударения?

В реализацию сформулированной политической элитой Болгарии националистической программы включались и государственная бюрократия, и народная интеллигенция (учительство), и особенно офицерский корпус. Нельзя не отметить при этом, что все креаторы (разработчики) и носители националистической идеологии оказывались сосредоточенными опять-таки в городском секторе и относились к слоям, доходы которых зависели главным образом от государства¹. Их практически нет в крестьянской среде. И здесь мы подходим к очень важному моменту: «Село встречало националистические программы враждебно», — констатируют западные социологи². Болгарский историк Д. Мишкова, говоря о поре строительства Княжества Болгария, отмечает пассивность народа и «невозможность вызвать его энтузиазм»³.

Другой болгарский историк, Искра Баева, пишет не просто о «прохладном отношении» крестьянства к национализму, но — еще более определенно — о его сопротивлении главным составляющим политики модернизации и о стремлении защитить *свои особые* интересы. С этими обстоятельствами она связывает появление крестьянских партий в Юго-Восточной Европе, опирающихся на собственную идеологию — аграризм⁴.

* * *

Известно, что философия аграризма далеко неоднозначна, в разных странах и в зависимости от определенного отрезка их истории она получала

¹ Рудометов В., Николов Ст. Указ. соч. С. 148.

² Там же. С. 149.

³ Мишкова Д. Указ. соч. С. 20.

⁴ Баева И. Аграризмът като идеология на селските движения в България и Полша до втората световна война // Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. София, 1992. Т. 84–85. С. 183.

то или иное наполнение, вплоть до формулирования теории об особом, «третьем» пути общественного развития и попыток лидеров крестьянского движения реализовать ее и возглавить государственную власть¹.

Однако во всех случаях в идеологии аграризма присутствовала *антикапиталистическая составляющая*, наиболее ярко выраженная вначале — на рубеже XIX–XX вв., она стала ее как бы родовым знаком. Это очень важно осмыслить, как показатель того, что основанная на идеологии аграризма социальная альтернатива увязывалась крестьянскими партиями с перспективой сохранения прежнего уклада, то есть оказывалась прямо противоположной идеологии модернизации. Иными словами, крестьянство, будучи главным носителем традиционных мировоззрения и социальной организации, оказывалось на пути перехода Балкан в новую цивилизацию не только своего рода общественной глыбой, которую нельзя ни обойти, ни пренебречь ею, но и элементом сопротивления модернизации как стратегии.

Конечно, болгарские крестьяне по-своему тоже «модернизировались». Как это происходило на рубеже XIX–XX вв., лучше, чем болгарский писатель и поэт Цанко Церковский, сказать трудно. Поэтому позволю себе длинную выдержку из написанного им в сентябре 1899 г. «Возвращения» представителей сельской интеллигенции к болгарским крестьянам с призывом объединиться в свой союз. Считается, что так было положено начало Болгарскому земледельческому союзу.

Едва ли в мире есть другие крестьяне, говорилось в Возвращении, которые вкладывают столько труда в свои нивы, а в награду получают так мало. Да, мы извлекаем едва половину того, что добывает американский, немецкий или французский земледелец на таком же участке земли и затрачивая гораздо меньше труда; мы не знаем новых машин, больших и малых, без которых умные хозяева не принимаются за дело. «Мы действуем по-старому, ветхозаветно (по-болгарски звучит, на мой взгляд, лучше, образнее: как древний Адам. — Р. Г.): стараемся, пыжимся и при явной бесплодности наших усилий, при потерянном здоровье и разбитой жизни, говорим: *«Наши отцы не умирали от голода, и мы не помрем»*. Но когда и как жили наши отцы, сколько пашни они обрабатывали, какие потребности имели? И можем ли мы, люди нового времени, с более или менее развитыми потребностями жить так, как они, только бы не умереть с голоду». Уже не одну зиму мы живем тяжело и невесело, но ничто не заставляет нас подумать о своем окаянном положении и вовремя поискать выхода из нашей общей беды. А жизнь каждый день преподносит нам все новые и новые уроки. Идет вперед, и мы сами не замечаем, как незаметно уже простились со старыми вещами и привыкли к новым. «Вглядитесь в домашнюю обстановку, в одежду самого бедного из вас, вдруг увидите в них печать новой жизни. Лампа, стол, стул, тарелочки для детей, гробешок, еще что-то —

¹ См., например: *Матвеев Г. Ф.* «Третий путь»? Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период. М., 1992. С. 224–226.

все это приходит в дом как будто невзначай, случайно, а завтра к этому уже привыкаем, считаем необходимым. Детей отлучаем от сохи, от стада; все отдаем, чтобы учить их на учителей, офицеров и прочее. Зачем допускаем эти вещи в свои дома? Очевидно, новая жизнь открыла нам новые пути и мы вступаем на них, даже не желая того. Но направляем ли мы и свое крестьянское занятие по новым путям, которые нам открыли наука и новая жизнь? Нет. *Здесь мы остаемся такими, какими были в турецкое время и тысячи лет назад.*

Вспомните, сколько бакалейщиков и сколько торговцев было в селе десять лет назад, и сколько их теперь! Раньше и одного корчмаря было не удержать, сейчас на сто домов имеем четыре-пять корчмарей, бакалейщиков, производителей бозы, мануфактурщиков, жестянщиков, кмета, писаря, 3–4 учителей, попа, а то и с десяток ростовщиков. Кто их содержит? Не мы ли! Явно, что мы уже не те, что были раньше, что мы уже люди с большими потребностями и для этого делаем большие траты. А можем ли мы отменить эти потребности и освободиться от корчмарей, мануфактурщиков, сапожников и прочих? Нет, не можем. Потому что они идут не по нашей воле, они — плод нашей новой жизни, наших новых потребностей. Из этого следует, что если мы хотим быть людьми своего времени, то мы не можем сократить и собственные расходы, вызываемые потребностями времени.

Но делаем ли мы что-нибудь для увеличения своих доходов, чтобы суметь покрыть эти расходы? Применяем ли какой-нибудь новый инструмент в нашем земледельческом деле, какой-нибудь новый облегчающий труд или более производительный способ пахоты, сева, боронования посеянного на нашей пашне? Нет. В домах, в жизни своей кое-что новое мы приняли, а на земле мы используем еще ветхозаветную соху, пашем и сеем еще старым, первобытным способом. Правда, что этот способ обеспечивал наших отцов с их одним-единственным попом, одним учителем и одним бакалейщиком; но нас, уже других, этот способ не пропитает. Нужно своевременно что-то сделать, видоизменить, улучшить, сделать так, как это сделали ученые фермеры, чтобы соответствовать нашей новой жизни, чтобы удовлетворять наши новые потребности и иметь возможность оплачивать их.

Нас используют, знают, что без нас трудно получить место чиновника или министерское кресло, что именно мы делаем их големцами, приводим к власти, а они забывают о нас уже на второй день. Их дело — набивать карманы, когда они у власти, и плакать о нас, крестьянах, когда их отторгнут от нее. А можем ли мы оторваться от них, позволить им самим свободно драться между собой за привлекательную для них мозговую косточку? Нам ведь нужно серьезно задуматься и отдаться заботе об улучшении своего пропадающего чифлика¹.

Вынужденное приспособляться к меняющимся условиям, крестьянство обратилось в сфере экономической к интенсивному развитию коопе-

¹ Програми, програмни документи... С. 458–461.

рации. Существовавшие традиции благоприятствовали этому. Так, еще во времена Османской империи в болгарских землях, где сохранялась родовая задруга, а крестьяне объединялись в садоводческие, рыболовецкие и т. п. общества, в 1864–1865 гг. стали создаваться кассы взаимопомощи («общепользные кассы»), куда средства вносились натурой или деньгами. Характерно, что начало движению было положено по инициативе Мидхад-паши, т. е. «сверху»¹. Общества взаимопомощи явились начальной формой кооперации. Подобные объединения примерно с середины XIX в. распространились в Германии, Франции, в Скандинавских и других странах, где довольно быстро переросли в потребительские, а затем и производительные кооперации.

В Болгарии дело пошло иным путем: крестьяне долгое время стремились сохранять за кассами их прямое предназначение, сопротивлялись и попыткам властей объединить средства касс и Болгарского земледельческого банка — соответствующие законопроекты, несколько раз вносившиеся на протяжении 1887–1892 гг. в Народное собрание, были отвергнуты. Борьба государства за аккумуляцию в своих руках капиталов, созданных взносами земледельцев, растянулась на 15 лет, когда, наконец, была установлена смешанная государственно-автономная система управления кассами². Постепенно дело управления средствами касс государство все больше стало переводить на себя: вместо выборов персонал касс стал назначаться министром торговли и сельского хозяйства, в 1897 г. ввели принцип принудительного сбора просроченных выплат кредитов, вплоть до продажи имущества задолжников. Все это вызывало демонстративное недовольство крестьян, выступавших не только против продажи имущества за долги, но и требовавших, чтобы «общинные интересы ставились выше частных». В мае 1901 г. такое прошение, подписанное 4 тыс. сельских хозяев было подано в Народное собрание³.

Несмотря на это, 1903 г. ознаменовался завершением процесса объединения земледельческих касс взаимопомощи и Болгарского земледельческого банка, и таким образом было положено начало *огосударствлению* кооперативных форм в Болгарии. Вокруг Земледельческого банка сложилась сильная финансовая инфраструктура, а вскоре тем же путем пошел возникший несколько позже Болгарский центральный кооперативный банк. С помощью этих банков кооперативная идея стала массово распространяться в Болгарии, «своими» кооперативами, в основном потребительскими, стали обзаводиться и партии. БЗНС, например, на своих съездах и в органах печати рекомендовал каждой местной партийной ячейке стать инициатором создания сельского кооператива⁴.

¹ Кожухаров К. Селското кооперативно движение в България при капитализма. София, 1965. С. 11.

² Там же. С. 15–16.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 28.

В результате в начале XX в. кооперация, количественно нарастая, все более стала приобретать качества своеобразного общественного института. Быстрый рост потребительской кооперации, считают некоторые авторы, имел место в 1903–1907 гг. Как отмечает К. Кожухаров, членский состав одного кооператива насчитывал примерно 70–80 чел. Исходя из того, что на одного кооператора приходилось около 7 га рабочей земли, а в среднем на одного крестьянина вообще около 5 га, Кожухаров высказывает мнение, что «кооператорами были главным образом средние крестьяне»¹. Наша соотечественница Э. Г. Вартаньян, наоборот, считает, что в кооперативы шли в основном бедняки: «можно констатировать тот факт, — пишет она, — что сельское кооперативное движение в Болгарии зародилось и развивалось как движение беднейших крестьян за свои интересы, против эксплуатации»².

Но главное, среди кооперативов почти не было производительных, преобладали потребительские, основная цель которых — оказание помощи в сбыте сельскохозяйственной продукции и приобретении промышленных товаров, а также осуществление бытовых форм взаимопомощи. И это обстоятельство существенно отличало болгарскую кооперацию от западноевропейской, где особенно яркий пример явила Дания. Страна мелкого крестьянского землевладения, ориентированного на зернопроизводство, она в 90-е гг. XIX в. пережила и поражение в войне с Пруссией, и тяжелый экономический кризис, связанный с потерей позиций для экспорта хлеба. Поиски выхода из положения потребовали основательной перестройки сельского хозяйства в интенсивное. Специалисты по истории Дании отмечают особенность ментальности датских крестьян: они сознавали необходимость мобилизации сил для достижения благосостояния и процветания страны (к этому призывали местные идеологи «просвещенного аграризма») и с готовностью занялись реорганизацией своих хозяйств, заменяя традиционное зерновое направление на новое — мясо-молочное. Действенным рычагом для этого явилось создание (как опять-таки подчеркивают исследователи, — самодеятельное) кооперации по переработке и сбыту продукции, для строительства маслобоен и заводов по производству бекона и других мясных продуктов³.

«Испытание, выпавшее на долю датского народа, оказалось его спасением», — писала российский агроном Е. Н. Вавилова⁴. Экспортировать готовый товар крупными партиями в ту же Англию, куда прежде вывозилось датское зерно, оказалось гораздо выгоднее⁵. Экономический рывок в исторически короткое время Дании, население которой составляло немногим

¹ Там же. С. 29.

² Вартаньян Э. Г. Аграрная наука в Болгарии. История и современность. Краснодар, 2002. С. 59.

³ История Дании. XX век. М., 1998. С. 5–11.

⁴ Вавилова Е. Н. Отчего датские крестьяне стали хорошо жить. Очерк из истории Европы в 19-м веке. 2-е изд. М. 1917. С. 13.

⁵ История Дании с древнейших времен до начала XX в. М., 1996. С. 304.

больше 2,5 млн человек¹ по переписи 1906 г., привлек к ней всеобщее внимание, с ее опытом ездили знакомиться делегации многих стран, в том числе из России². Один из таких делегатов писал: «Нас, наблюдателей, может поражать... та дружная, планомерная работа, которую проявила вся нация, когда она сознала пользу от новой системы хозяйствования»³.

Конечно, предварительные условия для успеха дела были в Дании весьма благоприятными как с точки зрения степени развития экономической инфраструктуры в целом, так и с точки зрения подготовки для этого «человеческого материала» (по уровню образования населения, в том числе сельского, Дания занимала одно из первых мест в Европе).

Этот экскурс нам понадобился не только для того, чтобы явственнее подчеркнуть различие социально-экономических обстоятельств реализации теории аграризма на Севере и Юго-Востоке Европы на рубеже XIX–XX вв., но более всего для того, чтобы оттенить значение такого важного фактора, как сознательный выбор *направления мобилизационных усилий* общества. Забота о выводе страны из тупика, о ее процветании — именно такое наполнение получила в то время *национальная идея* в Дании. Она была обращена вовнутрь, а не вовне, когда бы реализация ее связывалась со стремлением немедленно вернуть земли, утраченные в результате неудачной войны с Пруссией. И это существенно отличало характер мобилизационных усилий датского общества по сравнению с тем, с чем пришлось столкнуться большинству Балканских стран.

Между тем датской практикой интересовались и в Болгарии. Естественно, дело упиралось в финансы. Если в Дании, помимо средств касс взаимопомощи, кооперативы могли использовать займы в частных банках (благодаря запасу свободных капиталов на Западе, как свидетельствует Вавилова⁴), то именно этой возможности не было у крестьян болгарских. А потому развитие кооперации здесь пошло в основном вширь, и главной и, по существу, единственной формой долгое время оставалась потребительская кооперация; лишь в 30-е гг. XX в. появилось незначительное количество производительных кооперативов.

Другой отличительной чертой болгарской кооперации явился недостаток самодеятельности крестьянства (чаще всего инициаторами создания кооператива выступали представители сельской интеллигенции) и энергичное включение властей в процесс кооперативного строительства. Очевидно, что коллективизм и патернализм как свойство матрицы традицио-

¹ Любопытно, что некоторые исследователи считают, что чем выше численность населения, тем больше страна приспособлена к модернизации. См., например: Spulfer N. Changes in the Economic Structures of the Balkans. 1860–1960 // The Balkans in Transition. Ed. By Ch. and B. Jelavich. Berkeley; Los Angeles, 1963. P. 347.

² Вавилова Е. Н. Указ. соч.; Каратыгин Е. С. В стране крестьянских товариществ. Очерк развития товарищеского начала в сельском хозяйстве Дании. 2-е изд. СПб., 1913.

³ Каратыгин Е. С. Указ. соч. С. 4.

⁴ Вавилова Е. Н. Указ. соч. С. 34.

нализма оказались и в XX в. такой силы, что кооперативизм в Болгарии, получив массивную идеологическую и социальную поддержку со стороны властных структур, стал в этой стране еще одной государственной идеологией и государственной политикой.

В итоге кооперативное движение, охватывавшее не только сельское население, но и низшие слои городского (ремесленники, мелкие торговцы, лавочники), оказалось в Болгарии в немалой степени огосударствлено, т. е. поставлено под опеку государства. Этот процесс стал особенно заметен после Первой мировой войны, когда сменявшие друг друга на посту премьер-министра политики (А. Стамболийский, А. Цанков, А. Ляпчев) одновременно являлись и идеологами кооперативизма. Последнее не удивительно, например, для Стамболийского, лидера Болгарского земледельческого народного союза. Но Цанков и Ляпчев считались деятелями буржуазного государства и действительно были ими. Однако именно Ляпчев еще в 1910 г. стал инициатором создания государственного Болгарского сельскохозяйственного кооперативного банка. При правительстве Цанкова кредиты из этого банка выдавались кооперативам избирательно, исходя из центральной задачи укрупнения кооперативных организаций и избавления от мелких. При этом кредитование единоличников почти совсем прекратилось. С помощью государственных банков создавались и новые кооперативы. Выдавая крупные кредиты в 10–11 млн левов, которые, кооперативам, кстати, трудно было освоить из-за их слишком большого размера, государство ставило кооперативное движение под свой контроль и руководство. Целью насаждения этактистских методов в кооперативное движение и довольно масштабной его поддержки, например, при правительстве Цанкова, цитировавшийся выше В. Тепавичаров, специально изучавший этот вопрос, считает использование не столько экономической функции кооперации как средства для накопления капитала, сколько ее социальной функции, т. е. в качестве средства взаимопомощи и обеспечения самых необходимых социальных нужд населения¹.

Сходной была государственная политика в отношении городской кооперации, сосредоточенной в двух основных формах — популярные (народные) банки и кредитные или производительные кооперативы². Кооперативное движение набирало обороты и в последующие годы, при правительстве Ляпчева, который, будучи премьер-министром, возглавил в 1927 г. Высший кооперативный совет, и позже, вплоть до окончания Второй мировой войны. В этих фактах просматривается, на наш взгляд, очевидное стремление болгарских политиков при проведении различных мер по модернизации страны вывести из-под «ударов» реформ основного производителя в стране — крестьянство. Крестьянство в итоге стабильно сохраняло свой изначальный удельный вес в составе населения — до 80%, т. е. без особых колебаний как в конце XIX в., так и в середине XX в., и проявляло

¹ Стоянов В., Тепавичаров В. Указ. соч. С. 35.

² Там же. С. 366.

очень слабую тенденцию к рассасыванию в качестве основного социального слоя. При опоре главным образом на старую, традиционную основу государство испытанным способом обеспечивало себе устойчивость.

Оценивая роль кооперации в Болгарии как формы экономической жизни, которая приобрела в стране гипертрофированные размеры и превратилась в подобие марки, знака экономической самобытности страны в период до и после 1944 г., Р. Аврамов подчеркивает, что вся система кооперативных институтов массово и повсеместно «преподавала» экономическую идеологию коммунальности; кооперативное лобби благодаря своему политическому влиянию повсеместно инфильтрировало принцип предпочтения коллективных форм перед частными; в таких условиях кооперативизм, поднятый до статуса официальной государственной идеологии, вменялся даже государственным служащим, а «антикооперативные» проявления получали негативную государственную санкцию¹.

Сосуществование государственной идеологии национализма, как присущей эпохе модернизации и поднятой фактически до такого же уровня идеологии кооперативизма, кажется парадоксальным. Ибо цивилизационно они, мягко говоря, различны. Кооперативизм, развиваясь, утверждает Р. Аврамов, перерастает свои чисто экономические функции и превращается в образ жизни, а «в экономике, где кооперативизм является государственной доктриной, либеральное экономическое мировоззрение рождается с трудом, индивидуалистическое же начало выталкивается на периферию»²; и если в других странах кооперацию считали коррективом капитализма, то в Болгарии ее считали доступной и желанной альтернативой; люди же, создававшие в подобной среде стандарты своего экономического мышления, в общих чертах были подготовлены к социализму³.

Подводя итог, следует сказать, что практика капиталистического развития в Болгарии до 9 сентября 1944 г. мало согласуется с утверждением, будто наиболее успешно процессы модернизации протекали там, где они опирались на национальные традиции, как об этом, опираясь на японский феномен, пишет В. К. Волков⁴. На деле все зависит от исторического времени и «качества» традиций и от того, способно ли общество на основе этих традиций созидать нечто новое или хотя бы позитивно использовать наличную архаику. Ведь даже успех Японии после Второй мировой войны, о котором так много пишут, определялся тем, что традиционные патерналистские устои оказались возможным *встроить в новую систему*, ибо сама-то система была привнесена США, т. е. извне¹. Еще более определен-

¹ Аврамов Р. Указ. соч. С. 27–28.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 29–30.

⁴ Волков В. К. «Славянская идея» и русское национальное самосознание // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 366.

но пишет об этой стороне дела В. И. Пантин. Ссылаясь на опыт ФРГ и Японии после 1945 г., он утверждает, что для модернизации, помимо того, что общество должно созреть для демократии и либерализма, оно должно «опираться на помощь и поддержку наиболее развитых государств (выделено мною. — Р. Г.)»².

На Балканах же в отсутствие таких щедрых даров со стороны множественных и враждующих между собой европейских государств-«покровителей» матрица традиционализма продолжала накручивать свои слабо размагничивающиеся «витки» и не предоставляла достаточного ресурса для рывка на собственной основе.

И наконец, последнее — о таком факторе, как устремленность общества к достижению определенной цели (по словам В. И. Пантина, одного горячего желания мало, общество должно перестать быть расколотым в отношении основных направлений своего развития³). На худой конец для модернизирующихся государств необходима хотя бы внутренняя политическая стабильность, без чего никакие реформы не имеют достаточных шансов на успех.

В качестве положительного момента болгарские авторы отмечают то обстоятельство, что в период с 1884 до 1934 г. правящие партии и коалиции сменялись в этой стране именно конституционно-парламентским путем 11 раз, а четыре раза оппозиция даже выигрывала парламентские выборы. Тем не менее сами балканцы считают насилие в политической борьбе характерным для своего мироощущения. Особенно напряженной в этом отношении является история межвоенной Греции с ее не только бесконечными сменами правительств, но и частыми государственными переворотами. В той же Болгарии за 1870–1934 гг. произошло три мятежа (1886, 1887, 1923) и три государственных переворота (1881, 1923, 1934)⁴, 9 сентября 1944 г. ее население ожидал еще один переворот.

Для состояния политической атмосферы на Балканах были характерны репрессии в отношении министров, обвинявшихся и получавших судебные приговоры за участие в военных мятежах, или как виновники военного поражения, или после государственных переворотов, когда к власти приходили новые люди. Показательны и такие цифры: из примерно 110 министров всех болгарских правительств с момента Освобождения по февраль 1945 г. 46 умерли не своей смертью. Правда, такой высокий показатель «обеспечили» 30 бывших министров, казненных с приходом «народной власти» в начале февраля 1945 г. 11 человек среди остальных пали убитыми

¹ Чугров С. В. К вопросу о сочетании традиционализма и модернизма в современном японском мышлении // Эволюция политических институтов на Западе. М. 2000. С. 88–89.

² Пантин В. И. Указ. соч. С. 96.

³ Там же.

⁴ Цветков Пл. Указ. соч. С. 186.

на улице, двое умерли, находясь в тюрьме, 3 покончили жизнь самоубийством по политическим причинам¹.

Поистине политическую обстановку ни в Болгарии, ни в Греции никак нельзя назвать благоприятной для успешного шествия модернизации. Ситуация в сербском, позже югославском обществе, если чем-то и отличалась, то явно не в лучшую сторону.

Завершая, подчеркнем: если в конечном счете одним из главных столпов модернизационного процесса является *изменение социальной структуры, доставшейся вновь создаваемому государству от предшествующего традиционного общества*, что только и может позволить этому государству серьезно перестраиваться во всех областях жизни и развиваться «с нарастанием», то модель социализированной модернизации, сложившаяся в Болгарии, для решения этой центральной проблемы просто не была приспособлена. В стране за время после Освобождения 1878 г. и вплоть до первой половины XX в. сложилась особая социально-экономическая практика, способствовавшая формированию у людей специфического экономического менталитета, и это, по-видимому, в наибольшей степени отвечало духу и воле народа, который только в первое десятилетие XX в. почувствовал более или менее прочную почву под ногами. Не надорвавшись в экономической гонке, не претерпев больших демографических потерь и сохраняя и развивая возрожденческие заветы просвещения и культуры (о чем, к сожалению, мы здесь так и не успели сказать), болгарский народ вступал во вторую половину XX в. индивидуумом самобытным, но очень слабо подготовленным к наступавшей эпохе с ее перегруженностью научно-промышленными, технологическими, информационными и прочими революциями, политическими и другими потрясениями.

¹ Подсчитано по: Цураков А. Политици, процеси, атентати. София, 1998.

Ар. А. Улунян

Модернизация по-гречески: между переворотами и революциями, монархией и республикой

Трудный выбор: европеизм или балканизм

Процесс модернизации на Балканах, и в Греции в частности, нередко рассматривается в существующей историографии как «вестернизация» — приближение к европейским социально-политическим и экономическим стандартам, а в ряде случаев и как механическое подражание европейским моделям в целом¹. По мнению самих балканских исследователей, «раннее восприятие западных либеральных идей и парламентарных институтов к XIX в. доиндустриальными балканскими обществами часто оценивается в большей степени как фасад, имеющий исключительно малое влияние на глубинные статусные, недемократические, авторитарные структуры доминирования, превалирующие в этих обществах»². В этой связи и политический класс, для обозначения которого часть исследователей использует термин «политическая элита», осуществлял одновременно функции контроля над обществом и его модернизацию³. Для Греции особое значение в процессе формирования ее политического класса играл сильно развитый регионализм, который не был устранен даже после получения институтом парламента довольно широких (применительно к местным условиям) полномочий. Это послужило основой для становления так называемого «олигархического парламентарного правления»⁴. Малочисленный греческий

¹ Legg K. *Politics in Modern Greece*. Stanford, 1969; Stokes G. *Dependency and the Rise of Nationalism in Southeast Europe*// *International Journal of Turkish Studies*. 1980. №1. P. 54–67; Berend I. T., Ranki Gy. *The European Periphery and Industrialization 1780–1914*. Cambridge, 1983; Sugar P. *Continuity and Change in Eastern European Authoritarianism: Autocracy, Fascism and Communism*// *East European Quarterly*. V. 18. No. 1. March 1984. P. 1–23.

² Mishkova D. *Modernization and Political Elites in the Balkans, 1870–1914*. June 1994. Working Paper 94–1// <http://www.cas.umn.edu/wp941.htm>

³ Ibid.

⁴ Mouzelis N. *Politics in the Semi-Periphery*. London; New York, 1986. P. 30–31.

политический класс на первом этапе становления и развития греческого государства преследовал цель приобщения «забытых народов европейской периферии к общей исторической судьбе континента»¹. Примечательной особенностью «европейского проникновения» на Балканы можно вполне справедливо считать влияние этого процесса на регион: «чем активнее Запад вступал [на Балканы], тем быстрее он формировал новые условия и способствовал появлению новых социальных групп, которые требовали дальнейшей вестернизации (европеизации)»².

Не меньшее значение для понимания особенностей модернизационных процессов в Балканском регионе и отдельных странах полуострова играл и так называемый национальный вопрос. Широко распространенное представление о нем как комплексе конфликтогенных факторов является частью стереотипизированного образа балканского геополитического пространства. Причинно-следственная обусловленность этнотерриториальных противоречий, нередко экстраполированная из этнической области на политическую и наоборот, способствует определению сущности национального вопроса как совокупности исключительно этнических составляющих. В то же время такой подход лишь частично правомерен. Сам факт использования устойчивого клишированного определения «балканизация» говорит само за себя³. Его основными характеристиками, как они представляются в уже сложившейся историографической традиции, стали широкая палитра этнотерриториальных противоречий, в основе которых находятся взаимные территориальные претензии соседей; наличие больших групп этнических меньшинств на сопредельных территориях, используемых как фактор, способствующий выдвижению подобных претензий; враждебность в отношении таких меньшинств со стороны «титовых» наций; этноцентристские идеалы программ государственного строительства и историко-мифологизированная система аргументации, лежащая в основе подобных идеальных моделей, обеспечивающих, в свою очередь, практическую ориентацию в системе взаимоотношений как на Балканах (так называемый внутрирегиональный этнополитический баланс), так и во внерегиональной среде.

Перечисленные выше и кажущиеся очевидными характеристики, несмотря на их констатационную по своему содержанию комбинацию конфликтогенных параметров,⁴ являются лишь проявлением более сложной, а потому и наименее замечаемой (или минимизированной при формировании соответствующих стереотипов) системы, существующей в рамках так

¹ *Kitromilides P.* Enlightenment, Nationalism, Orthodoxy: Studies in the Culture and Political Thought of South-Eastern Europe. New York, 1994. P. 51–70.

² *Parusheva D.* ORIENT-EXPRES, or about European influences on everyday life in the Nineteenth century Balkans // http://library.nec.ro/papers/regional/2001-2002/dparusheva/dparusheva_paper.htm

³ Подробнее в: *Тодорова М.* Балкани. Балканизъм. София, 1999.

⁴ *Нюркаева А. З.* Типология балканских конфликтов XX в. // Исследования по консерватизму. Пермь, 1998. Вып. 5.

называемого национального вопроса на Балканах. Ее сутью являются сочетание объективных и во многом идеально-субъективных, но исторически сложившихся элементов. Именно в силу этого факта происходит всплеск конфликтности в конкретных точках региона, порождая иллюзию существования так называемых перманентных противоречий¹. Нарицательность вошедшего в историографию и практику термина «балканизация» лишь усилила подобное восприятие ситуации на полуострове.

Это обстоятельство позволяет говорить о национальном вопросе на Балканах не как о видимой совокупности этнотерриториальных проблем, а в более широком плане, *т. е. как о перманентном процессе образования государств*². Именно идентификация и позиционирование этнического государства в пространстве Балканского региона и определило черты национального вопроса, составляющими которого стали национальный интерес и национальная безопасность.

Систему внутренних элементов национального вопроса на Балканах, то есть то, что могло бы быть определено как его структура, составили несколько основных блоков: 1) геополитический; 2) имиджологический; 3) историко-геостратегический. Каждый из них, в свою очередь, является совокупностью неизменяемых и неисчезаемых элементов.

Геополитический блок в региональном контексте определяет базовые категории всей структуры национального вопроса в регионе. Его элементами являются автохтонность и пришлость определенных этносов на Балканах. Из всех них только греки и албанцы относятся к первой категории. Все остальные — ко второй. Их географическое расположение в специфических местных условиях (горный ландшафт, регионально-территориальная разбросанность) сыграло свою роль при создании государств в Новое и новейшее время. Отсутствие централизованной государственности в XIX—XX вв. так или иначе содействовало конфликтогенности в межэтнических взаимоотношениях. Именно процесс образования новых государств обусловил острое формулирование соответствующей иерархии геополитических предпочтений и национального интереса: объединение в рамках единого «государственного поля» всего этноса; обеспечение государственного образования соответствующими необходимыми географическими условиями (плодородная равнина, выходы в глубь континента, пропорциональная территории государства береговая линия и горные массивы в виде стратегического барьера четко очерченной этнической территории). Особенно явственно это проявилось в направленности этнической и конфессиональной мобилизации общества на реализацию геополитической идеи. Ее содержательной частью являлась идеалистическая концепция «великого государства», базирующаяся в той или иной степени на тезисах «национального очага»,

¹ Парушева Д. Политическая культура и культура в политиката. Балканите в края на XIX и начало XXв. // Историческо бъдеще. София, 1998. Бр. 1.

² Augustinos, G. Consciousness and History: Nationalist critics of Greek society 1897–1914. Boulder, 1977.

«объединения нации» и существования некой «исторической территории», а также необходимости «исторической компенсации».

Естественным проявлением этноцентристской идеологии территориального построения государства выступала общественно-политическая модель его устройства, не предусматривающая либерального подхода к решению общественно-политических проблем и отличающаяся нестабильностью в силу зависимости от внешних факторов: определения угроз, поиска союзников и выработки внешнеполитического курса.

Второй блок проблем, включающий в себя имиджологический аспект, представляет собой фактор идентификации соответствующих этносов в системе взаимоотношений в рамках региона и на более широком международном поле. Позиционирование себя среди непосредственных соседей или соседей по региону выступает у балканских народов при всем существующем локальном внутриэтническом разнообразии в виде нескольких подходов.

Во-первых, это наличие или отсутствие в соответствующем соседнем государстве близких или родственных этнических меньшинств, связанных с тем, кто позиционирует себя. Во-вторых, жестко определяется историческая аналогия, политическая практика прошлого в контексте взаимоотношений внутри региона и вне его. Реверсивный характер восприятия событий международной действительности на региональном и более широком уровне так или иначе связывается с наличием дружеских (близких, родственных) или, наоборот, враждебных (исторических противников, исторических недругов) за пределами региона. В общей структуре так называемого балканского национального вопроса гипертрофированная экстраполяция выступает в роли видимого прикрытия базового утверждения недопустимости сужения собственного этнического геополитического пространства независимо от того, насколько это соответствует объективному процессу государственного образования в регионе. Иницирующим фактором, способствующем выходу на первое место имиджологических элементов (позиционирование, стереотипы, реверберации и исторические реверсии) выступает, как правило, сам конфликт, связанный с необходимостью решения внутригосударственных или межгосударственных проблем, а не наоборот. При этом независимо от географического расположения соответствующей балканской страны в самоидентификационном отношении она рассматривается как «ключевая», имеющая выходы на Запад и Восток и выступающая в роли «особого» звена балканской региональной цепи.

Иерархия элементов стереотипизированного образа во внутрорегиональном поле распределяется в виде достаточно гибкой системы и во многом определяет существование третьего, так называемого историко-геостратегического блока. Однако все его составные части, сформулированные в виде нескольких тезисов, мобилизуют историческое сознание. Свидетельством этому служат утверждения об исторической угрозе со стороны конкретных народов / государств полуострова, заявления о потенци-

альной опасности усиления соседей, подчеркивание исторической обоснованности патронирования со стороны внерегиональных сил конкретных стран и, наконец, тезис «исторически разделенной нации». При этом выдвигание территориальных претензий обосновывается не только и не столько прежней принадлежностью конкретной территории данному народу / государству, сколько наличием на ней в данный момент (или ранее, до переселения, изгнания и т. д.) родственного национального меньшинства, оторванного от основной части своего этноса в силу исторического факта: существования Османской империи, захватившей данные территории.

Эта «блоковость» структуры национального вопроса на Балканах обусловила соответствующие особенности формулирования концепций национального интереса и национальной безопасности. В первом случае доминирующим было стремление создать замкнутое этнотерриториальное государственное пространство, не допускающее никаких разрывов в виде признания факта существования национальных меньшинств и их формальных территориальных прав. Такой подход, даже в случае существования федерально-организованных государственных образований, признавал только право находиться на данной территории, а автономизация обуславливалась фактом этнического преобладания на ней в данный момент, но не территориального исторического права в отношении данной территории. Что же касается общего смысла национальной безопасности, то она рассматривала главной угрозой возможность потери государственной территории в результате объединения усилий национального меньшинства и близкого к нему (или родственного) государствообразующего этноса соседней страны.

Реализация двух концепций на протяжении XIX–XX вв. вела к обострению конфликтогенности балканского пространства, превращаясь в целую систему этнотерриториальных «вопросов». Как это не парадоксально звучит, но именно решенность «государственного вопроса» в его балканской форме с этноцентрической моделью государственно-территориальной организации вела к нерешенности так называемого национального вопроса. Сам же процесс государственного строительства в условиях этнической дисперсии, внутри и внерегиональных зависимостей оказался незаконченным. На смену практике территориальных приобретений постепенно стала приходиться практика этнотерриториального дробления с перспективой возможного объединения с родственными народам этих территорий государственными образованиями. И здесь концепции национального интереса и национальной безопасности начали играть роль сдерживающего фактора для процесса такого объединения.

Старый новый курс

Конец 50-х — начало 60-х гг. XIX в. были для Греции временем серьезных социально-экономических изменений. Происходила реструктуризация хозяйственной жизни страны. Впервые в ее истории стал очевидным эко-

номический рост. Увеличился объем торговли, прежде всего сельскохозяйственными товарами, с другими странами. Велась работа по налаживанию инфраструктуры Греции, осуществлялось строительство железных дорог, телеграфных линий. Предпринимались усилия, чтобы наладить работу почты. Экономические изменения влекли за собой и демографические изменения. Увеличение населения страны было во многом обязано притоку греков — жителей Османской империи и других балканских земель в Грецию. Так, если в 1840 г. население недавно обретшей независимости страны составляло едва лишь 850 246 жителей, то в 1853 г. их было уже свыше 1 035 527 человек, а в 1861 г. — 1 096 810 человек.

Однако процесс реструктуризации экономической и хозяйственной жизни затрагивал также политическую сферу. Противоречия экономического развития во многом обостряли политические противоречия внутри греческого общества. Социальные противоречия, ухудшение экономического положения одних слоев и резкое улучшение положения других лишь усиливали несовершенство политической системы, базовым институтом которой являлся институт монархии, обладавший абсолютистскими чертами, которые невозможно было скрыть за конституцией 1844 г. В армии проявлялось серьезное недовольство как материальным положением, так и социальным статусом кадрового офицерства¹. Популярность королевской четы, достигнутая ею накануне и в годы Крымской войны на волне патриотизма, постепенно падала. Сформировавшаяся государственно-политическая система, в которой институт монархии обладал прерогативами абсолютной власти, замаскированными в конституции 1844 г. в некий симбиоз «коллективной власти» короля, парламента и сената, вызывала резкие протесты в обществе ввиду явной неэффективности и непредставительности интересов разных политических сил и слоев страны².

Прошедшие в 1859 г. выборы, хотя во многом и сфальсифицированные, показали особенность политической жизни Греции: партийно-политическая структура страны резко менялась в зависимости от персонального состава руководства той или иной партии. Отношения «клиент—патрон», определявшие формирование партий в Греции, делали эту систему зависимой от личных амбиций их руководителей. Подобная схема объективно требовала серьезной корректировки. Выборы предоставили возможность противникам династии из числа либерально настроенной молодежи, во главе которой встал Э. Делигиоргис, войти в парламент и вести там агитацию.

Создание правительства А. Мьяулуса, находившегося у власти с мая 1861 г. по май 1862 г. и вошедшего в историю под названием «кровавого» из-за частых заговоров, подавления всевозможных волнений и бунтов, окончательно дискредитировало Отона I. Оппозиция начала объединяться

¹ О роли армии в политической жизни Греции в: *Veremis T. The Military in Greek Politics: From Independence to Democracy. London, 1997.*

² Подробнее в: *Tsoukalas C. On the Problem of Political Clientalism in Greece in the Nineteenth Century // Journal of the Hellenic Diaspora 12 (4). P. 5–17.*

вокруг героя национально-освободительной войны К. Канариса. Попытки короля найти компромисс с этой многочисленной группой не привела к каким-либо результатам. Греческая специфика процесса выработки гражданского сознания и достижения национального единства заключалась в усилении институтов армии, образования, юстиции и создании национальной церкви¹.

В сентябре 1861 г. произошло покушение на жизнь королевы Амалии. Все чаще на повестке дня вставал вопрос о возможном отречении Отона от трона и выбор его преемника. Король специально посетил Карлсбад для того, чтобы решить вопрос о возможном наследнике из числа германских принцев. Тем временем ситуация в стране продолжала обостряться. Так называемый королевский вопрос стал серьезной проблемой для общественно-политического развития Греции. Недовольство возможным результатом его решения влияло на внутривластную стабильность в стране. В феврале 1862 г. гарнизон города Навплиона поднял восстание, во главе которого стояли переведенные туда «подозрительные» для режима офицеры. В апреле того же года Отону удалось подавить это выступление. Его зачинщики, среди которых находились Э. Делигиоргис и ряд гражданских политиков в Афинах, были арестованы. В свою очередь лидеры оппозиции К. Канарис и Д. Вулгарис отказались от участия в этом выступлении, видя в нем слишком революционные черты, так как восставшие приступили к образованию собственных органов власти и самоуправления. Несмотря на подавление этого бунта, ситуация в стране не улучшилась. Беспорядки начали вспыхивать по всей территории Греции. К концу лета 1862 г. их волна охватила Акарнанию. Попытки Отона прибегнуть к национально-ориентированным пропагандистским лозунгам не дали ожидавшегося результата. В то же время усилилось влияние и «иностранный фактор» на греческие дела. Лондон, давно недовольный слишком тесными отношениями греческого короля с Россией, постарался опереться на отдельных лидеров оппозиции, и прежде всего тех из них, кто симпатизировал Англии и был связан с ней тесными финансово-экономическими узами. Среди них особое место занимал Д. Вулгарис — крупный магнат с островов, член англофильской партии еще со времени национально-освободительной войны. Именно он и встал во главе антикоролевского движения. Основу требований составил «конституционный вопрос», решение которого должно было ослабить власть монарха. 22 октября 1862 г., когда королевская чета путешествовала по Пелопоннесу, гарнизон Афин и жители города подняли восстание, вошедшее в новогреческую историю как революция. Отон I был свергнут с трона и покинул страну.

Вопрос о преемнике греческого престола стал одной из важных не только внутривластных, но и международных проблем, затрагивающих интересы

¹ *Κιτρομυλίδη Π. Νοερές Κοινότητες και Απαρχές του Εθνικού Ζητήματος στα Βαλκάνια // Εθνική Ταυτότητα και Εθνικισμός στη Νεώτερη Ελλάδα. Αθήναι, 1997. Σ. 73–84.*

великих держав — Англии, Франции и России в силу важности геостратегического положения Греции в средиземноморско-балканском секторе. В свою очередь, греческое общественное мнение склонялось в пользу второго сына английской королевы Виктории — принца Альфреда, герцога Эдинбургского. Однако в соответствии с ранее достигнутыми между державами-покровительницами договором 1830 г. монарх Греции не должен был являться членом правящих династий этих стран. Но несмотря на этот факт, плебисцит показал популярность личности принца Альфреда, когда из 240 тыс. голосовавших 230 тыс. поддержало его кандидатуру. И все же ввиду невозможности реализации таких планов державы-покровительницы прибегли к выбору приемлемой кандидатуры. При этом Великобритания взяла инициативу в свои руки и тем самым подчеркнула свою «ответственность за судьбу Греции». Выбор пал на представителя датской королевской династии Христиана Вильгельма Фердинанда Адольфа Георга Глюксбурга. Через свою сестру принцессу Александру, вышедшую замуж за принца Уэльского, он был связан с английским правящим домом, а через Великую княгиню Ольгу, дочь Великого князя Константина, ставшую вскоре после восшествия Георгиоса I Глюксбурга (как отныне именовался датский принц, основоположник греческой династии Глюксбургов) его женой, с Россией. Кандидатура нового монарха пользовалась поддержкой Великобритании, которая обещала в случае его избрания державами-покровительницами, передать Ионические острова, находившиеся под британским управлением, Греции, что и было сделано в соответствии с Парижским мирным договором от 29 марта 1864 г.

Прошедшие в декабре 1862 г. выборы в Великое народное собрание имели большое значение для развития конституционной системы Греции. Работа над новым основным законом страны в новом представительном органе сопровождалась резкой конфронтацией между различными политическими и социальными силами, представленными в нем. Существенную роль играли депутаты от Ионических островов, находившиеся под сильным влиянием гарибальдийского движения в Италии в силу исторически сложившихся связей между этой исконно греческой территорией и ее населением с итальянской политикой.

30 октября 1863 г. принц прибыл в Афины и стал вторым после свергнутого Отона королем Греции. Его восшествие на трон состоялось 28 ноября 1864 г. после того как Национальное собрание завершило работу над новой конституцией страны. Этот документ существенно отличался от принятого в 1844 г. основного закона и мог быть изменен только по прошествии десяти лет при повторном голосовании по данному вопросу в представительном органе страны и только в случае, если за это выскажется не менее чем три четверти депутатов. Конституция 1864 г., составленная во многом на основании бельгийской конституции 1831 г. и датской 1845 г., фактически расширила и легитимизировала демократические основы предшествовавшей греческой конституции 1844 г. и была результатом деятель-

ности Конституционного собрания, обеспечившего переход от абсолютистской формы монархии к парламентской.

В соответствии с положениями основного закона упразднился сенат, существовавший со времени отоновской конституцией и являвшийся назначаемым королем органом. Узаконивался однопалатный парламент (*η Βουλή*), становившийся высшим представительным органом в стране. Его члены избирались на основе прямого, тайного, всеобщего голосования, в котором могли участвовать только мужское население Греции. В конституции заявлялось (что было важно для греческой общественно-политической действительности) о членах парламента как о представителях греческого народа, а не отдельных областей, в которых их выбрали. Число депутатов определялось пропорционально числу жителей конкретного региона. Более того, вводился ценз оседлости, равный двум годам. Определялось и возрастное ограничение для депутатов парламента, составлявшее 30 лет.

На основании положений новой конституции резко ограничивались права монарха и особенно в той их части, которые касались его вмешательства в политические и юридические вопросы. Фактически на смену так называемой парламентской диктатуры, когда предыдущий король Греции использовал представительный орган как прикрытие для абсолютизма, пришло время «монархической демократии» или, в соответствии с общепринятой терминологией, конституционной монархии, но пока еще с достаточно широкими правами суверена. В соответствии с новой концепцией монархизма в Греции, закрепленной в конституции 1864 г., король являлся главой государства «по воле народа», которому он служит, а не по божественному праву монарха. Обладая как законодательной, так и исполнительной властью, греческий король мог осуществлять их только через своих министров. Более того, объявлялось, что воля народа — единственный источник власти в Греции — выражается через его избранных в представительном органе страны.

Существенные изменения коснулись и территориально-административной системы власти, так как были расширены права местного самоуправления, действовавшего на основе Кодекса Наполеона. Отчетливо декларировалась свобода прессы. В конфессиональных вопросах новая конституция повторяла соответствующие принципы предыдущего основного закона страны 1844 г. Так, в частности, вновь объявлялась независимость греческой церкви. И хотя о религиозной принадлежности правящего монарха не говорилось ничего, отдельная статья конституции 1864 г. определяла, что будущий наследник престола должен был исповедовать православие.

Принятие конституции 1864 г. означало окончание целого периода новогреческой истории, главными этапами которого были национально-освободительная война за независимость страны; становление политической структуры нового государства, пережившего дрейф от президентской республики к абсолютистской, а затем к конституционной монархии. Постепенное расширение территории Греции, связанное с освобождением греческих земель и приток в страну все большего числа соотечественников

способствовали ее оформлению в самостоятельную державу средиземно-морско-балканского региона. В то же время влияние «иностранного фактора», выражавшееся во вмешательстве великих держав во внутригреческие дела, стало исторически сложившейся реальностью, сопровождающей существование Греции на протяжении всего XIX и большей половины XX в. В начале 60-х гг. прошлого века страна вступала в новый этап своего развития, основным содержанием которого должно было стать превращение Греции в региональную державу.

Произшедшие в начале 60-х гг. XIX в. внутривнутриполитические изменения в Греции имели серьезные последствия для становления ее государственности и развития греческого общества в целом. В то же время ситуация в стране продолжала характеризоваться острой борьбой между различными кланами и региональными группами, а во внешней политике сохранялись нерешенные вопросы, главным из которых являлось освобождение оставшихся под владычеством Османской империи греков и национальных греческих территорий. Во многом симптоматичным на этом фоне выглядело провозглашение Георгиоса I не «Королем Греции», а «Королем греков», дававшее основание предполагать, что число подданных греческого монарха не ограничивается жителями страны, а включает и тех греков, которые находятся за пределами королевства, являясь гражданами других (прежде всего Османской империи) государств.

Характерной особенностью развития страны на протяжении последней трети XIX в. стала политическая нестабильность и частая смена правительств, главы которых выступали нередко с противоположных и взаимоисключающих позиций. На протяжении этого периода сменилось около 30 премьер-министров, порой пребывавших на своем посту менее месяца. При определении особенностей модернизации в Греции особое место занимает процесс формирования нового политического класса управленцев, к числу которых относились высшие чиновники-министры. На протяжении 1910–1941 г. процесс проходил в два этапа. Первый из них охватывал время с 1910 по 1936 г., когда происходили серьезные внутри- и внешнеполитические события, менявшие политическую систему страны, ее социальную структуру и серьезно влияли на позиционирование Греции на международной арене. Его основным содержанием стали последствия «революции Гуди» 1909 г., Балканские войны, Первая мировая война, малоазийская катастрофа и существование второй Греческой республики (1924–1935) Второй этап, более короткий, включает в себя период существования диктатуры И. Метаксаса и реставрации монархии (1936–1941)¹.

Само определение социально-политической стабильности в греческих условиях становилось синонимом стабильности государственных институтов и пребывания у власти правительственных кабинетов, формировав-

¹ *Sotiropoulos D. A., Bourikos D. Ministerial Elites in Greece, 1843–2001: A Synthesis of Old Sources and New Data. Center for European Studies. Working Paper N 99. P. 6//http://www.ces.fas.harvard.edu/working_papers/SotiropoulosBourikos.pdf*

Таблица 1

Количество кабинетов и министров (1843–1941)¹

	1843–1878	1878–1910	1910–1936	1936–1941
Кабинеты	43	27	39	2
Премьер-министры	17	9	21	2
Министры	147	96	300	34

шихся в соответствии с конституционными сроками. Как первое, так и второе на протяжении 80 лет (60-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.) являлось идеалом, но не практикой.

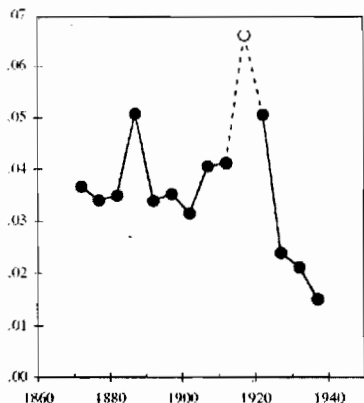
Хозяйственно-экономическое развитие Греции после 1864 г. также отличалось крайней противоречивостью. С одной стороны, отмечались положительные сдвиги. Так, в частности, если к 1869 г. было построено 11 км железнодорожных линий, то к 1890 г. было проложено свыше 767 км, а к 1900 г. — 902 км. Строительство дорог приобрело широкий размах, так как имело принципиальное значение для развития инфраструктуры страны. К 1893 г. был осуществлено строительство Коринфского канала. Серьезные сдвиги произошли и в торговле, объемы которой увеличивались быстрыми темпами. В 1861–1870 гг. на душу населения приходилось 69,94 золотых драхмы, в 1871–1880 гг. уже 93,57; в последующие два десятилетия соответственно 97,89 и 80,23.

В сельском хозяйстве также были очевидны качественные изменения. Значительно расширилась площадь обрабатываемых земель (с 70 тыс. га в 1860 г. до 111 тыс. га в 1911 г.). Однако Греция продолжала оставаться аграрной страной, мировым поставщиком табака, коринки и других сельскохозяйственных продуктов. Существенные изменения претерпела социальная структура общества. К 1879 г. 28% населения, составлявшего в общей сложности свыше 1,6 млн человек, уже проживало в городах, по сравнению с 8% в 1853 г. Социальные изменения затронули сельские районы. В ходе раздачи государственных земель (265 тыс. га) в греческой деревне стали появляться мелкие и средние собственники, превращавшиеся в отдельный социальный слой. Однако в распоряжении крупных землевладельцев продолжало находиться 50% земельных угодий, составлявших 75% обрабатываемой земли.

Развитие промышленности проходило замедленными темпами, что было связано с дефицитом экономических ресурсов и профессионально подготовленных кадров. Основными отраслями нарождающейся промышленности были текстильная и табачная. Количество фабрик в 1867 г. не превышало 168, к 1874 г. их насчитывалось 199, в 1889 г. — 145. При этом уровень механизации оставлял желать лучшего и был несопоставим с европейским. Наиболее активно развивающейся областью греческой национальной экономики являлось банковское дело. В период с 1882 по 1907 г.

¹ Ibid.

в стране были созданы крупнейшие банки, серьезно влиявшие на положение финансов в Греции: Эпиро-Фессалийский банк, Критский банк, Афинский Банк, Народный банк, Банк торговли.

(Приводится по: В: *Obstfeld M., Taylor A. Global Capital Markets: Integration, Crisis, and Growth.* Japan-U. S. Center Sanwa Monographs on International Financial Markets. P. 4 — <http://www.nber.org/-confer/2000/globe/taylor.pdf>)

Политика и политики: версия конца XIX — начала XX в.

Противоречивость социально-экономического развития Греции в последней трети XIX в. серьезно влияла и на политический климат в стране. Прежде всего, четко выявилась двуполюсность греческого политического мира. На фоне многочисленных партий, нередко не имевших серьезных политических программ и ориентировавшихся на исключительно клиенталистские связи своих вождей, произошло структурирование двух основных сил, каждая из которых имела серьезную социальную базу в обществе. Первая из них, возглавлявшаяся А. Кумундуром, объединяла крупных и средних землевладельцев, представителей старых социальных слоев, имевших корни в патриархальном греческом обществе и выступавших с консервативных позиций. После смерти вождя этой партии в 1883 г., которая нередко называлась «партией националистов», за ее курс, направленный на реализацию внешнеполитических интересов Греции, его место занял Т. Делияннис. Вторая, сопоставимая с ней по влиянию и значимости партия, была известна как «партия прогрессистов» и возглавлялась Х. Трикуписом. В ее рядах объединялись представители новых предпринимательских слоев, интеллигенции и городского населения, а также тех, кто был связан с производственно-фабричными отраслями промышленности. Во многом программные установки прогрессистов были ориентированы на расширение интеграции Греции в международную экономическую систему и увеличение присутствия иностранного капитала в стране. Зарубежные инвестиции рассматривались как финансовый источник развития промышленности и в целом греческой экономики. Катализатором активизации внутривнутриполитической жизни в последней трети XIX в. выступили внешнеполитические

неудачи Греции. Прежде всего это касалось так называемого критского вопроса. Восстание 1858 г., поднятое греками на этом острове против турецкого владычества, было подавлено османскими властями, которые помимо карательных мер использовали и обещания расширить полномочия самоуправления жителей Крита. В 1866 г. движение за воссоединение острова с Грецией усилилось, чему в немалой степени способствовали надежды на активную позицию нового короля Георгиоса I, а также политика правительства А. Кумундуроса, выступавшего за решение «критского вопроса». Существенная помощь в виде финансовой поддержки восставшим и добровольцами оказывалась со стороны греков диаспоры. Греческая община в Великобритании купила судно «Аркадия», использовавшееся как транспортное средство для прорыва турецкой блокады Крита. Одновременно Греция попыталась усилить свои позиции на Балканах, подписав в 1867 г. союзный договор с Сербией о совместной борьбе против Османской империи.

События тем временем развивались достаточно стремительно. На заседании Собрания Крита было принято решение о провозглашении независимости острова и о его объединении с Грецией. Однако король Георгиос I и премьер-министр Вулгарис осознавали опасность открытой конфронтации с Турцией, превосходившей в военном отношении Грецию. Поэтому они рассчитывали на поддержку держав-покровительниц, которые должны были оказать давление на Османскую Порту. Несмотря на отчаянные попытки критян освободить остров собственными силами и их успех на начальном этапе восстания, все-таки превосходящие силы турецких и египетских войск, выступивших в очередной раз совместно, оказались решающим фактором. Общественное мнение России и Европы было на стороне сражавшихся греков. Париж и Санкт-Петербург выступили с планом проведения плебисцита, в ходе которого жители Крита должны были решить свою судьбу: быть острову в составе Греции или Османской империи. Против этого резко возражала Британия, занявшая протурецкую позицию с тем, чтобы не допустить расширения французского и российского влияния в районе Средиземноморья. Подавление выступления критян имело, однако, не только военные последствия. На остров прибыл Великий визирь Османской империи, который получил приказ султана провести реорганизацию администрации на острове. В соответствии с принятым «Органическим статутом 1868 г.» христиане получали более широкие права в системе управления Крита, уменьшалось также налоговое бремя. Однако сопротивление жителей острова не ослабевало. В самой Греции все настойчивее высказывались требования «окончательно решить критский вопрос». На совместном заседании представителей европейских стран, включая Россию, а также представителей Греции и Османской Порты, в конце концов были достигнуты договоренности о том, что Турция откажется от рестрикционных мер в отношении проживающих в ней греков, а греческое правительство не допустит впредь поддержку вооруженных повстанцев или помощь им в любой форме со своей стороны. Фактически Греция не добилась

решения «критского вопроса», а престиж ее отдельных политиков внутри страны резко упал.

Следующей серьезной для общественно-политического развития страны проблемой оказался церковный вопрос. Разраставшееся в 60-е гг. XIX в. движение болгар за независимость от греческого константинопольского патриарха привело в начале 70-х гг. к открытому конфликту из-за нежелания Вселенского Патриарха даже рассматривать болгарскую просьбу о создании болгарской национальной церкви. В феврале 1870 г. султан подписал *фирман*, легализующий существование независимой болгарской церкви и положивший основу для создания болгарского *экзархата*, глава которого должен размещаться, так же как и греческий вселенский патриарх в Константинополе. Сфера влияния болгарской экзархии распространилась не только на территорию дунайского, но и адрианопольского, а также салоникинского вилайетов, районы Монастир и Косово. Создание болгарской национальной церкви было, с одной стороны, объективным процессом борьбы болгарского духовенства против доминирующего греческого влияния в греко-православном миллете, а с другой — стремлением османской администрации противопоставить национальных представителей православного клира друг другу и манипулировать ими в интересах сохранения своего господства на завоеванных землях. Однако этот план оказался изначально ошибочным. Уже в 1875–1876 гг. в славянских провинциях одно за другим вспыхнули восстания в Герцеговине и Болгарии, которые были с трудом подавлены турками.

Начало очередного этапа Восточного кризиса 1875–1878 гг. усилило внутривнутриполитическую борьбу в Греции. В июле 1874 г. Х. Трикупис опубликовал в одной из влиятельных газет страны анонимную статью «Кто виноват?», суть которой сводилась к обвинениям короля в неспособности достигнуть внутривнутриполитической стабильности, его амбициях возродить институт абсолютизма. При этом автор материала выдвинул свою программу выхода из кризиса. Ее главной идеей стали создание «правительства большинства» и назначение на пост премьер-министра лидера крупной партии, пользующейся поддержкой широких слоев общества. Выступление Трикуписа было обусловлено реальной ситуацией, сложившейся в политической жизни Греции. Многочисленные мелкие партии и их вожди использовались королем в интересах укрепления собственной власти, так как постоянное противоборство этих группировок не могло быть разрешено без посреднической роли Дворца. Скандал, разразившийся в Греции после публикации статьи, показал невозможность для короля единолично управлять страной вопреки действующей конституции. Вскоре после ареста Трикуписа, обвиненного в подрывной деятельности, он был освобожден под нажимом общественного мнения. Более того, Георгиос обратился к нему с просьбой сформировать в мае 1875 г. правительство, а в августе 1875 г. официально провозгласил принцип формирования правительства только лидерами «партии большинства».

Однако как и прежде ситуация в Греции начинала испытывать на себе воздействие внешнеполитических факторов. К их числу в 1877–1878 гг.

относилась Русско-турецкая война, серьезно повлиявшая на положение дел в балканском регионе и в Средиземноморье. Летом 1877 г. в результате договоренностей между ведущими греческими политиками было заключено соглашение о создании коалиционного правительства, во главе которого король поставил престарелого адмирала Канариса — легендарного героя национально-освободительной войны 1821–1829 гг. Министром иностранных дел был назначен Х. Трикупис. Последний обратился к британскому правительству с заверениями о том, что будут приняты все меры по недопущению вовлечения греков Османской империи в боевые действия, но при условии учета греческих территориальных интересов во время решения проблем полуострова. Именно на этом основании Афины отказались от союза с Санкт-Петербургом во время Русско-турецкой кампании 1877–1878 гг. Однако общественное мнение страны было настроено явно в пользу совместной борьбы с Россией против Османской империи, что привело в конечном счете к падению кабинета Канариса. Новое правительство, во главе которого встал лидер «националистов» (в данном случае этот термин не соответствует русскому аналогу) М. Кумундурос, принялось активно поддерживать освободительное движения греков в Фессалии, Эпире и на Крите. Более того, фактически произошел отказ от прежней позиции нейтралитета, занятой при правительстве Х. Трикуписа, и было объявлено о посылке греческой армии в те районы Греции, которые продолжали оставаться под турецкой оккупацией. К февралю 1878 г. русские войска уже угрожали Константинополю и разгром Османской империи был неизбежен. Однако «озабоченность» европейских держав успехами России, на стороне которой были симпатии всех балканских народов, видевших в ней свою освободительницу, заставила Санкт-Петербург пойти на мирные переговоры с турецким правительством. В свою очередь греческая сторона также была вынуждена дать приказ вывести войска из Фессалии. Британия выступила гарантом соблюдения греческих интересов и оказала посреднические услуги по «критской проблеме».

3 марта 1878 г. в местечке Сан-Стефано, недалеко от Царьграда, было заключено временное (прелиминарное) мирное соглашение между Россией и Османской империей. В соответствии с ним Болгария получала провинции Восточная Румелия, Македония, за исключением Салоник и Халкидики, но с включением озер Охрид и Преспа. Подписанный договор насторожил Афины и серьезно повлиял на общественное мнение Греции. Причинами тому стало включение Македонии в состав новосоздаваемого болгарского государства. В исторических и национальных традициях, внешнеполитических устремлениях Греции эта область отождествлялась с греческим государством, неотъемлемой частью которого она должна была стать после освобождения от османского ига. К тому же Салоники, а также Эпир и Фессалия в соответствии с Сан-Стефанским протоколом оставались за Оттоманской Портой.

Преиминарный русско-турецкий договор не мог устроить как многие европейские державы, так и отдельные балканские страны, в число которых

вошла Греция. Британия выступила в первых рядах тех, кто потребовал от России изменения условий договора. Австрия также была не заинтересована в усилении российского влияния на Балканах в непосредственной близости от своих владений. Собранный 13 июня 1878 г. Берлинский конгресс, на котором председательствовал «железный канцлер» Бисмарк, должен был выработать взаимоприемлемую формулу балканского урегулирования. Британская сторона обратилась к членам конгресса с призывом пригласить на заседания и греческую делегацию. Однако греческие представители по взаимному согласию великих держав были допущены только для того, чтобы озвучить требования Греции, но на само обсуждение они не были приглашены. Во многом шаг британской дипломатии был обусловлен желанием Лондона выступить в роли защитника одной из Балканских стран, с тем чтобы противодействовать России.

По своим результатам Берлинский конгресс оказался значительным событием. Прежде всего была признана полная независимость Сербии, Румынии и Черногории от Османской империи. Для Болгарии, однако, он оказался намного невыгоднее по сравнению с Сан-Стефанским предварительным соглашением, так как в территориальном отношении ее владения серьезно ограничивались. Она превращалась в княжество, платящее дань Османской империи. Восточная Румелия оставалась под прямым правлением турецкого султана, но при этом пользовалась административной автономией. Фракия, Албания, Эпир и Македония оставались в составе Османской империи, и в них предусматривалось в дальнейшем проведение реформ управления. Что же касается Крита, то его статус оставался неизменным — он продолжал быть частью Османской империи.

Таким образом, Русско-турецкая война, от которой в Греции ожидали серьезных изменений в ее пользу, не принесла желаемых результатов. Концепции «великой страны», занимавшие постепенно господствовавшее место во внешнеполитических ориентирах Балканских государств, были чреваты межгосударственными конфликтами, несмотря на то, что объективно молодые страны полуострова, обретшие или восстановившие свою государственность, являлись союзниками в борьбе с главным противником — Османской империей. Стремления Греции расширить свои северные пределы и решить критский вопрос оказались нереализованы. Поэтому большие надежды возлагались на помощь великих держав в урегулировании этих проблем. Состоявшаяся в июне 1880 г. Берлинская конференция оказалась для Греции более удачной, чем конгресс 1878 г. Британская и французская дипломатия выдвинули предложение провести новую греческую границу от горного массива Олимп на востоке до реки Каламас на западе с включением в ее состав новых владений город Янину. Однако турки отказались удовлетворить эти требования, что послужило причиной мобилизации греческой армии. Изменение политической ситуации во Франции и последовавшие за этим разногласия между британским и французским правительством ни к чему не привели. На состоявшейся в 1881 г. в Константинополе конференции британская сторона попыталась добиться

от турок перехода горного массива Олимп и Превезы под греческий контроль. Османское правительство отказалось передать Превезу, но пошло на уступки по другим территориям. В результате северная граница Греции чуть продвинулась выше к Арте. Она также получила небольшие уступки в Эпире. Но самым серьезным внешнеполитическим успехом греческой дипломатии было включение в состав страны области Фессалия, добиться освобождения которой от турок военным путем ранее так и не удалось.

Внутриполитическая жизнь Греции в 80–90-е гг. XIX в. характеризовалась острым соперничеством между партиями Х. Трикуписа и Т. Делианниса. Примечательным фактом было то, что правительства этих двух крупнейших греческих политиков конца прошлого столетия сменяли друг друга практически на протяжении 20 лет, а борьба между ними существенно отражалась как на политическом, так и на хозяйственно-экономическом развитии страны. Прозападническая политика Трикуписа вела к усилению связей Греции с Великобританией и Францией по широкому спектру проблем. Программа действий «прогрессистов», лидером которых он являлся, нашла свое выражение в конкретной реформаторской деятельности его кабинета. Прежде всего были предприняты шаги, направленные на усиление работоспособности парламента и борьбу с коррупцией в нем. В немалой степени этому должен был способствовать новый избирательный закон, предусматривающий создание избирательных коллегий, с одной стороны, и, с другой, — сокращение числа депутатов парламента. Следующим направлением реформаторского курса Трикуписа стала реорганизация армии, управленческого аппарата и системы судопроизводства, а также организация полиции. В последнем случае это означало усиление независимости судей, их несменяемость. Одновременно был принят закон, не позволяющий проводить конфискацию зарплат государственных служащих и офицеров. Вводился специальный квалификационный экзамен для государственных чиновников. В хозяйственно-экономической области правительства Х. Трикуписа ориентировались на упорядочивание финансовой системы страны — этого традиционно слабого для греческой экономики института. Для его стабилизации и оживления глава «прогрессистов» активно прибегал к иностранным займам и инвестициям (прежде всего британским), а также упорядочению собираемости налогов. Масштабные строительные проекты, создание промышленных предприятий и реформы государственной системы требовали вливания огромных средств, которыми Греция не обладала. Сумма внешнего долга в 1879–1893 гг. достигла 468 млн 358 тыс. золотых франков. Обслуживание долга требовало до 50% ежегодного национального дохода страны. Однако складывавшиеся с финансами ситуации выявили неэффективность реализации займов, многочисленные криминальные нарушения в их использовании. Более того, как оказалось, в промышленное развитие Греции было вложено всего лишь 6% всей суммы. Стремление Трикуписа стабилизировать финансовую систему страны вылились в многомиллионные вложения в Национальный банк Греции и Эпиро-Фессалийский банк — крупнейшие банковские институты

страны, фактически контролировавшие 80% оборотных денежных средств. Увеличение налогового бремени в 1,5–2 раза способствовало стремительному обнищанию средних и малоимущих слоев общества. Резкое социальное расслоение, в котором небольшой процент населения обладал колоссальными финансовыми и имущественными возможностями, а большинство греков маргинализировалось, вело к социально-политической напряженности. Приходившие на смену правительствам Х. Трикуписа правительства Т. Делиянниса, ориентированного на крупных землевладельцев Пелопоннеса и патриархальные слои греческого общества, не могли существенно изменить ситуации в лучшую сторону. Во время своих краткосрочных пребываний у власти Делияннис восстановил существовавшие до правления своего конкурента небольшие электоральные округа, что позволило ему заниматься подтасовкой результатов выборов в нужный момент. Верный принципам популизма и социальной демагогии лидер партии «националистов» настоял на существенном сокращении налоговых выплат, что в немалой степени способствовало уменьшению поступлений в казну. Во внешней политике Делияннис придерживался также весьма радикальных принципов. Кризис 1885 г., когда Болгария аннексировала Восточную Румелию, а Сербия потребовала для себя территориальной компенсации, показал решительность премьер-министра в проведении жесткой внешнеполитической линии. Он выступил с требованием, аналогичным сербскому, и к тому же провел мобилизацию в стране. Лишь после введения морской блокады великими державами (за исключением Франции) в 1886 г. Делияннис был вынужден провести демобилизацию и уйти в отставку. Принимавшиеся им меры усиливали экономический хаос и ослабление финансовой системы страны. Увеличение дефицита бюджета становилось постоянным фактором экономической жизни Греции. Так, если в 1884 г. он составлял 30 млн драхм, то через два года уже превышал 66 млн. В результате приходивший на смену Т. Делияннису Х. Трикупис сталкивался с необходимостью введения очередных жестких и нередко непопулярных мер. Его последнее пребывание у власти в 1892–1895 гг. было отмечено резким ухудшением экономического положения в стране, чему в немалой степени способствовало падение цен на сельхозпродукты на мировом рынке. Разрыв между экспортом и импортом в национальном бюджете составил в 1893 г. 37 млн франков в пользу последнего. Финансовое положение в стране вызывало беспокойство иностранных кредиторов, а также представителей местной банковской элиты. Все настойчивее становились их требования о создании Государственного банка Греции, который мог бы выступать в роли ответственного гаранта предоставляемых займов, кредитов и возвращаемых процентов. Вопрос о введении международного контроля за финансами страны приобретал все большую актуальность. Приход к власти в 1893 г. Х. Трикуписа ознаменовался объявлением Грецией своего банкротства. Потеря поддержки среди широких социальных слоев, которые ранее голосовали за лидера «прогрессистов», завершилась в 1895 г. его поражением на выборах. Разочарование в политических реалиях страны и горечь поражения

тяжело переживались вождем еще совсем недавно могущественной партии. Сразу же после случившегося он покинул Грецию и отбыл в выбранное им самим изгнание во Францию, где и скончался.

Последствия финансового краха имели социально-политическое изменение. Волнения в сельских районах приобретали угрожающий размах. В городах усиливалась роль пока еще малочисленных наемных рабочих, чьи профессиональные организации, имевшие характер корпоративных объединений, все чаще стали выдвигать социально ориентированные и политически оформленные лозунги.

В 1896 г. вновь обострилась ситуация на Крите. Назначение губернатором острова христианина было расценено лидерами мусульманской общины крайне негативно и использовалось ими в агитации против христианского населения. Погромы и волна насилия, направленные против него, приобрели угрожающие размеры. В целях самозащиты оно было вынуждено сформировать специальный комитет, в задачу которого входила организация обороны и решение политических вопросов. Летом 1896 г. в центральном городе Крита Кании произошли массовые столкновения, перспектива распространения которых на всю территорию острова была достаточно велика. Османские власти пошли на вынужденное объявление реформ, согласившись на то, что объединенная европейская комиссия займется реорганизацией жандармерии и судебной системы на Крите. Однако, как это уже бывало не раз, обещания и посулы оказались не выполнены. Правительства Оттоманской Порты воспользовались моментом, когда внимание правительств и общественного мнения европейских стран и России было привлечено к антиармянским погромам в Константинополе. В самой же Греции, где у власти находилось правительство Т. Делиянниса, «критский вопрос» превратился в один из наиболее важных в общественной и политической жизни. Поддержка соплеменников в их борьбе против турецких завоевателей и борьба за возвращение острова Греции активизировались к началу 1897 г. В феврале греческие войска под командованием полковника Вассоса высадились на острове с тем, чтобы добиться присоединения Крита к Греции. Созданная в 1894 г. в Афинах радикальная партия «Этники этерия» («Национальное общество»), пользовавшаяся поддержкой патристически настроенной греческой общественности, требовала силой оружия заставить турок освободить захваченные ими греческие земли, включая и Крит. Король Георгиос I занял под воздействием общественного мнения также жесткие позиции. Однако греческие вооруженные силы, несмотря на высокий боевой дух солдат и офицеров, не были подготовлены для ведения серьезных боевых действий. Вооружение и организация армии оставались на несоответствующем для современной войны уровне. В то же время турецкая армия была прошла реформирование под руководством германских инструкторов и была хорошо вооружена. Финансовое положение Греции также не позволяло ей рассчитывать на долгие боевые действия. Помимо этого, присутствие военно-морских эскадр великих держав в Средиземноморье не позволяло использовать грекам свой флот, который

мог быть задействован как для десанта на турецкие острова, так и для блокирования военно-транспортных судов из Турции. Отношения между Грецией и Турцией стремительно ухудшались. В апреле 1897 г. греческие вооруженные добровольческие формирования большими группами начали проникновение в оккупированную Османской империей Македонию. Турция объявила войну Греции. На начальном этапе греко-турецкой войны греческие войска достаточно успешно вели боевые действия. Однако вскоре сказались ее военная и финансовая неподготовленность. В ходе ожесточенных сражений часть Фессалии оказалась в руках турок. Они захватили Лариссу и вынудили греческие части под командованием наследника — принца Константина отступить из этого района. Поражение греческой армии при Фарсале и Дамокосе открывало турецким силам дорогу в центральную Грецию.

Поражение на фронте способствовало внутренней социально-политической нестабильности. Антиправительственные, а точнее, антикоролевские манифестации в Афинах усиливались. Положение короля Георгиоса серьезно осложнилось. В определенной степени ситуацию спас пришедший к власти Д. Раллис, старавшийся не допустить расширения внутривнутриполитического конфликта. Греция оказалась на грани военной катастрофы, последствия которой имели непредсказуемые результаты для дальнейшей судьбы страны. Потребовалось вмешательство великих держав, чтобы не допустить окончательного разгрома греческих вооруженных сил и захвата турками больших частей греческой территории. 20 мая 1897 г. под их давлением было заключено перемирие, а в декабре того же года мирное соглашение. В соответствии с ним Греции возвращалась Фессалия, но в руках турок оставались отдельные, важные со стратегической точки зрения пункты. Греция обязывалась выплатить Турции контрибуцию в размере 4 млн фунтов стерлингов. Финансовое банкротство страны заставило державы-кредиторы образовать в 1898 г. так называемую Международную финансовую комиссию, в состав которой вошли представители Великобритании, Австро-Венгрии, России, Италии и Германии. Ее непосредственной задачей было обеспечение выплат процентов по займам и внешним долгам. Фактически она превращалась в высший финансово-распределительный орган Греции, которому поручался контроль над всеми финансами, сбором налогов и государственной монополией, существовавшей в табачной и винной отраслях промышленности. По своим результатам греко-турецкая война, несмотря на тяжелые последствия, не превратилась в общенациональную катастрофу с территориальными потерями для Греции. Сам остров Крит, события на котором послужили прологом для военных действий, вплоть до 1898 г. оставался под контролем шести европейских держав, включая Россию. После ухода оттуда германских и австро-венгерских войск он был разделен на британский, французский, российский и итальянский сектора. После восстания, произошедшего в сентябре 1898 г. в главном городе острова Кании и убийства в нем британского вице-консула, ситуация резко ухудшилась. В ноябре, после отбытия турецких частей с Кри-

та, там было создано Национальное управление, во главе которого встал принц Георгиос. Номинально, однако, сохранялся суверенитет Турции над островом. Была принята специальная конституция, а в 1899 г. на свое первое заседание собралось Национальное собрание. Фактически остров приобрел статус автономии в рамках Османской империи, но с очень широкими правами. Так, в частности, был принят собственный флаг нового образования, введена собственная валюта и предоставлено право выпуска собственных почтовых марок.

В то же время престиж отдельных представителей королевской семьи серьезно пострадал из-за военных поражений на фронтах. Прежде всего это касалось принца Константина, командовавшего греческими войсками под Лариссой. В не менее затруднительном положении находилась и его супруга принцесса София, брат которой император Вильгельм II поддерживал Турцию.

К концу XIX — началу XX в. новая политическая элита превратилась в ведущую силу, получив контроль над политическими партиями и оказывая влияние на решение управленческих и экономических вопросов¹. Несмотря на многие негативные черты финансово-экономического положения Греции, проявившиеся к концу XIX в., в стране продолжалось развитие хозяйственной инфраструктуры и строительство основных торгово-промышленных центров. Быстрыми темпами застраивались Афины, Пирей, Патрас и Волос. Однако жизнь в Греции продолжала испытывать на себе влияние внешнеполитических факторов. Две темы доминировали в греческой внешней политике и определяли состояние общественного мнения в Греции — это критский и македонский вопросы. Развитие греческого общества и государства на протяжении второй половины XIX в. в серьезной степени зависело от решения нескольких проблем, влиявших как на внутривнутриполитическое положение в стране, так и на ее место в систем международных отношений. Главными среди них продолжали оставаться этнотерриториальное единство греков; избавление от патриархальности общественно-политической системы; поступательное развитие экономики. Сильная зависимость от внешнего фактора в лице великих держав и внутривнутриполитическая нестабильность, определявшаяся своеобразием сформированной партийно-политической системы, не позволяли Греции реализовывать вплоть до начала XX в. программу превращения страны в региональную державу. Традиционная региональная раздробленность и высокая степень недоверия к государству, характерная для греческого национального менталитета, затрудняли формирование гражданского общества в его европейском понимании. Именно поэтому модернизационный процесс в его греческом виде касался, прежде всего, общественно-политических аспектов развития греческого общества. Из всех «новых» Балканских государств Греция единственная имела не только континентальные, но и морские

¹ Λυρίτζης Χ. Το Τέλος των Τζακιών: Κοινωνία και Πολιτική στην Αχαΐα του 19^{ου} Αιώνα. Αθήνα, 1991. Σ. 181–183.

интересы, что позволяло ей надеяться на усиление своих международных позиций за счет выгодного геостратегического расположения: Балканы, Средиземноморье, юго-восточная Европа. Однако это триединое с точки зрения геополитических качеств Греции состояние накладывало на нее серьезные обязательства, выполнение которых было невозможно без серьезных внутривнутриполитических изменений. Сохранение в историко-политической традиции воспоминаний о восстании 1821 г. и войне за независимость влияло на многие интерпретационные особенности восприятия греками происходящих общественно-политических событий. В общественном мнении, а также в национальной греческой историографии широкое распространение получила, как отмечают уже ныне критически настроенные исследователи, во многом мифологизированная идея о том, что восстание 1821 г. было поднято против «тиранической власти Османского султана с целью не только достижения независимости от него, но и создания демократической государственности»¹.

Греко-турецкая война, «критские события», финансовое банкротство — таковы были события последних лет XIX в. Греция вступала в новый этап своего развития. Развитие первого из них в начале XX в. шло по весьма драматическому пути. В 1905–1906 гг. на острове вновь развернулось партизанское движение. Восстание 1905 г., которое возглавил молодой критский политик Элевтериос Венизелос, занимавший посты министра юстиции и иностранных дел в правительстве автономии, имело резко выраженный антиабсолютистский характер и было направлено во многом против принца Георгиоса. Позиция Э. Венизелоса по критской проблеме отличалась сбалансированностью, и он стремился не допустить преждевременных и неподготовленных действий по объединению острова с Грецией. За ходом выступления внимательно следили не только в Греции, где общественное мнение и политики поддерживали освободительную войну своих соотечественников, но и в Европе. Перспектива обострения ситуации в районе Балкан и Средиземного моря рассматривалась великими державами крайне негативно. Поэтому они постарались смягчить ситуацию, но в то же время и принять решительные меры. Они заключались в смещении принца Георгиоса с поста Высшего комиссара и назначение на это место представителя консервативного спектра греческого политического мира А. Займиса, пользовавшегося доверием держав.

Не менее актуальным для греческой политики и общественного мнения был так называемый македонский вопрос. В самосознании греков эта историко-географическая область отождествлялась всегда с греческой национальной историей и греческой государственностью. К началу XX в. ее население было достаточно пестрым по своему этническому и конфессиональному составу. Помимо греков там проживали славяне, турки, албанцы.

¹ Βόγλη Ε. «Πολίτευμα Ευρωπαϊκόν»: Απόψεις για το πολίτευμα των ελλήνων κατά τον αγώνα (1821–1828)// Τα Ελληνικά, 1999. Φ. 49. — <http://www.geocities.com/antequem/politeumaeuropaiko.htm>

С образованием независимых балканских государств — Сербии, Греции и Болгарии — борьба за обладание этой территорией, находившейся под властью Османской империи, разгорелась между ними с особой силой. При этом каждая из сторон использовала для поддержки своих требований исторические и этнические аргументы. Борьба за право владеть Македонией сопровождалась активной пропагандой и насильственными действиями противоборствующих Балканских государств, стремящихся заручиться поддержкой местного населения. Греческая организация «Этники этерия» вела работу среди греков области по двум направлениям: во-первых, в сфере образования и пропаганды, и, во-вторых, в военно-организационной, включавшей создание вооруженных отрядов из числа местных греков и отправку добровольцев из Греции. На рубеже веков в Македонии насчитывалось 1 тыс. греческих школ с 75 тыс. учеников. В свою очередь болгарские школы посещало около 32 тыс. человек. Сербская организация, занимавшаяся аналогичной деятельностью и носившая имя Святого Саввы, не сумела распространить свое влияние на равное болгарскому числу школ или, тем более, греческих училищ.

К концу XIX в. в развитии «македонского вопроса» произошли серьезные изменения. Осенью 1893 г. в Салониках Д. Груев и ряд его сподвижников создали политический кружок, который в 1896 г. при активном участии Г. Делчева, Г. Петрова и небольшой группы их единомышленников был преобразован в Македонскую революционную организацию, переименованную позже в Тайную Македонско-Одринскую революционную организацию (ТМОРО). Ее целью, как это было записано в уставе, являлось объединение независимо от национального происхождения всех тех, кто выступал за революционную борьбу в интересах завоевания политической автономии Македонией и Адрианопольским (Одринским) вилайетом, находившимся под властью Османской империи. По мере развертывания партизанской борьбы на территории области все большей становится заинтересованность соседних Балканских стран в придании ей соответствующей ориентации — проболгарской, просербской или прогреческой. Межэтническое размежевание населения постепенно начинало приобретать резкие очертания. В 1895 г. в Софии был образован так называемый Верховный македонский комитет, членами которого стали выходцы из Македонии. «Верховисты», как их часто называли оппоненты, ориентировались в своей политике на Болгарию и выступали за присоединение Македонии к ней. В свою очередь Греция и Сербия поддерживали создание аналогичных комитетов на своих территориях. Вскоре внутри ТМОРО образовалось левое крыло во главе с Г. Делчевым, Я. Сандански и др., выступившее против подчинения организации интересам одной из балканских стран. Их лозунг был «Македония для македонцев». После восстания 1903 г., вошедшего в историю как Илинденское (в связи с тем, что оно началось в день церковного праздника — Ильин день) и его поражения, руководство организацией перешло в руки «верховистов». На протяжении 1903–1908 гг. внутри

ТМОРО, переименованной в 1905 г. во Внутреннюю Македонско-Одринскую организацию (ВМОРО), происходила борьба между «верховистами» и левым крылом, закончившаяся их размежеванием.

Борьба между вооруженными отрядами партизан, добровольцами из Греции, Болгарии и Сербии, с одной стороны, а также между ними и османскими воинскими и жандармскими подразделениями, с другой, превращала Македонию в территорию, где война против всех в начале XX в. становилась повседневной реальностью. В балканских государствах славились песни в честь героев «македонской борьбы» — тех, кто сражался в этой области в интересах того или другого балканского народа. Среди греков — участников этих партизанских сражений уже на протяжении многих десятков лет звучит на первом месте имя Павлоса Меласа, считающегося национальным героем Греции.

Ситуация, сложившаяся в Македонии, была предметом специального рассмотрения на встрече российского царя и императора Австро-Венгрии. По ее результатам в сентябре 1903 г. была принята так называемая Мюрцстегская программа. В соответствии с ее положениями предусматривалось создание международной жандармерии. Уже в начале 1904 г. начали прибывать иностранные офицеры. При этом зоны ответственности были распределены следующим образом: за Россией закреплялись Салоники, за Австрией — Ускюб (ныне г. Скопле), Британия контролировала Дриту, за Францией закреплялся Серрес, а Монастир оказывался в зоне ответственности Италии.

Следующим пунктом программы было проведение соответствующих реформ управления и хозяйственно-экономической жизни в Македонии. Султанское правительство давно обещало предпринять шаги в этом направлении, однако дальше заверений и декларированных намерений дело не двигалось. В 1905 г. Британия взяла инициативу в свои руки и сумела договориться с другими великими державами выступить единым фронтом с требованием к Османской Порте немедленно выполнить данные обещания, подкрепив этот ультиматум блокадой Мителины. В результате, как первый шаг, султан санкционировал прибытие в Салоники финансовых инспекторов из европейских государств.

Революция младотурок в июле 1908 г. имела и «греческое измерение». Изначально провозглашенная революционерами идеология «османизма», основным содержанием которой был тезис равенства всех граждан империи независимо от национальной и конфессиональной принадлежности, в конечном счете трансформировалась на практике в панисламизм и пантюркизм. 8 октября 1908 г. Национальный совет Крита принял декларацию об *эносисе* (воссоединении) острова с Грецией и послал своих представителей в греческий парламент. Однако под нажимом Великобритании Афины были вынуждены отказаться от признания независимости острова. В свою очередь и другие государства в той или иной степени оказались задействованы в складывавшихся в Османской империи событиях: Болгария обрела полную независимость, а Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину.

Переворот и/или революция: греческая война и мир

Внутриполитическая ситуация в Греции характеризовалась очередным всплеском напряжения. На этот раз среди наиболее недовольных оказались офицеры греческой армии. Причина коренилась в действиях принца Константина, культивировавшего атмосферу протекционизма и nepотизма в вооруженных силах страны. В их рядах были созданы три тайные офицерские группы, выступавшие с программой военных, гражданских и экономических реформ. Продолжая традиции 1843 и 1862 гг., армия становилась, таким образом, одним из участников политической борьбы в стране. В июле 1909 г. произошло объединение этих подпольных групп в одну секретную офицерскую организацию «Военная лига», возглавляемую полковником Н. Зорбасом и насчитывавшую свыше 1,5 тыс. офицеров (в основном из числа младшего офицерского состава). Программа действий Лиги была изложена ею в специальном меморандуме. Прежде всего выдвигалось требование отстранения принца Константина и других членов королевской семьи от руководства вооруженными силами Греции. На посты министров обороны и военно-морских дел должны были назначаться кадровые действующие офицеры. Помимо этого предусматривалось увеличение расходов на армию, введение жесткого контроля за финансами и снижение налогового бремени. Решительность военных воспринималась с тревогой гражданскими политиками, к которым обратились представители Лиги.

В июле 1909 г. со своего поста ушел премьер-министр Теотокис. Заменивший его Д. Раллис, симпатизировавший сначала «Военной лиге», отказался 27 августа принять ее делегацию. В ответ на это афинский гарнизон, располагавшийся в местечке Гуди, демонстративно был выведен в город командовавшими им офицерами и фактически взял столицу под контроль. «Движение Гуди» (или, как часто еще называют эти события, «Революция Гуди»), распространилось и на другие части страны. Король был вынужден принять требования восставших. Из армии были удалены все члены королевской семьи, восстановлены в звании незаслуженно уволенные ранее офицеры. На смену премьер-министру Д. Раллису пришел К. Мавромихалис, поддерживавший уже давно контакты с Лигой. События августа 1909 г. были по своему характеру типичным бескровным военно-политическим переворотом, но в рамках существовавшей общественно-политической системы и не затрагивал ее основ. Он скорее всего представлял собой попытку проведения частичных реформ под силовым нажимом армии. Однако именно незавершенность этого процесса подтолкнула в начале 1910 г. «Военную лигу» вновь прибегнуть к силовым методам и пригрозить королю установлением военной диктатуры в случае невыполнения требований. В целях реализации своей программы руководители Лиги обратились с требованием к королю Георгиосу I назначить премьер-министром Э. Венизелоса — политика, не связанного с традиционными политическими кланами страны. В создавшейся ситуации и Лига, и новый премьер нуждались

друг в друге в борьбе против широкого круга оппонентов, а также против нажима со стороны престола. Король был вынужден согласиться на проведение новых выборов в Национальное собрание, которому предстояло изменить конституцию 1864 г. При этом предусматривалось избрание в два раза больше членов собрания, чем обычно, так как им предстояло заниматься конституционным вопросом. В ходе выборов сторонники Э. Венизелоса получили 146 мест, Теотокиса — 112, Раллиса — 67, а остальные 37 были последователями Мавромихалиса и Займиса. Вскоре после возвращения с Крита в сентябре 1910 г. Венизелос возглавил правительство. Стремясь получить большинство в новосозданном парламенте, он объявил о новых выборах в декабре того же года. На них определилась победа критянина (300 мест из 362). Такой результат был связан с тем, что большинство оппозиционных партий отказалось принимать участие в выборах. Венизелос превратился в единственного и неоспоримого лидера политического мира Греции. Король Георгиос I тут же попытался использовать сложившуюся ситуацию для укрепления собственного положения, пошатнувшегося после греко-турецкой войны и событий 1909 г. Он поддержал нового премьера в его начинаниях. В свою очередь и Э. Венизелос был заинтересован в том, чтобы выйти из-под контроля «Военной лиги» и проводить собственную политику. Его первыми действиями на этом посту стали освобождение ряда офицеров, пытавшихся подавить восстание 1909 г., а также создание специального поста Главного инспектора вооруженных сил, на который был назначен принц Константин. Эти действия были направлены на укрепление позиций Венизелоса среди тех, кто стоял в оппозиции к «Военной лиге» или был близок к престолу. В 1911 г. он провел конституционную реформу, внеся более полусотни поправок и добавлений в конституцию 1864 г.

Конституционная реформа затронула широкий спектр социально-политических, хозяйственно-экономических и военных проблем страны. Прежде всего она коснулась законодательной власти. Отныне кворум в парламенте снижался с $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$ количества депутатов. Этот шаг был призван положить конец распространенному в парламентской практике страны «шантажу неявкой».

В соответствии с положениями конституции прием на государственную службу должен был происходить только по результатам экзаменов, начальное образование становилось бесплатным и обязательным. Была определена минимальная заработная плата для детей и женщин, сокращена ставка процента по кредитам и займам, введен прогрессивный подоходный налог. Создавалось министерство экономики, и легализовались профсоюзы. Сам Венизелос занял посты военного и морского министров с тем, чтобы лично заняться реформой системы обороны страны. Ликвидация бюджетного дефицита в 1910–1911 гг. позволила провести реорганизацию и переоснащение вооруженных сил Греции. При этом премьер обратился за помощью к Великобритании и Франции, которые послали свои

военные миссии и инструкторов соответственно для подготовки флота и сухопутных сил.

Не менее важные преобразования коснулись и сельского хозяйства. В соответствии с положениями новой конституции государство имело отныне право проводить конфискацию земли и собственности в «национальных интересах». Фактически эта общая на первый взгляд статья закона имела и конкретное приложение — правительство получало возможность провести земельную реформу в Фессалии, где преобладало крупное землевладение. Ставка на средние социальные слои при учете баланса интересов «трех столпов» греческой политической жизни — монархии, парламента и армии — таков был вектор политической деятельности премьер-реформатора.

Программа Венизелоса по реформированию политической и хозяйственно-экономической жизни тесно переплеталась с его реформаторской деятельностью и во внешнеполитической области. Для Греции ее положение в системе международных отношений и связей играло одну из ведущих ролей, так как уже с момента образования новогреческой государственности определилась прямая зависимость внутривнутриполитической ситуации в стране от характера ее взаимоотношений с основными мировыми державами и соседними государствами, включая молодые Балканские страны — Болгарию, Сербию, Черногорию и Румынию. К концу первого десятилетия XX в. на Балканах начинает складываться новая система внутрирегиональных отношений. Новообразованные государства полуострова переходят к активным действиям по защите своих национальных интересов и реализации внешнеполитических доктрин, главными составляющими которых были освобождение соотечественников из-под турецкого ига и перераспределение контроля над территориями, рассматривавшимися в соответствии с историческими и национальными традициями народов этих стран их составной частью. Несмотря на разнонаправленность векторов внешнеполитических устремлений и нередко взаимную враждебность, для Балканских государств все очевидней становилась необходимость объединения усилий против общего противника — Турции и расширяющей свои балканские владения Австро-Венгрии. Поиск возможного союзника (или союзников) в складывавшейся ситуации был актуальным и для Греции, чья внешнеполитическая доктрина, оформленная в виде концепции «Μεγάλη Ιδέα», продолжала сохранять свою силу.

Весной 1912 г. был сделан первый шаг на пути создания военно-политического союза балканских государств. 13 марта Болгария и Сербия подписали специальный договор о взаимной помощи в случае попыток одной из великих держав захватить балканские владения Османской империи. При этом и Белград и София имели в виду прежде всего усилия Австро-Венгрии расширить свои владения на полуострове. Обе стороны договаривались также (что было запротоколировано в секретном приложении) о совместном наступлении на Турцию с целью освобождения Македонии, которую предусматривалось разделить между Болгарией и Сербией. Военная

болгаро-сербская конвенция, заключенная 12 мая 1912 г., дополненная договором между Генеральными штабами армий двух стран стали прологом к заключению 29 мая 1912 г. болгаро-греческого союзного договора и военной конвенции 5 октября 1912 г. Осенью того же года Болгария и Черногория достигли устного соглашения о совместных действиях против Османской империи. Активность дипломатии Балканских стран получала поддержку со стороны России, Англии и Франции, опасавшихся усиления австрийских и германских позиций в регионе.

Со стороны составивших Балканский союз государств все настойчивее раздавались требования к Турции провести реформы в ее европейских владениях, прежде всего в Македонии и Фракии, с целью реализации обусловленного ранее права этих областей на автономию. Турция отказалась от предъявленного ультиматума. 9 октября 1912 г. Черногория начала боевые действия против Османской империи, а через девять дней выступили в ее поддержку Болгария, Греция и Сербия. Армия союзных балканских государств насчитывала свыше 603 тыс. человек, при этом Болгария выставила около 230 тыс. В свою очередь турецкая армия не превышала 412 тыс. человек и начавшиеся боевые действия застали ее в момент реорганизации. Целью Болгарии и Сербии было получение большей части Македонии, а София еще рассчитывала на приобретение Салоник и Западной Фракии. Сербия была готова поделить с Грецией Албанию. Боевые действия, продолжавшиеся вплоть до декабря 1912 г., показали силу Балканского союза, с одной стороны, и, с другой, — его зависимость от великих держав. Турция оказалась на грани полного поражения. Заключение перемирия между воюющими сторонами 3 декабря должно было стать прологом для подписания полномасштабного договора. На лондонской конференции послов, проходившей в конце 1912 — начале 1913 г., была сделана попытка выработать прелиминарные условия договора. Однако произошедший 23 января 1913 г. младотурецкий переворот существенно изменил ситуацию — новое правительство в Стамбуле отказалось выполнять оговоренные ранее условия. Последовавшие боевые действия привели к полному поражению турецкой армии и потере контроля Турции над Адрианополем и Яниной. Пытаясь обострить противоречия между балканскими союзниками и усилить прогерманскую группировку в Греции, турки разработали и осуществили план физической ликвидации греческого короля Георгиоса I, который был убит 13 марта 1913 г. в Салониках. Новым королем стал прогермански настроенный Константинос I, находившийся в конфронтационных отношениях с премьер-министром страны Э. Венизелосом, ориентировавшимся на Великобританию и державы Антанты. Подписание в апреле 1913 г. перемирия между Турцией, с одной стороны, и Грецией, Болгарией, Сербией, с другой, означало окончание Балканской войны. Лишь Черногория продолжала осаду Шкодера, которую, однако, была вынуждена прекратить под нажимом великих держав.

В соответствии с положениями заключенного 30 мая 1913 г. Лондонского мирного договора на Балканах и в регионе Средиземноморья происходи-

ли серьезные территориальные изменения. Прежде всего Албания признавалась независимым государством. Остров Крит наконец воссоединился с Грецией. Все балканские владения Турции переходили в состав государств Балканского союза (за исключением небольшой части Восточной Фракии и столицы Османской империи — Стамбула). Болгария, Сербия и Греция получали соответствующие части Македонии и Фракии. При этом территориальные приращения Болгарии оказались наиболее значительными. Однако уже с самого начала выявились противоречия между державами — участницами Балканского союза. Сербия хотела больших компенсаций в Македонии из-за того, что она не получила выхода к Адриатическому морю. В свою очередь Греция претендовала на увеличение территориальных приращений в Южной Македонии и Западной Фракии. Э. Венизелос, стремясь обезопасить страну от возможной конфронтации с Болгарией в будущем, предоставил ей возможность выхода в Эгейское море и согласился на передачу под болгарский контроль портов Адрианополь (Дедеагач), Макри и Порто Ларго. Более того, существовала реальная возможность перехода к Болгарии и части района Каваллы.

К требованиям Греции и Сербии в отношении Болгарии добавились еще и требования Румынии, желавшей получить за свой нейтралитет в Балканской войне Добруджу. В Софии были также недовольны тем фактом, что Салоники не попали под болгарский контроль. На все это накладывалось еще влияние и внешнего фактора — активизировала свои усилия, направленные на раскол Балканского союза, Германия. Взаимные претензии Балканских государств свидетельствовали о нарастании военно-политической конфронтации между ними и о фактическом развале Балканского союза. 1 июня 1913 г. Греция и Сербия подписали секретный договор, направленный против Болгарии. Его основным содержанием была ревизия результатов Первой Балканской войны в части, касавшейся распределения бывших османских владений между прежними участниками антитурецкой коалиции. Реализация военно-политического союза сулила Греции получение тех частей Македонии и Фракии, на которые она претендовала. В свою очередь Болгария, поддерживаемая Германией, также вела подготовку к боевым действиям, сконцентрировав на широком фронте от Дуная до Эгейского моря пять армий. 29 июня болгарские войска атаковали сербские и греческие позиции без объявления войны. Совместными усилиями греческих, сербских, черногорских, а затем и румынских частей, наступавших на Софию, болгарская армия оказалась фактически разгромлена. Ситуацией воспользовалась Турция, захватившая Адрианополь. 10 августа 1913 г. был подписан Бухарестский договор. В соответствии с ним Греция фактически увеличила вдвое свою территорию после включения в ее пределы большей части Южной Македонии. Население Греции возросло с 2 млн 800 тыс. человек до 4 млн 800 тыс. В свою очередь Сербия получила северную и центральную части Македонии, а Румыния — Добруджу. Не осталась в стороне от территориальных изменений и Турция, которая возвратила под свой контроль Адрианополь и часть Фракии.

По своим результатам и Первая и Вторая Балканские войны оказались успешными для Греции, которая смогла частично реализовать свою внешнеполитическую программу. Примечательно, что сочетание «континентальных» и «морских» интересов в греческой внешнеполитической практике впервые было реализовано в рамках региона, где шла борьба местных «малых держав» за доминирование на полуострове. В глазах общественного мнения страны Э. Венизелос становился фигурой номер один греческой политики. Росту его авторитета среди греков за пределами страны способствовала проводимая им жесткая и в то же время гибкая политика по защите интересов Греции и находящихся в Османской империи соотечественников. Среди внешнеполитических проблем, стоявших в повестке дня греческой дипломатии, продолжали, однако, оставаться так называемый македонский, северо-эпирский и додеканезский вопросы. Отношения с Турцией требовали постоянного внимания. Превращение Греции в балканскую державу требовало от нее закрепления своего положения в системе складывающихся внутрирегиональных связей и отношений с великими державами. Хозяйственно-экономическое и финансовое развитие страны должно было соответствовать ее новому статусу.

Балканские войны и последующее урегулирование территориальных проблем на полуострове не привели к миру. Противоречия между сложившимися на европейском континенте военно-политическими блоками — Антантой (включавшей в себя Англию, Францию и Россию) и Центральными державами (Германией и Австро-Венгрией) приобретали характер резкого противостояния. Балканский регион был расколот на несколько группировок. Сербия стояла на стороне Антанты. Болгария являлась сторонницей Германии, которая поддерживала Турцию. В Греции обострилось соперничество между проантантовской и прогерманской группировками. Проантантовский лагерь составляли силы, близкие Э. Венизелосу — давнему стороннику сближения с Британией. Во главе германофилов стояли околоворцовые круги и король Константинос I, женатый на сестре Вильгельма II. Попытки Антанты создать блок Балканских государств с участием Болгарии, Сербии и Греции нашли поддержку у Венизелоса, согласного в знак примирения с Болгарией передать ей район Каваллы, за что Греция получала бы в виде компенсации западную часть Малой Азии. Однако Болгария оказалась под полным влиянием Германии, которая стремилась не допустить создания проантантовского союза в регионе, и любые переговоры о его образовании были невозможны. Венизелос попытался прозондировать отношение Германии к позиции Греции по ее спорным с Турцией вопросам. Ответ Берлина не оставлял никаких сомнений, что поддержка будет оказана Османской империи.

Ситуация на европейском континенте развивалась в сторону усиления военно-политического противостояния между двумя блоками, которые расширяли свое влияние и на малые государства Европы. К середине 1914 г. положение в Греции характеризовалось стабильным хозяйственно-экономическим ростом и существенным улучшением финансовой системы, ис-

пытывавшей на протяжении предыдущих десятилетий XIX в. многочисленные кризисы. Во внутривнутриполитическом отношении также произошли изменения. Главным из них было усиление позиций Э. Венизелоса и возглавлявшейся им Либеральной партии. Большое влияние на состояние общественного мнения страны оказало поступательное хозяйственно-экономическое развитие. Наиболее серьезным аспектом внутривнутриполитического положения Греции, влиявшим и на ее международные позиции, было резкое противостояние между прогермански настроенным королевским двором во главе с Константиносом I и широкими политическими кругами, связанными с Либеральной партией Венизелоса, ориентированными на Антанту. В условиях нарастания военно-политического кризиса это обстоятельство имело большое значение для судьбы страны. Объявление 25 июля 1914 г. австро-венгерского ультиматума Сербии стало окончательным водоразделом между двумя группировками в греческой политической жизни. На запрос сербского премьер-министра Н. Пашича относительно греческой позиции в разворачивающемся конфликте греческий премьер Э. Венизелос заявил, что в вопросе войны с Австрией его правительство может принять решение после получения «полной информации». Что же касалось возможного нападения Болгарии на Сербию, то греческая позиция была более однозначна — Венизелос заявил своему сербскому коллеге о безусловной поддержке Белграда. Особую тревогу греческого премьера вызывала вероятность союза Болгарии и Турции на общей антисербской и антигреческой платформе. Подобное развитие событий было чревато для Греции потерей территориальной целостности. Не желая провоцировать страны германско-австрийской коалиции, Венизелос сообщил в Белград, что его страна будет соблюдать «доброжелательный нейтралитет», но в случае болгарской агрессии выступит на стороне Сербии. Пока греческий премьер-министр вел активные консультации со своим сербским партнером, король Константинос I начал тайные контакты с германским кайзером с тем, чтобы заручиться его поддержкой в интересах соблюдения греческих интересов. Однако, как и прежде, германский ответ был категоричным — Греция должна занять свое место в австро-германском лагере. В августе 1914 г. ситуация достигла своей кульминации, так как Константинос был вынужден заявить германскому кайзеру — своему двоюродному брату, что лично он с симпатией относится к Германии и ее позициям на мировой арене, но существуют объективные трудности и прежде всего военно-стратегического порядка (возможность военно-морской блокады Греции странами Антанты), которые не позволяют Афинам перейти полностью в стан Центральных держав. Фактически греческий король, не имея полномочий на проведение внешнеполитического курса (что было оговорено конституцией), гарантировал нейтралитет страны в отношении Германии и ее союзников. Однако, несмотря на королевские усилия, Венизелос, получив поддержку подавляющей части населения, однозначно выступил за союз с Антантой. Британское правительство поспешило дать гарантии Греции, что окажет поддержку в случае турецкого нападения. После начала Первой мировой

войны Греция с согласия держав-покровительниц и Италии ввела в декабре 1914 г. свои войска в Северный Эпир, где они должны были находиться вплоть до мирной конференции, которой предстояло решить судьбу этой территории и в целом Албании. Однако вскоре греческий король Константинос в довольно резкой форме сообщил представителю британского правительства о невозможности для Греции занять место среди членов Антанты. Сделанное под воздействием «германской партии» заявление лишь усилило конфронтацию между Константиносом и Венизелосом. Пытаясь воздействовать на короля, премьер подал в отставку, которая, однако, не была принята, так как была бы воспринята в греческом обществе явно с недоброжелательных для престола позиций. К тому же Константинос не собирался давать Венизелосу возможность открыто выступить против трона, связав его участием в правительстве.

В начале 1915 г. представители Антанты вновь попытались наладить контакты с Грецией. 24 января Британия предложила греческому правительству присоединиться к союзным силам в боевых действиях на балканском и средиземноморском фронтах. При этом греческой стороне гарантировалась передача больших территорий в Малой Азии с компактным греческим населением. Венизелос обратился со специальным письменным посланием к королю Константиносу, изложив свои оценки и предложения. Прежде всего он отметил, что территориальное расширение Греции возможно в случае, если будет найден компромисс с Болгарией и Румынией. Чтобы избежать конфронтации с Софией, предлагалось передать под болгарский контроль район Каваллы и тем самым обеспечить выход Болгарии к Средиземному морю (о чем давно мечтали болгарские правящие круги). Получив информацию, что Румыния не будет занимать дружественную Греции позицию, Венизелос вновь обратился к королю с предложением решить с болгарями вопрос о Кавалле. Его аргументация в этом отношении была проста — передача района, в котором проживает 30 тыс. греков (с последующим их переселением), будет компенсировано приобретением неспоставимо больших территорий в Малой Азии с греческим населением, насчитывавшем более 800 тыс. человек. На заседании греческого совета министров вопрос о передаче Каваллы болгарам был фактически решен. Однако последовавшие события показали тщетность реализации предложенного Э. Венизелосом плана, так как Болгария окончательно присоединилась к блоку Центральных держав.

В феврале 1915 г. силы Антанты провели операцию в Дарданеллах. Несмотря на настойчивые попытки Венизелоса убедить Константиноса в необходимости участия в ней и Греции, последний отказался от этого, сославшись на мнение Генерального штаба, возглавлявшегося прогермански настроенным полковником И. Метаксасом, заявлявшем о невозможности для страны участвовать в крупномасштабных операциях в силу неподготовленности ее вооруженных сил. Пытаясь добиться своих целей, Метаксас заявил о своей отставке, что делало невозможным вообще какие-либо действия со стороны греческой армии. В результате дворцовых интриг и отка-

за Константиноса занять проантантовские позиции Э. Венизелос подал в отставку, а на его место королем был приглашен Гунарис, который и сформировал кабинет. Сложившееся положение придало уверенность германской агентуре в стране, которая активизировала свои усилия на пропагандистском фронте. Через подставных лиц начался массовый подкуп главных редакторов газет и проникновение в околоправительственные круги.

Тем временем складывавшееся в районе Средиземноморья положение характеризовалось крайней противоречивостью. 6 марта 1915 г. Россия получила согласие Антанты на оккупацию Константинополя и не была заинтересована в участии греческих вооруженных сил на данном направлении. Неудача 18 марта операции в Проливах использовалась королем Константиносом для оправдания правильности позиции нейтралитета Греции.

Прошедшие 13 июня 1915 г. парламентские выборы, несмотря на всевозможные нарушения и подтасовки, принесли победу Либеральной партии Э. Венизелоса, которая получила 123 из 184 мест в парламенте страны. Противодействие антивенизеловских сил было настолько сильным, что они постарались сохранить у власти Гунариса даже после своего очевидного поражения. 10 августа Венизелос вновь оказался у власти. Конфликт между премьер-министром и королем развивался по нарастающей. В свою очередь произошли очевидные перемены в политике Антанты в отношении Болгарии и было принято решение принять активные меры в районе Средиземноморья, отказавшись от каких-либо уступок Софии. Союзный флот готовил десант на греческую территорию. Повинуясь воле короля, Венизелос выразил 2 октября 1915 г. формальный протест от имени правительства, но дал понять, что он лично поддерживает этот шаг Антанты. Одновременно премьер-министр продолжал проантантовскую позицию, чем навлек на себя гнев Константиноса, заявившего в специальном послании Венизелосу о своем несогласии с позицией Либеральной партии и ее вождя. В ответ на это последний обратился к королю с просьбой о своей отставке, которая была принята. Буквально через несколько часов после этого десант Антанты высадился в местечке Карабурун, недалеко от Салоник.

Новый кабинет, сформированный А. Займисом, включал в себя бывших премьер-министров Греции, занимавших этот пост в недавнем прошлом, — Гунариса, Раллиса, Теотокиса и Драгумиса. Однако и Займис был вынужден считаться со сложившейся ситуацией, что выразилось в его позиции «продолжать прежний курс». В ноябре 1915 г. наступила развязка давно назревавшего конфликта между Венизелосом и его противниками из рядов прогерманского лагеря греческих политиков. В парламенте страны бывший премьер получил большинство в поддержку своей политики. Дело закончилось роспуском парламента и назначением новых общенациональных выборов на 15 декабря 1915 г. Венизелос потребовал от своей партии и ее сторонников воздержаться от участия в них в связи с тем, что в этот момент проходила мобилизация, а разгон парламента был незаконным.

Прошедшее голосование принесло победу антивенизелистам, использовавшим весь арсенал фальсификаций, запугивания и т. д.

Тем временем боевые действия начинали разворачиваться на греческой территории. Попытки Константиноса договориться с Центральными державами не привели к желаемым результатам. Внутриполитический конфликт в стране нарастал. Болгарские войска захватывали города в принадлежавшей ранее Греции части Македонии. Был потерян контроль над Северным Эпиром. Все это усугубляло внутриполитическое противостояние, которое вылилось 30 августа 1916 г. в восстание, организованное группой офицеров-венизелистов, состоявших в созданной еще в декабре 1915 г. организации «Национальная оборона». В нее входили и влиятельные гражданские политики, поддерживавшие Либеральную партию. В октябре 1916 г. Венизелос вернулся с островов, куда он направился летом в поисках политической поддержки среди местных жителей и прежде всего своих земляков-критян. Вскоре он возглавил сформированное из членов «Национальной обороны» Временное правительство, в которое вошли помимо него известные военные деятели — адмирал П. Кундуриотис и генерал П. Даклис. Новая администрация избрала местом своего пребывания Салоники. Таким образом Греция разделилась на две части — находящуюся под контролем роялистов и тех, кто поддерживал Венизелоса. Державы Антанты оказали материальную и военную помощь Временному правительству. Военно-морские силы союзных держав блокировали находившиеся под контролем роялистов районы страны. Используя военную поддержку государств Антанты, Венизелос сумел взять Афины и захватить власть. Король Константинос был вынужден отречься от престола и передать 12 июня 1917 г. права на трон своему сыну Александросу. Фактически Греция перешла полностью в стан Антанты. 15 сентября 1918 г. греческие вооруженные силы приняли активное участие в массированном наступлении на южно-балканском направлении. 29 сентября 1918 г. было подписано перемирие с Болгарией, а 30 октября — с Турцией. Перемирие в Германии, заключенное 11 ноября 1918 г., ознаменовало окончание Первой мировой войны.

В январе 1919 г. в Париже начала работу мирная конференция, в задачу которой входило решение всего комплекса вопросов, связанных с окончанием мирового военно-политического конфликта. Грецию на этом форуме представлял ее премьер-министр Э. Венизелос, который развил активную деятельность, направленную на реализацию греческих внешнеполитических интересов. Требования, сформулированные главой греческой делегацией, включали в себя решение территориальных вопросов в том виде, как они рассматривались в Афинах. Во многом исходя из стремления показать союзникам по Антанте активную роль Греции в военно-политическом блоке, Э. Венизелос согласился на отправку экспедиционного корпуса на юг России, где они составляли часть многонациональных сил антибольшевистской коалиции. Участие в совместных боевых действиях против захвативших власть в России большевиков, пытавшихся взять под контроль всю

территорию бывшей Российской империи и установить коммунистическую диктатуру, давало повод надеяться греческому премьеру на удовлетворение греческих требований, предусматривавших переход к Греции Фракии, Северного Эпира, Смирны, прилегающей территории побережья Малой Азии и Додеканезских островов. В мае 1919 г. Афины получили согласие держав Антанты на занятие Смирны, которая перешла под греческий контроль после высадки греческого десанта. Несмотря на противодействие разрозненных турецких вооруженных формирований, попытавшихся отбить греческое наступление, город оказался в руках греков. Успешные действия греческих вооруженных сил, однако, серьезно зависели от позиции ведущих европейских держав Антанты, имевших собственные интересы в регионе Малой Азии, Средиземноморья и Ближнего Востока. Наиболее остро соперничество развивалось между Францией и Британией, которые, преследуя свои цели в данном регионе, по-разному относились к Турции. Британский премьер-министр Ллойд Джордж выразил поддержку своей страны Греции, в то время как Франция, видя в усилении греческих позиций в Средиземноморье «британскую руку», начала покровительствовать (хотя и не открыто) Турции. На проходившей 11 мая 1920 г. конференции в Спа Греция фактически получила право на присоединение Фракии и северо-западных частей Малой Азии, включая район Смирны. Севрский мирный договор, подписанный 10 августа 1920 г. султанским правительством, с одной стороны, и представителями Англии, Франции, Италии, Греции, Армении, Бельгии, Польши, Румынии и Королевством сербов, хорватов и словенцев, с другой, для Греции означал переход под ее контроль всей Фракии, Эгейских островов и Смирны. Официально в ряде районов, переданных Греции, сохранялось местное турецкое самоуправление, которое могло функционировать на протяжении последующих пяти лет вплоть до окончательного их вхождения в состав Греции. Что же касалось Додеканезских островов, которые переходили под контроль Италии, то в соответствии с двусторонним итало-греческим договором они в конечном счете должны были быть переданы Греции.

Подписанный представителями султанского правительства Турции Севрский договор оказался недолговечным и никогда не был ратифицирован, так как фактически взявшее в свои руки в большей части страны правительство националистов во главе с К. Ататюрком, сделавшим Анкару столицей новосоздаваемого государства, отвергло его еще на стадии подписания. Разраставшееся под руководством Ататюрка движение, сочетавшее национализм и революционность, представляло угрозу многочисленному греческому населению Малой Азии, насчитывавшему около 1,5 млн человек. Поэтому контроль над частью этой территории, осуществлявшийся греческими вооруженными силами, имел не только военно-политическое, но этническое значение для Греции.

Реализация решений Парижской мирной конференции, а также ряда других договоренностей способствовало превращению Греции в ведущую

балканскую и средиземноморскую державу. Во многом это произошло благодаря энергичным усилиям премьер-министра страны Э. Венизелоса. Однако внутривластное положение в стране оставалось сложным и характеризовалось противоборством двух политических сил — венизелитов и монархистов. В борьбе с оппонентами Венизелос использовал как аргумент достигнутые им внешнеполитические успехи. Стремясь усилить свои позиции, он обратился к парламенту страны с тем, чтобы получить его согласие на роспуск и проведение новых парламентских выборов, что и произошло. События развивались в Греции стремительно. Совершенно неожиданно 25 октября от заражения крови после укуса ручной обезьянки скончался молодой греческий король Александрос. В связи с нерешенностью проблемы престолонаследия было принято решение о назначении регентом адмирала П. Кундуриотиса. Попытка предложить принцу Павлосу греческую корону, предпринятая сторонниками Венизелоса, окончилась безрезультатно, так как кандидат отказался от участия в этом мероприятии, обосновав свою позицию тем, что ни его отец — король Константинос, ни его старший брат никогда не отрекались от своих прав. Таким образом, силы монархистов оказались объединены под водительством Константиноса, а венизелитский план их «распыления» между различными претендентами на трон и выбор управляемого и нелегитимного короля Павла не удался.

На пути к республике

Прошедшие 14 ноября 1920 г. парламентские выборы завершились поражением Либеральной партии Э. Венизелоса, так как из 370 мест они получили только 120. Потерпев неудачу, премьер-министр подал в отставку и отбыл из страны. Во многом поражение Либеральной партии и ее вождя, добившегося для Греции за сравнительно короткий период серьезных результатов, было связано с широко распространенным недовольством слишком высокой цены греческих побед. Прежде всего это касалось падения уровня жизни и военной усталости населения. Плоды побед, несмотря на их очевидность, не рассматривались в греческом обществе как предпосылка для серьезных долговременных изменений в социально-экономической области. Парадокс складывавшейся ситуации заключался в том, что в общественном сознании существовало непонимание конкретных перспектив достигнутого Венизелосом. Следующим ударом по престижу бывшего премьер-министра было успешное для монархистов проведение 5 декабря плебисцита относительно возвращения короля Константиноса на трон. Это событие совпало по времени с обострением разногласий внутри Антанты, обусловленными взаимоисключающими интересами составляющих ее держав в районе Средиземноморья и Ближнего Востока, что не могло не повлиять на позиции Греции в средиземноморско-балканском регионе, так как без сильной поддержки союзных стран было невозможно рассчитывать на серьезные успехи в противостоянии с Турцией. Изменение политики

Лондона, Парижа и Рима выявило направленность их интересов. Британия уже не столь активно, как ранее, поддерживала Грецию в Малой Азии, так как хотела сохранить в глазах мусульман Индостана, где находились основные британские колонии, образ невраждебной силы, имеющей хорошие отношения с турецким халифатом (выступавшем в роли покровителя всех мусульман). Италия, в свою очередь, не желала усиления Греции в Средиземноморье и на Балканах. Франция надеялась получить Киликию и заручиться при этом поддержкой... Турции. Подобные калькуляции, однако, не учитывали в достаточной степени разрастающееся движение, во главе которого стоял Ататюрк, создавший собственное правительство, независимое от находившегося в Стамбуле султанского. Таким образом, Греция постепенно оказывалась один на один с растущей мощью революционно-националистического движения Кемаль-паши, сумевшего сплотить различные социальные слои Турции.

Серезным испытанием для Греции, являвшимся одновременно и окончательным прояснением позиций европейских стран — ее союзниц, стала февральская (1921) конференция в Лондоне. От Греции на ней присутствовал премьер-министр Калогеропулос, возглавлявший делегацию, а от Турции — представители как центрального султанского правительства, так и анкарского правительства Ататюрка. Уже в ходе работы конференции стало ясно, во-первых, что делегация Кемаль-паши одержала верх над султанскими представителями, и, во-вторых, что как Италия, так и Франция заняли туркофильскую позицию. Греки резко отреагировали на предложение Парижа и Рима создать некую межсоюзническую комиссию, в задачу которой входило бы решение вопроса о Смирне и Фракии.

Стремясь не допустить каких-либо обсуждений вопроса о Малой Азии, греческие представители из числа офицеров генерального штаба заявили о возможности со стороны Греции в течение трех месяцев собственными силами добиться полного контроля над Малой Азией. Эти самоуверенные и не отвечающие реальному положению дел декларации лишь вводили в заблуждение руководство страны и порождали иллюзии относительно мощи и боеспособности ее вооруженных сил. Внутриполитическая жизнь Греции характеризовалась активизацией антивизантистских сил, стремившихся взять реванш над своими оппонентами. Новый парламент, провозгласив себя Конституционным собранием, принялся за разработку и утверждение дополнений и изменений к конституции страны. Экономические мероприятия, главным из которых было увеличение военных расходов, усиливали и без того растущую инфляцию и серьезно влияли на понижение жизненного уровня населения. Мобилизация на воинскую службу, проведенная на фоне столетия празднования начала национально-освободительного восстания 1821 г., позволила довести численность вооруженных сил до 300 тыс. человек. Все очевидней становилось стремление правящих кругов Греции реализовать изложенный на Лондонской конференции план взятия под контроль всей Малой Азии.

Подготовка к войне весной 1921 г. была закончена. В конце марта греческие вооруженные силы начали операции в этом регионе. В соответствии с существовавшими в греческом генеральном штабе представлениями о военной мощи страны боевые действия не должны были затянуться надолго. Взятие Константинополя греческими войсками рассматривалось среди высших военных кругов Греции со всей серьезностью и не вызывало сомнений. Более того, уже существовали планы коронации короля Константина в соборе Святой Софии. Однако слабая техническая оснащенность, неподготовленность офицерского корпуса, поредевшего за время антивелилистских чисток и отсутствие достаточных финансовых средств стали негативно влиять на операции греческих войск против Кемаль-паши с самого начала. Боевые действия демонстрировали череду побед и поражений греков, на начальном этапе они смогли взять на некоторое время инициативу в свои руки. Не лучше обстояло дело и с международной поддержкой Афин. Весной 1921 г. основные европейские державы, союзники Греции по Антанте — Британия, Франция и Италия, — заявили о своем нейтралитете в греко-турецком конфликте. Более того, они предложили свое посредничество при возможных двусторонних переговорах, на что греческая сторона ответила отказом. Наступление греческих войск 15 июня 1921 г. позволило им взять под контроль центральные стратегические пункты в Малой Азии — Афиум Карахиссар и Эскишехир и перейти к операции против штаб-квартиры кемалистов, где они расположили свое правительство, — Анкары. С военно-оперативной точки зрения поход на столицу националистов требовал хорошей подготовки, прежде всего обеспечения войск провиантом и транспортными средствами. Это понимали военные, однако политики требовали как можно быстрее уничтожить силы Кемаль-паши и настаивали на немедленном наступлении на Анкару и ее взятии.

К августу 1921 г. греческие войска оказались сконцентрированы в южной части Малой Азии и под их контролем находилась большая территория. В двадцатых числах августа линия главного противостояния между кемалистскими силами и греческой армией проходила по правому берегу р. Сакарья (по-греч. Сангариос). Боевые действия 23 августа — 13 сентября закончились поражением греков, которые были вынуждены отступить. Ситуация, в которую попала Греция после случившегося на берегу Сакарьи, свидетельствовала о фактической ее изоляции на международной арене. Попытки Афин получить поддержку в Париже, Риме и Лондоне встречали или откровенно враждебное или завуалированно-нейтральное отношение. Греческая дипломатия рассчитывала в сложившихся неблагоприятных условиях опереться на британскую помощь, так как из всех других европейских стран Антанты Британия была единственной, которая безоговорочно поддержала греческие требования на предыдущих мирных конференциях. Во многом благодаря усилиям Англии в марте 1922 г. в Париже состоялась конференция, на которой выработывались условия возможного перемирия между Грецией и кемалистской Турцией. Представи-

тели Ататюрка требовали отвода греческих сил из Малой Азии, делая это предварительным условием заключения какого-либо мирного договора.

Внешнеполитические неудачи и военные поражения осложнили ситуацию внутри Греции. Прежнее правительство премьер-министра Д. Гунариса ушло в отставку, а пришедший на его место Стратос не смог сформировать кабинета и был также вынужден покинуть свой пост. Созданное новым премьером Протопападакисом так называемое коалиционное правительство, в котором он выполнял обязанности министра финансов, пошло на ужесточение экономической политики и перемещения в руководстве вооруженных сил. Однако предпринятые шаги уже не могли изменить в лучшую сторону ни финансово-экономического положения страны, ни ситуацию на фронте. В конце августа кемалистские войска захватили Афиум Карахиссар, а 9 сентября пала Смирна. Греческая армия оказалась фактически разгромлена. Помимо военного поражения для Греции и греков Малоазиатская война обернулась этнической катастрофой, так как затронула судьбу многочисленного греческого населения Малой Азии, составившего 1,5 млн человек.

Отставка в этот ответственный момент правительства, объявившего демобилизацию греческой армии, лишь усилила внутривнутриполитическую нестабильность внутри страны. Часть офицеров, укrywшихся после разгрома греческих сил в Малой Азии на острове Хиос, осознавая последствия надвигающейся катастрофы, решила предпринять шаги по стабилизации положения в Греции. Во главе военного движения стал молодой полковник Н. Пластирас. Восставшие потребовали отречения от престола короля Константина и создания правительства, способного управлять государством в такой ответственный момент национальной истории, пригрозив, в случае отказа направить в Афины 15-тысячную армию. Не желая развязывать гражданскую войну в то время, как греческая армия потерпела поражение на фронтах Малой Азии, Константин согласился с требованиями и отбыл на Сицилию в Палермо, где в январе следующего года скончался. Парадокс сложившейся ситуации заключался в том, что отрекшийся монарх, которого считали виновным во всех военных неудачах в Малой Азии, не был сторонником этой войны. Королем греков стал принц Георгиос, вошедший в историю под именем Георгиоса II.

Созданный повстанцами Революционный совет обратился к Э. Венизелосу с просьбой вернуться в Грецию и взять на себя руководство страной. Однако бывший премьер ответил отказом, сославшись на свое решение более не участвовать в политической жизни. В действительности он не желал брать на себя ответственность за разыгравшуюся не по его вине трагедию и выступать в роли спасителя оппонентов, доведших страну до национальной катастрофы. К тому же ему было неизвестно, насколько Революционный совет контролирует положение, а не является очередным кружком заговорщиков-военных, столь часто появлявшихся на протяжении истории Греции на ее политической сцене. Однако он не отказался

присутствовать на мирных переговорах между Турцией и Грецией и выступить от имени своей страны.

Тем временем Революционный совет объявил о подготовке судебного процесса против главных виновников малоазийской катастрофы — политических и военных деятелей, так или иначе вовлеченных в принятие и осуществление решений в 1921—1922 гг. На скамье подсудимых оказались три бывших премьера, несколько бывших министров и военачальников: Гунарис, Протопадакис, Стратос, Балтадзис, Теотокис, Хаджианестис. Попытка иностранных представителей вмешаться в ход процесса и выступить в защиту подсудимых на том основании, что общественное мнение за рубежом отнесется отрицательно к суду над политиками, не привела ни к какому результату.

Стремление Революционного совета найти подходящую фигуру на пост премьер-министра заставило его лидера — Н. Пластираса вести переговоры с Заимисом, который, однако, поставил условие, что прежде чем он согласится на пост премьера, Революционный совет должен быть распущен. Естественно, последний не согласился с таким ультиматумом и принялся за формирование кабинета министров по собственному усмотрению. Тем временем усиливался нажим ряда иностранных государств, и прежде всего Великобритании, на Революционный комитет с тем, чтобы не допустить рассмотрения дела обвиняемых в военном суде. Но все эти попытки оказались напрасными — 28 ноября было вынесено решение, на основании которого все подсудимые были признаны виновными и приговорены к смертной казни. По настоянию британских политиков Э. Венизелос попытался вмешаться в исполнение решений суда, аргументируя нежелательность казни по внешнеполитическим соображениям. Однако это не спасло осужденных. Виновники национальной катастрофы были вывезены за пределы Афин на армейском грузовике и там расстреляны. Единственное, что удалось сделать англичанам, так это спасти от суда принца Андреоса, которого обвиняли в некомпетентности. Это не остановило Лондон от разрыва отношений с Грецией в знак протеста против свершившейся казни.

Выход из войны с Турцией для Греции оказался тяжелым как с военно-политической, так и с морально-психологической точки зрения. Первым шагом на этом пути стало подписание 11 октября 1922 г. Муданийского перемирия между представителями кемалистского Великого национального собрания Турции и европейских стран — Англии, Франции и Италии. 13 октября представители Греции также подписали этот протокол. В соответствии с ним греки обязывались отвести войска из Восточной Фракии вплоть до реки Марица, а державы Антанты получали право оставить свои войска в Стамбуле и контролировать зону проливов до подписания окончательного мирного договора. В январе 1923 г. между Грецией и Турцией был подписан протокол об обмене национальными меньшинствами.

Стремясь получить как можно больше выгоды от одержанной военной победы над греческими вооруженными силами в Малой Азии, турки постарались затянуть переговоры о скорейшем заключении мирного договора.

Вплоть до февраля 1923 г. представители Кемалья выдвигали все новые и новые требования, чем в немалой степени уже начали раздражать британскую дипломатию, руководители которой во главе с лордом Керзоном покинули Лозанну. Со своей стороны с целью оказания нажима на турок для активизации мирных переговоров, греки сформировали отборные силы под командованием генерала Пангалоса, который разработал операцию и был готов ее провести в балканской (европейской) части Турции. Эти шаги подействовали на Анкару, и 23 апреля 1923 г. переговоры возобновились. 24 июля был подписан долгожданный мирный договор.

Несмотря на то что формально Лозаннский договор был заключен после греко-турецкой войны, его значение было намного шире, чем урегулирование отношений между Грецией и Турцией. Во-первых, среди государств, подписавших это соглашение были, помимо этих двух стран, Великобритания, Франция, Италия, Япония, Румыния, Королевство СХС. В соответствии со статьями договора признавалась кемалистская Турция и окончательно определялись ее границы, не включавшие в себя большинство прежних территориальных владений Османской империи на Балканах и Передней Азии. Вводился свободный режим судоходства в Проливах. Анкарское правительство обязывалось выплатить часть долга Османской империи.

Для Греции Лозаннский мирный договор означал отказ от всех претензий на Малую Азию. Граница с Турцией определялась по реке Марица. Изпод греческого контроля выходили Адрианополь и Мраморное море. В то же время греки получали небольшие районы вокруг Александрополиса (Дедеагача) и Ксанти. Додеканезские острова оставались в составе Италии, несмотря на то, что по Севрскому договору они должны были перейти к Греции. Таким образом, военное поражение греческой армии в Малой Азии, несмотря на всю его тяжесть, удалось смягчить мирным договором. Фактически страна не потеряла сколько-нибудь серьезно в территориальном отношении. Однако самым тяжелым испытанием для Греции оказалась проблема беженцев. Греки Малой Азии и Понта устремились на свою историческую родину в связи с развязанным в отношении них со стороны кемалистских властей этническим террором. Свыше 1,5 млн прибыли в страну за короткое время после подписания Лозанского договора. Греко-турецкая война и последовавший за ней мирный договор внесли серьезные коррективы во внешнеполитические установки и поставили точку в концепции «Великой идеи».

Внутриполитическое развитие Греции на протяжении всего 1923 г. сочетало в себе две главные тенденции: рост политического и социального недовольства и стремление Революционного совета, возглавлявшегося Ст. Гонатасом и Н. Пластирасом, способствовать достижению компромисса между венизелитами и монархистами. Противоборство между этими двумя основными политическими лагерями греческой политической жизни вело к усилению анархии в обществе и высвобождало агрессивный потенциал,

накопившийся за годы Первой мировой и греко-турецкой войн. Активизировала свою деятельность, направленную на насильственное изменение общественно-политического строя и установление классовой диктатуры, созданная в ноябре 1918 г. Социалистическая рабочая партия Греции (СРПГ), вскоре ставшая членом Коммунистического Интернационала.

Ситуация в стране складывалась таким образом, что к осени становилось ясно: одна из противоборствующих сил (монархисты или венизелиты) постараются использовать насильственные методы прихода к власти. При этом у сторонников Э. Венизелоса было меньше оснований прибегать к организации военного переворота, чем у их оппонентов, так как руководители Революционного совета — Пластирас и Гонатас — являлись противниками монархии и не желали доминирования поддерживавших ее сил. В сентябре они обратились к А. Займису с предложением сформировать коалиционное правительство из представителей роялистов и венизелитов. Несмотря на трудности этого процесса, еще существовала надежда на создание совместного кабинета. Однако ситуация резко изменилась, когда в октябре 1923 г. генералы Леонардатос, Гаргалидис и полковник Зирас попытались с помощью организованного ими военного мятежа привести к власти короля Георгиоса II, фактически утерьявшего всякий контроль над ситуацией в Греции, управлявшейся явно антимонархическим Революционным советом. Поражение заговорщиков означало одновременно поражение роялистов в целом и усиление республиканского лагеря. Выявилась очевидная необходимость проведения серьезной конституционной реформы в Греции, где власть принадлежала Революционному совету — органу, чьи полномочия и само существование не были как-либо определены в конституции страны. С целью возвращения к гражданскому правлению, но с учетом новых реалий Ст. Гонатас и Н. Пластирас назначили проведение новых парламентских выборов на 16 декабря 1923 г. В знак протеста против существующего в стране режима и проводимых выборов монархисты решили не участвовать в них. Результаты голосования продемонстрировали победу сторонников венизелитской Либеральной партии, получившей 200 мест в парламенте и республиканцев (120 мест). Монархисты из числа тех, кто решил участвовать в выборах, получили всего 7 мест. Победа венизелитов и республиканцев, однако, не стала моментом их единения. Более того, сторонники республики, возглавляемые генералом Пангалосом и адмиралом Хаджикирьякосом, начали демонстрировать свое недовольство положением в стране и давали понять, что в случае продолжения пребывания короля у власти они могут перейти к силовым методам решения конституционного вопроса.

Таким образом, лидеры Революционного совета были вынуждены решать вопрос о проведении плебисцита по «королевскому вопросу». Они обратились к Георгиосу II покинуть страну на время подготовки и проведения этого плебисцита. 18 декабря королевская чета отправилась в Румынию к своему родственнику — отцу греческой королевы румынскому королю Фердинанду. Регентом престола был назначен адмирал П. Кундуриотис.

Республиканский реформизм и роялистский консерватизм: прерванная революция?

Победа на парламентских выборах Либеральной партии позволила Революционному совету обратиться с предложением к Э. Венизелосу о его возвращении и занятии поста премьер-министра. 4 января 1924 г. лидер либералов прибыл в Афины. В соответствии с его предложением первоначально было принято решение о проведении через два месяца общенационального плебисцита по вопросу о судьбе монархии. Однако обсуждение этой проблемы в парламенте вызвало резко негативную реакцию со стороны республиканцев, считавших, что отмена монархии может произойти и без специального общенародного голосования. Их лидер, глава партии «Демократический союз» А. Папанастасиу, потребовал принятия специального постановления парламента о ликвидации монархии и провозглашении республики. Стремление Венизелоса «встать над схваткой» оказалось напрасным, так как непримиримость противников короля не давала шансов на достижение компромисса. Дискуссии в парламенте приобрели достаточно жесткий характер и привели в конечном счете к отставке 4 февраля 1924 г. Э. Венизелоса с поста премьер-министра. На смену ему пришел Г. Кафандарис, являвшийся сторонником объявления Греции республикой в случае, если результаты плебисцита позволят сделать это. Однако его пребывание у власти оказалось недолгим, так как он фактически продолжил венизелистский курс в «королевском вопросе». Приход в марте 1924 г. на пост премьер-министра А. Папанастасиу сделал процесс принятия парламентом закона об упразднении монархии необратимым и в день праздника национальной независимости — 25 марта 1924 г. — Греция была провозглашена республикой. Адмирал П. Кундуриотис, выполнявший на протяжении последних месяцев роль регента, становился президентом страны. Проведенный в апреле того же года плебисцит легитимизировал решение парламента: 70% голосов было подано за республиканскую форму государственного устройства и 30% — за монархию. В соответствии с принятым законом члены королевской семьи должны были покинуть Грецию, они лишались греческого гражданства и своего имущества в стране.

Установление республики, однако, не смогло стабилизировать внутриполитического положения. Развернувшееся соперничество между республиканцами и венизелистами продолжало оставаться характерной чертой складывавшейся ситуации. Политическая борьба усиливалась и без того тяжелое социально-экономическое положение основной массы населения, но не способствовала решению стоящих перед страной экономических проблем. Переход от монархии к республике требовал реструктуризации политической системы страны, создания нового баланса сил и серьезного изменения законодательства. Для этого объективного процесса было необходимо время. Уже вскоре выявилась слабость возглавлявшихся А. Папанастасиу леволиберальных сил, которые не смогли добиться доминирующей роли

в общественно-политической жизни страны. Отставка Папанастасиу с поста премьер-министра и приход к власти ближайшего сподвижника Венизелоса Ф. Софулиса не означали, однако, победу венизелизма как политического течения. Уже в сентябре 1924 г. его сменил представитель консервативных сил Михалакопулос. Процесс формирования новой партийно-политической системы воспринимался многими как перманентно длящийся правительственный кризис, который на фоне тяжелого экономического положения большинства населения ассоциировался в общественном сознании с хаосом. Отсутствие новой конституции, дискуссия по вопросу о которой превратилась в пропагандистское соревнование политических партий, лишь усиливала ощущение слабости власти и порождала ожидания прихода «сильного человека». При этом, как и прежде, все очевиднее становилась активность греческих военных, уже не раз выступавших в роли арбитров в споре между гражданскими политиками.

В конце июня 1925 г. генерал Пангалос и адмирал Хаджикирьякос провели государственный переворот, сместили правительство Михалакопулоса и фактически отстранили от власти президента адмирала Кундуриотиса, хотя формально и остававшегося на своем посту. Они сформировали новое правительство и заявили о роспуске парламента. 30 сентября были обнародованы положения новой конституции Греции. В соответствии с ней главой государства являлся президент, выбираемый сроком на пять лет. Парламент Греции отныне должен был состоять из двух палат — нижней и верхней (сената). При этом выборы в верхнюю палату должны были проходить по сложной схеме: из 150 ее депутатов 100 выбирались парламентским голосованием, 20 — самим сенатом и 30 — профессиональными союзами и объединениями. Проведение будущих выборов намечалось на начало 1926 г., а утверждение новой конституции должно было произойти на первом же заседании парламента. Как сама конституционная реформа, так и последовавшие за этим действия по формированию нового правительства свидетельствовали о стремлении Т. Пангалоса и пришедших с ним к власти военных получить максимально возможную широкую поддержку населения страны независимо от социальных и политических различий. Страна жила ожиданиями 10 января 1926 г., когда в соответствии с обещанием генерала должны были пройти общенациональные выборы. Однако по мере приближения этой даты планы Пангалоса начали меняться. Во многом это было обусловлено неуверенностью генерала в своей победе на них. 3 января он выступил с обращением, в котором заявил о том, что парламентские выборы откладываются на неопределенное время, а вся полнота законодательной и исполнительной власти переходит к нему. Главным аргументом, использовавшимся генералом, вводившим свою единоличную диктатуру, было его нежелание подрывать достигнутую политическую стабильность, которую могло расшатать острое политическое соперничество различных партий и сил. При этом он ссыался на необходимость концентрации власти в одних руках в интересах хозяйственно-экономического развития страны. Стремление стабилизировать положение в Греции во что

бы то ни стало, но при сохранении демократических норм — таков был лозунг Пангалоса на данном этапе. Однако вскоре стало ясно, что выполнить это обещание было практически невозможно. Приостановление деятельности любой политической партии так или иначе было связано с нарушением демократических принципов, за исключением только тех случаев, когда подобные организации выступали с экстремистских позиций. Уже вскоре после объявления себя главой страны генерал развернул активную борьбу против свободы прессы. Некоторые политические деятели, такие как А. Папанастасиу, Г. Кафандарис и генерал Г. Кондилис, были отправлены в ссылку на острова.

Попытка стать «отцом нации», предпринятая генералом, не могла быть реализована и еще по одной причине — обещанный им рост благосостояния населения за прошедшие полгода не произошел. Принудительные государственные займы и деноминация национальной валюты также не улучшили ситуации. Предоставление всевозможных концессий французскому капиталу (что являлось во многом платой за поддержку Пангалоса со стороны Франции) лишь усложняло ее. Особенно катастрофическим оказалось положение малоазийских беженцев, большая часть которых была размещена в северной части Эгейской Македонии с целью изменения этнического состава этой провинции, где был высок процент славянского населения.

Объявив себя фактически «верховным правителем» Греции, генерал Т. Пангалос не отказался от проведения конституционной реформы. В середине марта 1926 г. он заявил, что новый основной закон будет готов через месяц. В соответствии с его планами страна должна была стать президентской республикой по американской модели. В предстоящих выборах запрещалось участвовать как членам королевской семьи, так и лично Э. Венизелосу. Действия Пангалоса, использовавшего авторитарные методы, окончательно осложнили его отношения с еще находившимся на посту президента П. Кундуриотисом. Последний, решив полностью отказаться от какого-либо сотрудничества с генералом, подал в отставку. В складывавшейся ситуации для политических партий Греции особое значение приобретал вопрос о личности возможного единого кандидата на пост будущего президента. Между политическими силами страны развернулась борьба за приемлемую для них фигуру главы государства. В ходе многочисленных консультаций был достигнут компромисс — общими усилиями соискателем кресла премьер-министра оказался назван политик умеренно-монархического толка К. Демердзис. Пангалос попытался навязать со своей стороны другую кандидатуру — А. Займиса, с тем чтобы не допустить объединения голосов различных политических партий. Однако последний, почувствовав, что является марионеткой в руках генерала, отказался от участия в торге. В связи с этим Пангалос объявил себя кандидатом в президенты. Накануне выборов он прибег еще к одному ухищрению, заявив, что из 33 выборных округов 23 не готовы к проведению выборов. В ответ на это политические партии, выдвинувшие своим кандидатом К. Демердзиса, отозвали

его кандидатуру (чего, впрочем, и добивался генерал). Прошедшие в оставшихся по стране 10 округах выборы обеспечили победу единственному кандидату — Пангалосу, который 18 апреля уже принес присягу как президент Греции. Подобные действия полностью подорвали веру как в целом в обществе, так и среди отдельных политиков в желание генерала законно управлять страной. Именно это обстоятельство, а также уверенность политических деятелей в стремлении Пангалоса установить режим собственной власти не позволили генералу на протяжении долгого времени найти подходящую кандидатуру на пост премьер-министра. Никто из серьезных политиков не хотел превращаться в «халифа на час», так как было очевидно, что премьер-министр Греции будет являться номинальной фигурой, полностью зависимой от самовыбранного президента. На этот пост согласился престарелый Эвтаксиас, бывший министр в правительстве Делиянниса, нико-го не представлявший.

Окончательное закрепление всех властных полномочий в руках генерала Пангалоса (что делалось под предлогом необходимости достижения политической стабилизации и создания предпосылок поступательного хозяйственно-экономического развития) не принесло желаемых результатов. В обществе продолжало нарастать напряжение, вызванное фактически отчуждением власти и политического мира Греции, представлявшего различные политические и социальные силы страны. В августе 1926 г. активизировались противники установленного Пангалосом режима. Серия арестов и ссылок политиков, предпринятая властями, не смогла сбить недовольства, нередко проявлявшегося в виде крестьянских и солдатских волнений. 22 августа генерал Г. Кондилис и полковник Н. Зервас успешно провели бескровный государственный переворот. Попытка самоназначенного президента противодействовать заговорщикам успеха не имела, так как никто не собирался поддерживать скомпрометировавшего себя диктатора. В тот же день Г. Кондилис обратился к адмиралу П. Кундуриотису с предложением вернуться и занять пост президента, на что последний ответил согласием.

Руководители военного переворота, придерживавшиеся республиканско-демократических и во многом даже леволиберальных, близких к социалистическим принципам, ставили своей целью ликвидацию диктатуры и установление демократического правления, гарантом которого должны были выступить вооруженные силы. В то же время ситуация в них не была столь однозначной, как хотел это представить генерал Кондилис. Уже вскоре после переворота отборные части Республиканской гвардии, располагавшиеся в Афинах, подняли бунт, вызванный нежеланием прихода к власти Кондилиса. После недолгого сопротивления и ожесточенной борьбы, в ходе которой на улицах греческой столицы погибло несколько десятков человек, генералу удалось распустить мятежников и взять ситуацию под контроль.

В соответствии с планом Г. Кондилиса предусматривалось проведение парламентских выборов и добровольный уход генерала с поста премьер-

министра, на который он назначил себя до проведения выборов. Несмотря на протесты монархистов, выступавших за отмену пропорциональной системы выборов, генерал не стал ее менять.

Прошедшие 7 ноября выборы парламентские выборы принесли победу Либеральной партии Э. Венизелоса, получившей 143 места (в то время как ее оппоненты обладали 127). Более того, впервые за недолгое существование Коммунистической партии Греции она смогла добиться для своих депутатов 10 парламенских мест. Новый кабинет министров, в котором доминировали республиканцы, представленные Г. Кафандарисом, А. Папанастасиу и Михалакопулосом, возглавил А. Заимис. В то же время среди членов правительства были и активные деятели монархистов — П. Цалдарис и генерал И. Метаксас.

Среди главных и неотложных задач сформированного правительства стояло проведение экономических и хозяйственных реформ. Была проведена проверка заключенных в период правления Пангалоса экономических договоров, часть из которых оказалась незаконной и была отменена. Активизировалась торговля с соседними Балканскими странами и заключены долговременные торговые соглашения. Достаточно остро стояла проблема военных долгов Греции, которая была также урегулирована, так как греческой стороне удалось добиться отсрочки платежей и выплаты процентов по ним. Финансовое бремя бюджетного дефицита правительство Заимиса постаралось компенсировать за счет проведения политики инвестиций со стороны Великобритании и США, которые предоставили гарантии для так называемого беженского займа, делавшегося для обустройства 1,5 млн греческих беженцев из Малой Азии и развития их хозяйства, включая инфраструктуру.

Однако помимо хозяйственно-экономических проблем перед Грецией стояла и другая, требовавшая своего решения уже на протяжении последних лет — конституционная. Дискуссии о новой конституции продолжались в политических кругах до апреля 1927 г., когда адмирал П. Кундуриотис пригрозил отставкой в случае, если в ближайшее время не будет принят новый основной закон страны (выработанный еще в период правления Г. Пангалоса), закрепляющий республиканскую форму устройства государства. Спешным порядком Г. Кондилис вновь включился в политическую жизнь и начал оказывать давление на парламент с тем, чтобы была принята новая конституция, так как несмотря на превалирование республиканцев-депутатов, они не составляли подавляющего большинства. В стране назревал очередной переворот, который собирались организовать монархические силы. Сведения о заговоре стали известны генералам Отонэосу и Н. Пластирасу, которые по своим каналам обратились к Э. Венизелосу с предложением, чтобы он выступил с предупреждением о возможном мятеже. В этих условиях парламент принял 2 июня 1927 г. новую конституцию, устанавливавшую президентскую республику с представительным органом власти в виде парламента, состоявшим из нижней палаты (βουλή) и верхней — сената (γερουσία). Принятие нового Основного закона страны

способствовало процессу общественно-политической модернизации Греции, но одновременно усилило противоборство между роялистским и начавшим появляться республиканским лагерем. Принятие новой конституции Греции в 1927 г. ознаменовало победу последнего. Президентская республика с широкими полномочиями парламента и сената была призвана стать не только новой формой государственного устройства, но и обеспечить окончательную трансформацию сложившейся общественно-политической структуры по так называемой европейской модели.

Внутриполитическое развитие Греции во второй половине 1927 г. характеризовалось определенной стабилизацией. Возникавшие время от времени кризисные ситуации в правительстве А. Заимиса, которое состояло из представителей различных политических сил, являлись проявлением несогласия того или иного министра по конкретным хозяйственно-экономическим вопросам, свидетельством чему были отставки в августе 1927 г. П. Цалдариса, а в феврале 1928 г. А. Папанастасиу. Долгое существование кабинета Заимиса была необычно для Греции, где как в XIX в., так и в XX в. более частым явлением была постоянная сменяемость премьер-министров и их кабинетов. К марту 1928 г. коалиционное правительство продолжало существовать как реальная альтернатива возможной политической нестабильности. Однако шаткий мир, достигнутый путем всевозможных компромиссов между различными политическими и общественными силами, зависел также и от субъективных факторов, способных нарушить баланс между ними. Приезд с Крита в Афины Э. Венизелоса, решившего вернуться к активной политической жизни, стало одним из таких событий. Имея в виду его прежний политический авторитет и опыт, а также силу возглавляемой им Либеральной партии, в которой, однако, уже произошло несколько расколов, П. Кундуриотис обратился к нему с предложением сформировать и возглавить новое правительство. Стремление президента создать однопартийный венизеллистский кабинет объяснялось его желанием сократить влияние монархистов на правительство, которое при премьер-министре Заимисе было вынуждено постоянно лавировать между либералами и роялистами. В то же время сам премьер-министр не собирался быстро сдавать свои позиции и, заручившись поддержкой части представителей Либеральной партии и группы монархистов во главе с генералом И. Метаксасом, сформировал 28 мая 1928 г. очередное коалиционное правительство. Однако баланс сил был уже нарушен, сам Э. Венизелос откровенно претендовал на власть, а противоборствовавшие политические силы из числа его сторонников и противников активизировали свою борьбу.

3 июля 1928 г. Э. Венизелос вновь был назначен премьер-министром Греции, ознаменовав своим возвращением в политическую жизнь страны окончание «смутного времени» правления военных и их ставленников. Фактически они подготовили почву для становления гражданской власти в переходный от монархии к республике период. Политические силы, таким образом, уже приобретали организованную форму и могли выступать как обычные традиционные партии. 9 июля Венизелос распустил парла-

мент и назначил на 19 августа выборы. Следующими шагом премьера было принятие нового закона о системе голосования. В соответствии с ним отменялась прежняя, пропорциональная, и вводилась мажоритарная. Основной причиной, побудившей его на этот шаг, было стремление не допустить создания мелких политических партий, которые претендовали на равное со своими крупными конкурентами участие в политической жизни страны. Это создавало трудности для последних, так как им приходилось зависть при парламентских обсуждениях от незначительной группы депутатов карликовых организаций. Решение об изменении системы голосования осложнило отношения Венизелоса с его бывшими союзниками из числа леволиберальных политиков — генералом Г. Кондилисом, А. Папанастасиу и Г. Кафандарисом, которые возглавляли небольшие партии. Сам генерал перешел в антивенизеллистский лагерь.

Прошедшие выборы оказались удачными для премьер-министра. Возглавлявшая им Либеральная партия получила 47% голосов и 71 место в парламенте. Пребывание Э. Венизелоса на посту премьер-министра в течение четырех лет (1928–1932) ознаменовалось для общественно-политической жизни Греции важными изменениями. Прежде всего был взят курс на модернизацию греческой экономики и создание рабочих мест. Правительство принялось за реформирование судебной системы и армии. 9 апреля 1929 г. произошла смена президента Греции, когда на место, занимавшееся на протяжении долгого времени адмиралом П. Кундуриотисом, был единогласно избран А. Заимис, оказавшийся приемлемой фигурой для всех политических партий, несмотря на его провенизеллистские симпатии. Однако противостояние монархистов, которые видели в созданной государственно-политической системе опасность нестабильности и отсутствие реального политического арбитра (каковым они считали всегда монарха), серьезно влияло на поведение Венизелоса. Не меньшая опасность исходила и от радикально настроенных сил, находившихся на левом фланге греческой политической сцены — коммунистов. Несмотря на их сравнительную малочисленность (до 2 тыс. человек), они могли выступить в роли организаторов социального детонатора в греческом обществе с его нерешенными политическими и экономическими проблемами. Влияние КПГ в профсоюзах также представляло угрозу для режима. 29 июля 1929 г. по инициативе Э. Венизелоса парламент Греции принял закон № 4229, вошедший в новогреческую историю как «Чрезвычайный закон» (Ιδίουζο) и направленный против подрывных и радикальных элементов. Отношение к нему со стороны КПГ, а также ряда левых партий и организаций было однозначно негативным, так как программные установки компартии автоматически рассматривались как программа подрыва государственного строя. Критика в отношении «Идионимо» звучала и со стороны правого лагеря, усмотревшего в нем легитимизацию наступления на все антивенизеллистские силы страны.

Политика премьер-министра как внутри Греции, так и за ее пределами, пользовалась поддержкой ввиду стремления Э. Венизелоса проводить

сбалансированный и в то же время принципиальный курс. Его внешнеполитические акции были направлены на усиление позиций Греции как в регионе, так и в Европе в целом. Что же касалось внутренней политики, то и здесь Венизелос прежде всего рассчитывал на достижение компромисса различных политических сил на либерально-демократических основах. В свою очередь сам премьер считал своей заслугой удачное завершение расселения свыше. Пытаясь спасти положение, правительство Э. Венизелоса предприняло меры против «бегства» капитала из страны, усилило налогообложение импортных товаров и начало стимулировать увеличение экспорта. Одновременно премьер стремился получить от европейских государств займы, с тем, чтобы подавить развивающуюся инфляцию и добиться выплаты процентов по внутренним займам. Финансовое положение страны было столь угрожающим, что Венизелос обратился к Лиге Наций за помощью и попросил предоставить Греции кредит в размере 2 млн 500 тыс. фунтов стерлингов, сопроводив свой запрос предупреждением о возможной отставке (что было крайне нежелательно для ряда европейских держав) в случае, если средства не будут выделены. Несмотря на то что международное сообщество предоставило 2 млн фунтов стерлингов, греческий премьер подал в отставку, так как данная сумма не соответствовала даже минимальным финансовым запросам его страны.

Создание коалиционного правительства с участием в нем лидера оппозиции монархиста П. Цалдариса, на что надеялся Венизелос, не удалось. Оставшись на своем посту, он вновь попытался заручиться финансовой поддержкой со стороны европейских держав и отсрочить выплату процентов по греческим ценным бумагам, находящимся за границей. Ситуация развивалась с драматической быстротой. Правительство перешло к принудительным мерам в финансовой сфере: в июле оно издало постановление, в соответствии с которым все валютные депозиты в греческих банках в обязательном порядке конвертировались в национальную валюту при соотношении 1 доллар США к 100 греческим драхам или 1 британский фунт стерлингов к 385 драхам. Одновременно ставка по выплатам иностранным обладателям греческих ценных бумаг на ближайший год была снижена до 30%.

Финансово-экономические трудности Греции имели и политическое измерение. Желая не допустить дестабилизации обстановки в стране, Венизелос предпринял и ряд политических шагов. Главными среди них стало принятие законов о пропорциональном представительстве и введении цензуры печати под предлогом борьбы с монархической опасностью. Эта непопулярная мера серьезно повлияла на судьбу самого Э. Венизелоса, так как не только роялистская, но либеральная и левоцентристская оппозиция увидели в ней наступление на демократические права и свободы, начатые с момента принятия закона № 4229. После отставки Венизелоса 21 мая 1932 г. и прихода к власти лидера центристов А. Папанастасиу был сформирован новый кабинет, состоявший только из сторонников нового премьера. Естественно, что существование однопартийного правительства в

стране, политический мир которой был расколот на противоположные и во многом равные по силе лагеря, стремящиеся не допустить доминирования своего оппонента во власти, было недолгим, и 5 июня Э. Венизелос вновь оказался в премьерском кресле. Его сторонники в армии, стоявшие на республиканских позициях, были серьезно озабочены складывавшейся в Греции ситуацией. Особую тревогу вызывала консолидация противников Венизелоса под эгидой монархистов, которые пытались сделать ставку на расширение антивенизеллистской оппозиции за счет широкого спектра политических и социальных сил. Именно эти обстоятельства активизировали процесс образования в вооруженных силах подпольной военно-политической республиканской и провенизеллистской офицерской организации, известной как «Военный союз». Несмотря на то что ее деятельность была засекречена, сам факт ее существования был известен различным политикам, а слухи о ней распространились и в греческом обществе. Э. Венизелос попытался использовать ситуацию с тем, чтобы снять с повестки дня на ближайшую перспективу обсуждение вопроса политического и государственного устройства Греции и, таким образом, не допустить усиления монархистов. Однако парламент, увидев в словах премьера угрозу (так как роспуск «Военного союза» ставился Венизелосом в прямую зависимость от отказа дискуссий на эту тему), выступил против. Это послужило поводом для роспуска парламента 18 августа 1932 г. Новые выборы были назначены на 25 сентября.

Результаты голосования показали, что основными конкурентами в политической жизни страны по-прежнему являются две главные силы — Либеральная партия Э. Венизелоса и монархическая Народная партия П. Цалдариса. Они получили соответственно 102 и 96 мест. Серьезного успеха добилась Коммунистическая партия Греции, которая смогла провести в парламент 10 своих депутатов, выступавших от блока «единого фронта рабочих и крестьян». Группа небольших партий центристской, леволиберальной и крайней консервативной направленности также получила незначительное количество мест. Вообще социально-экономический кризис, способствовавший усилению забастовочного движения в разных отраслях промышленности и хозяйства страны, давал КПГ шанс на получение большего числа сторонников, что, в свою очередь, значило распространение влияния на достаточно широкие слои рабочих масс и крестьянства и применение более радикальных средств сопротивления властям.

Отсутствие у каждой из противостоящих сторон большинства в парламенте не позволяло им образовать однопартийное правительство. В то же время разница в политических ориентирах создавала трудности в формировании и коалиционного кабинета. Со второй попытки лидеру монархической Народной партии П. Цалдарису удалось это сделать 4 ноября 1932 г., опершись на антивенизеллистскую оппозицию. Однако уже с самого начала стало ясно, что это правительство нестабильно, так как опирается на парламентское меньшинство (111 депутатов), которому противостояло 129 депутатов из лагеря либералов и их союзников. Правительственный

кризис, разразившийся в начале 1933 г., закончился приходом к власти Венизелоса и роспуском парламента. Новые выборы, прошедшие 5 марта 1933 г., принесли победу монархистам. Их главная сила — Народная партия получила 131 место в парламенте, а венизеллистская Либеральная 111.

Сложившаяся ситуация серьезно обеспокоила военных-республиканцев, во главе которых стоял один из руководителей военного движения 1923 г. генерал Н. Пластирас. 6 марта он попытался провести военный переворот, захватив здание министерства обороны и выведя на улицы греческой столицы небольшой отряд броневедомобилей. Однако ни в армии, ни в обществе эти действия не были поддержаны и генералу пришлось бежать на остров Родос. Президент А. Заимис обратился к ведущим политикам, прежде всего к Э. Венизелосу и П. Цалдарису, а также отдельным представителям генералитета с тем, что бы разрешить создавшуюся ситуацию. После стабилизации положения (на что потребовалось всего несколько дней) премьер-министром стал вновь П. Цалдарис. Однако события марта 1933 г. имели свое продолжение в июне того же года, когда на чету Венизелосов было совершено покушение. Подозрения пали на промонархически настроенных сторонников Народной партии из числа высшего руководства полиции и армии. Летом наступление на бывшего премьер-министра и его партию усилилось — монархистами было инициировано принятие закона о чистке в армии, направленного против офицеров-республиканцев, симпатизировавших Н. Пластирасу. Особенно активную роль в этом играл генерал И. Метаксас, потребовавший снятия неприкосновенности с Э. Венизелоса и передачи дела в суд за то, что якобы он участвовал в попытке военного переворота в марте 1933 г. Положение спас глава Народной партии, премьер-министр страны П. Цалдарис. Он объявил об амнистии участникам событий и не допустил снятия с Венизелоса депутатской неприкосновенности. Отчетливо проявилось желание премьера избежать обострения политической ситуации, и без того крайне нестабильной. Более того, он попытался пойти на определенный компромисс с Венизелосом. Однако последний не собирался ни в чем уступать.

Стремление сохранить некий *status quo* заставляло Цалдариса маневрировать между двумя крайними полюсами — монархистами и либералами, но оставаться в то же время лидером Народной партии. К тому же и соотношение сил в представительном органе страны — греческом парламенте не позволяло ему рассчитывать на какие-либо односторонние действия: в нижней палате доминировали монархисты, а в верхней (сенате) было большинство за либералами. Борьба между противостоящими политическими силами постепенно расширялась. Основными вопросами, по которым она шла, были так называемый президентский и другой, касавшийся системы проведения парламентских выборов. В первом случае на повестке дня стояли перевыборы достигшего 80-летнего возраста президента А. Заимиса, чей срок полномочий вскоре должен был истечь. Цалдарис был заинтересован в продлении пребывания Заимиса на этом посту. Однако для этого он должен был заручиться поддержкой Венизелоса, чья

партия была второй по величине. В свою очередь лидер либералов хотел сохранить прежнюю пропорциональную систему выборов, против которой выступал премьер-министр, а также добиться изменения ряда правил, касающихся продвижения по службе офицеров в интересах республикански настроенных военных. Отказ от выполнения этих требований рассматривался Венизелосом как причина для «наступления» против Народной партии. К тому же и он сам был не прочь занять место президента Греции.

Как показали дальнейшие события, достигнуть обычными способами согласия или соглашения между противостоящими лагерями было невозможно. Поэтому компромисс, к которому в конечном счете пришли «партия власти» и оппозиция, носил во многом случайный характер: группа из 17 сенаторов — членов Либеральной партии согласилась поддержать кандидатуру А. Заимиса в обмен на отмену уже принятого закона о выборах. Получив согласие Цалдариса, они проголосовали на совместном заседании обеих палат парламента за ставленника премьер-министра. Несмотря на, казалось бы, достигнутое *status quo*, Э. Венизелос продолжил наступление на монархистов. Это произошло 3 октября 1934 г. когда его личная охрана арестовала одного из участников июньского покушения. Сам факт участия в официальном расследовании частных детективов-венизелистов был воспринят в правительстве Цалдариса как оскорбление. Более того, произошла целая серия отставок высокопоставленных чинов полиции и жандармерии. Все попытки премьера как-либо успокоить лидера оппозиции не увенчались успехом, и Венизелос покинул Афины, перебравшись на Крит.

Тем временем начавшаяся в мировой экономике стабилизация, позволила греческому правительству, опираясь на принятые ранее меры, сократить инфляцию и увеличить экспорт. На этом фоне шаткий компромисс, достигнутый правительством и Либеральной партией, давал премьер-министру основания надеяться на положительные перспективы. В начале 1935 г. состоялась встреча лидеров греческих партий (за исключением компартии Греции), на которой было принято совместное решение о планах развития страны на ближайшие 5–6 лет. Среди основных мероприятий значились военная реформа, развитие инфраструктуры и реформа образования.

Ситуация в стране расценивалась рядом республиканцев-военных как усиление позиций монархистов. Их беспокоила перспектива заключения какого-либо соглашения между руководством Народной партии, прежде всего П. Цалдарисом, с одной стороны, и высокопоставленными членами Либеральной партии — с другой. Результатом такого договора могло стать навязывание монархистами своего курса, направленного на реставрацию института монархии. Подобная схема развития событий была чревата для многих офицеров потерей ими своих постов и политическими чистками в вооруженных силах страны. Поэтому, стремясь не допустить возможного монархического реванша, они решились на прямое вмешательство в политические дела. 1 марта 1935 г. вспыхнуло несколько очагов военного восстания, руководимого как отставными, так и действующими офицерами: в Афинах,

в Эгейской Македонии, а также на ряде островов. Повстанцы захватили несколько боевых кораблей ВМС, включая и флагман греческого флота «Авероф». Восстание продлилось недолго, а его руководитель генерал Каменос и ряд высших офицеров бежали в соседнюю Болгарию. Участие на заключительной стадии неудавшегося переворота Э. Венизелоса лишь усиливало позиции тех из лагеря монархистов, кто уже давно предупреждал о возможности нелегитимных действий лидера либералов. Значительную роль в подавлении мятежа сыграл министр обороны Греции Г. Кондилис, известный ранее как один из наиболее республикански (и даже просоциалистически) настроенных генералов.

Поражение неподготовленного и не пользовавшегося поддержкой вооруженного восстания (а точнее, мятежа) означало конец шаткого равновесия между венизелитами и монархистами, достигнутого с большим трудом. Используя сложившееся положение, последние прибегли к жестким и оправданным с точки зрения закона мерам, преследуя при этом, разумеется, собственные цели ликвидации республиканской оппозиции в армии и обществе. Часть обвиняемых по делу о заговоре была приговорена к смертной казни. В их число, помимо остальных, вошли Э. Венизелос, генералы Н. Пластирас, Каменос, Папулос (правда все они, за исключением последнего, уже были вне Греции). В стране начались массовые политические чистки в армии, высших учебных и в государственных учреждениях. Следующим шагом правительства П. Цалдариса стал роспуск верхней палаты парламента, в которой доминировали представители Либеральной партии. Вслед за этим последовал ряд мер, направленных на ослабление судебной власти, а затем и окончательный роспуск парламента. Было объявлено о назначенных на 9 июня выборах в Национальное собрание — орган, чье существование и полномочия никак не определялись действующей конституцией. Более того, в апреле 1935 г. генерал Г. Кондилис, занявший пост вице-премьера после подавления венизелитского восстания, озвучил решение правительства провести плебисцит об отношении к монархии, несмотря на тот факт, что этот вопрос уже было решен в 1924 г. и в стране была установлена республика. Все действия правительства свидетельствовали о подготовке к серьезным политическим и общественным изменениям.

Период 1924–1935 гг. был важным и для международных позиций Греции. Ее превращение в балканскую державу, произошедшее в первое десятилетие XX в., требовало поддержания этого статуса и в последующем, делая необходимым его расширение до масштабов средиземноморского региона. Стране предстояло решить спорные и конфликтные вопросы со своими соседями — Турцией, Болгарией, Югославией, Албанией, а также с отдельными европейскими державами — Италией, Францией и Великобританией. Переход в «клуб» континентальных государств, имевших стабильные региональные интересы в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, требовал от Греции уже отказа от традиционного статуса покровительствуемой страны и создания собственного сектора на регионально-континентальном поле.

Одним из главных вопросов в этой связи было урегулирование отношений с Турцией. На начальном этапе основные трудности касались процесса обмена населения, о чем была достигнута договоренность после греко-турецкой войны. Второй проблемой было существование Константинопольского патриархата. Турки рассматривали ее как источник потенциальной опасности для себя в силу сложившегося исторически статуса этого конфессионального института — нередко он выполнял гражданско-представительскую роль в отношениях между христианами и турецким государством. Однако в соответствии с достигнутыми договоренностями Анкара согласилась с сохранением Константинопольского патриархата, но при условии выполнения им исключительно религиозных функций.

Серьезные проблемы существовали и в отношениях Греции с Болгарией. Прежде всего они касались обмена национальных меньшинствами между двумя странами. В июле 1924 г. в результате пограничного инцидента, в котором по вине греческих военных погибло несколько гражданских лиц — болгар по происхождению, являвшихся гражданами Греции и заподозренных в помощи *комитаджиям*, отношения между соседними балканскими странами вновь, как это бывало не раз в их истории, обострились. Посредничество Лиги Наций, а также ряда европейских государств способствовало подписанию Афинами и Софией специального протокола об обмене национальными меньшинствами, вошедшего в историю по именам министров иностранных дел двух государств как «Протокол Калфов—Политис». Однако ситуация на болгаро-греческой границе продолжала оставаться тревожной, а осенью 1925 г. она грозила перерасти вообще в полномасштабные боевые действия из-за очередной серии перестрелок между пограничниками сопредельных стран. Так, в частности, в ответ на убийство греческого офицера-парламентера, направившегося под белым флагом к болгарским позициям, войска Третьего армейского корпуса греческих вооруженных сил перешли границу и взяли под контроль приграничную территорию Болгарии, войдя в глубь территории на 25–35 км. Конфликт был разрешен вновь при посредничестве Лиги Наций.

Не менее сложно складывались отношения Греции с Королевством сербов, хорватов и словенцев, переименованном позже в Королевство Югославия. В соответствии с достигнутыми договоренностями порт Салоники получал статус нейтрального пункта транзита для Югославии в ее средиземноморской торговле. Греки пошли на серьезные уступки Белграду, снизив до минимума тарифы на перевозки грузов и отказываясь от решения спорных этнических вопросов с Софией, делая реверансы в сторону Югославии. В свою очередь последняя все настойчивее пыталась добиться расширения свободной зоны в Салониках, постройки более современной железнодорожной ветки Гевгели — Салоники и фактической передачи порта под контроль Белграда. Естественно, что подобная позиция была неприемлема для греков и переговоры по данному вопросу продолжались до конца 20-х гг.

Серьезное влияние на характер международных отношений Греции оказывала ситуация внутри страны. Приход к власти в июне 1925 г. генерала

Т. Пангалоса способствовал активизации переговорных процессов греческой стороны с представителями стран, с которыми у Греции существовали нерешенные вопросы. Во многом это объяснялось стремлением захватившего власть генерала добиться побед на «внешнеполитическом» фронте, а также получить поддержку от европейских держав для проведения хозяйственно-экономических реформ внутри Греции. Прежде всего были предприняты усилия на «итальянском» направлении: переговоры греческого посла с Б. Муссолини весной 1926 г. касались положения в Средиземноморье и роли в этом районе Британии и Франции. Несмотря на тесную связь Афин с Лондоном и Парижем, греческий представитель на словах (что было уже необычно для Греции) согласился на отказ от сотрудничества с военными миссиями Франции и Британии (выполнявшими организационно-координирующую роль в военных вопросах между правительствами этих стран). При этом греческая сторона приняла аргументацию дуче о нежелательности усиления и без того широкомасштабного присутствия Великобритании в Средиземноморском регионе. Вообще во внешнеполитической активности Греции периода правления Пангалоса отчетливо выявилась одна особенность — это стремление перейти к диверсифицированной системе отношений с другими странами, то есть отказаться от полной зависимости от одного или группы государств и создать для себя собственное поле. Именно таким подходом объяснялось оживление отношений с Югославией и даже более того — готовность генерала-диктатора пойти на уступки по вопросу эксплуатации железнодорожной линии Гевгели — Салоники. В соответствии с заключенным в августе 1926 г. Договором о дружбе эта ветка оставалась под греческим контролем, но делались существенные тарифные послабления, а также увеличивался размер салоникинской свободной зоны для Югославии. Договор, однако, остался на бумаге, так как не был ратифицирован после свержения Т. Пангалоса.

На некоторое время после отстранения от власти генерала внешняя политика не была в числе приоритетных областей для сменявшихся правительств страны. Их основное внимание было сконцентрировано на внутриполитических проблемах, прежде всего экономических и финансовых. Поэтому внешнеполитическая сфера деятельности правительственных кабинетов исчерпывалась вопросами экономическими — греческие долги международным финансовым институтам, отдельным государствам или их группам, а также подписание торговых соглашений с соседними странами. После прихода к власти в 1928 г. премьер-министра Э. Венизелоса внешнеполитическое направление вновь активизировалось. На повестку дня был поставлен вопрос закрепления позиций страны как на Балканском полуострове, так и в регионе Средиземного моря. Уже в сентябре Венизелос посетил Рим, где встретился с Муссолини и подписал с ним Договор о дружбе и примирении. Одновременно он заверил Королевство Югославию в том, что греко-итальянский договор не направлен против Белграда. Чтобы развеять сомнения на этот счет в октябре того же года Венизелос посетил Югославию с официальным визитом. 27 марта 1929 г. между правитель-

ствами двух стран был подписан Договор о дружбе, мире и юридическом урегулировании, который подтверждал контроль Греции над свободной зоной Салоник и не предусматривал расширения ее границ. Одновременно железнодорожная ветка Гевгели — Салоники полностью переходила под управление греческих властей. Вся деятельность Э. Венизелоса на «югославском» направлении недвусмысленно показывала его стремление добиться как можно более тесного сотрудничества с Белградом в деле создания в перспективе военно-политического союза. Во многом это было обусловлено обоюдным интересом двух стран не допустить ревизии Версальской мирной системы.

Наиболее серьезные проблемы для греческой внешней политики продолжали оставаться на «турецком» направлении. Пребывание Э. Венизелоса на посту премьер-министра Греции способствовало поиску компромисса с Анкарой. Прежде всего он заявил о своей уверенности в мирных намерениях восточного соседа и выступил в вопросе реформирования флота в пользу постройки легких боевых судов, способных обеспечить безопасность Греции, но являющихся наступательным оружием. Этим шагом он снял обострившиеся в 1929 г. противоречия между соседними государствами, возникшие в связи с опасениями Турции относительно возможного нарушения равенства в военно-морском вооружении двух держав. Другой немаловажной и существовавшей уже долгое время проблемой была так называемая проблема беженцев, связанная с обменом национальными меньшинствами и компенсацией оставленного (утраченного) имущества. 10 июня 1930 г. эти вопросы нашли свое разрешение в специальной конвенции, впоследствии одобренной парламентами двух государств. Этот документ сыграл важную роль в нормализации отношений между Грецией и Турцией до такой степени, что Э. Венизелос нанес в октябре 1930 г. официальный визит в Турцию, где был достаточно тепло встречен как властями страны, в частности президентом К. Ататюрком и премьер-министром И. Иненю, так и населением. В ходе пятидневного пребывания греческой правительственной делегации были подписаны двусторонние договоры — Договор о нейтралитете, мире и арбитраже, Протокол об ограничении морских вооружений и Торговая конвенция, способствовавшие изменению характера греко-турецких отношений и позволявшие Венизелосу сконцентрировать усилия на достижении Грецией более прочных позиций в средиземноморско-балканском регионе.

В целях реализации выбранного курса в октябре 1930 г. в Афинах собралась так называемая Балканская конференция. В ней приняли участие представители Албании, Болгарии, Румынии и Турции. Несмотря на свой неофициальный статус и председательство на ней бывшего премьер-министра Греции социалиста А. Папанастасиу, она являлась практическим продолжением венизелистской политики укрепления региональной роли Греции. Создание специальных комитетов, занимающихся на межгосударственном уровне политическими, социальными и экономическими проблемами, являлось первой серьезной попыткой образования международной региональной организации на Балканах с участием всех стран полуострова.

Однако в Афинах хорошо понимали, что без прочных отношений с европейскими державами и, прежде всего традиционными партнерами Греции, среди которых ведущую роль играла Великобритания, невозможно добиться желаемого для страны статуса средиземноморско-балканской державы. Обострившиеся отношения между британской колониальной администрацией и греческой общиной на Кипре, приведшие к вооруженным столкновениям и жертвам, серьезно осложняли задачу премьер-министра. Его позиция, заключающаяся в интерпретации событий как конфликта, не имеющего отношения к Греции и носящего «внутрибританский характер», была расценена греками крайне негативно, а он сам был публично обвинен различными политическими силами в предательстве национальных интересов. В то же время Э. Венизелос, умело использовав очередную, 110-ю годовщину начала греческого восстания и проходившие в Англии по этому случаю совместные англо-греческие торжества, провел успешные переговоры с Лондоном относительно финансово-экономической помощи Греции. Аналогичные переговоры он провел и в Париже. Премьер не забывал и «балканское» направление — в октябре 1931 г. при энергичной подготовительной работе греческой стороны в Стамбуле состоялась вторая Балканская конференция, на которой греческая делегация представила для обсуждения и подписания проект так называемого Балканского пакта. Однако он не был заключен из-за разногласий по ряду принципиальных для стран региона вопросов, среди которых не последнюю роль играл этнотерриториальный. Состоявшаяся в 1932 г. третья Балканская конференция вновь продемонстрировала стремление Греции добиться расширения своего влияния на полуострове и создать в регионе военно-политическую структуру, способную противостоять внерегиональным силам и служить арбитром во внутрибалканских спорах.

После ухода Э. Венизелоса с поста премьер-министра и прихода к власти в 1933 г. представителя монархической Народной партии П. Цалдариса во внешней политике страны не произошло серьезных изменений. На повестке дня греческой дипломатии продолжал оставаться вопрос создания общебалканской организации — военно-политического союза стран полуострова. Вновь, как и прежде, представители Греции продолжили попытки выработать приемлемую для большинства государств региона программу действий в этом направлении. На очередной балканской конференции в ноябре 1933 г. в Салониках они выступили с инициативой создания Балканского пакта. К 1934 г. все очевидней становилась вероятность заключения такого договора между отдельными государствами полуострова, стремившимися не допустить ревизии Версальского договора и обезопасить себя от тех, кто мог на это пойти — Болгарии и Венгрии. Система международных отношений уже знала примеры создания региональных союзов с участием государств Центральной и Восточной Европы, к числу которых относились Малая Антанта (Румыния, Чехословакия и Югославия) и Балтийская Антанта (Латвия, Литва и Эстония). Поэтому подписание 9 февраля 1934 г. военно-политического договора между Грецией, Турцией,

Югославией и Румынией об образовании Балканской Антанты не было чем-то новым в общей системе европейских отношений, но в то же время свидетельствовало о фрагментации восточноевропейского геополитического пространства, оказавшегося разделенным на три военно-политические группировки. Присутствие в новом объединении Румынии и Югославии, являвшихся одновременно и членами Малой Антанты, давало основания говорить о более сложной картине, чем формальное разделение этого региона на несколько военно-политических союзов. Греция в новых условиях укрепляла свои позиции не только в средиземноморско-балканском районе, но и получала опосредованно выход в европейский регион.

Рестаурация или «стабилизация»?

Прошедшие 9 июня 1935 г. всеобщие выборы в Национальное собрание, в которых республиканские партии в знак протеста не участвовали, принесли полную победу Народной партии П. Цалдариса, получившей 243 места из 300. Национально-радикальная партия генерала Г. Кондилиса смогла провести 37 кандидатов в депутаты, остальные малочисленные политические группы — 7. Уже на своем первом заседании, состоявшемся в начале июля 1935 г., новосозданный орган принял решение о плебисците по «королевскому вопросу», но без определения точной даты его проведения. В свою очередь Кондилис, являвшийся членом кабинета министров, потребовал лично от премьера Цалдариса выразить свое отношение к этому событию. Несмотря на попытки последнего отложить проведение плебисцита и откровенный шантаж Кондилиса уйти в отставку, если он не пройдет в ближайшее время, правительство постаралось оттянуть хотя бы на некоторое время решение вопроса. Но впоследствии оно было вынуждено уже открыто заявить о своей поддержке идеи восстановления монархии в стране. Позиция Цалдариса определялась его желанием избежать внутривластного кризиса, который мог возникнуть в случае скорого проведения плебисцита. Он прекрасно понимал, что силы республиканцев и монархистов равны, а дальнейшая конфронтация может привести к непредсказуемым последствиям. В то же время в расчет бралась и решительность сторонников монархии, прежде всего из числа генералов и офицеров, приступивших к созданию тайных конспиративных организаций.

К осени 1935 г. ситуация в правящих кругах Греции обострилась. Правительство П. Цалдариса начало испытывать на себе сильное давление со стороны радикально настроенных монархистов, нетерпеливо ожидавших 3 ноября — дня проведения плебисцита и готовившихся противостоять всеми средствами республиканцам в случае победы последних. 10 октября, когда Цалдарис ехал в сопровождении малочисленной охраны из Кифиссы в Афины, он был перехвачен генералами Г. Кондилисом, А. Папагосом и адмиралом Реппасом, потребовавшими от премьер-министра — лидера Народной партии его отставки и передачи в их руки всей полноты государственной власти до восстановления на троне короля Георгиоса II.

Кондилис назначил сам себя премьером. Нарушая все необходимые и полагающиеся по этому случаю процедуры, новосформированное правительство потребовало от Национального собрания одобрения намерений кабинета объявить Грецию монархией, но не восстанавливать сам институт до окончательного подсчета голосов во время плебисцита и не допускать до этого момента возвращения короля. В сложившейся ситуации пост президента страны ликвидировался, а занимавший его А. Заимис прекращал выполнять свои полномочия. Одновременно генерал Кондилис становился регентом находящегося в изгнании в Великобритании короля Георгиоса II.

Прошедший под пристальным присмотром Г. Кондилиса и его военной группировки плебисцит, во время которого были предприняты широкий набор способов фальсификации и подтасовок, завершился победой сторонников восстановления монархии, которых, как заявлялось об этом официально, оказалось 97% участвовавших в процедуре.

Получив необходимые формальные основания для реставрации монархии в стране, инициаторы этого государственного политического переворота во главе с генералом Кондилисом и рядом других высокопоставленных военных и гражданских лиц обратились к находившемуся в Лондоне королю Георгиосу II с предложением вернуться на греческий трон. 14 ноября он выехал из Великобритании и отправился в Грецию, куда прибыл 25 ноября.

Многие в стране надеялись на изменение политической ситуации после возвращения из эмиграции монарха. Сам Георгиос рассчитывал на достижение политического мира в обществе и проявлял обеспокоенность попытками радикально настроенных монархистов взять реванш над своими противниками из числа республиканцев и фактически физически их ликвидировать. Уже по прибытии в Грецию между ним и рядом политических и военных деятелей возникли противоречия относительно целесообразности проведения всеобщей амнистии. Конфликт был настолько серьезен, что король пошел на смещение Кондилиса с поста премьер-министра и назначил на этот пост профессора Афинского университета Демердзиса. Вопреки противодействию противников амнистии, по настоянию Георгиоса II Национальное собрание одобрило закон о ее проведении. Более того, желая добиться стабилизации общественно-политического развития и расширить круг участников политического процесса, король способствовал проведению досрочных выборов, которые были назначены на 26 января 1936 г.

Прошедшие всеобщие выборы принесли победу Народной партии П. Цалдариса, которая вместе со своими союзниками из числа радикально настроенных монархистов и при поддержке Народно-радикальной партии генерала Г. Кондилиса получила 143 места в парламенте страны. Либеральная партия, которую возглавил после эмиграции Э. Венизелоса Ф. Софулис, смогла получить вместе с союзниками из Крестьянской и Республиканской партий 141 мандат. Таким образом, она стала второй по числу депутатов в парламенте партией, уступив своему главному оппоненту лишь на два места. Но наиболее внушительной победы добилась греческая компартия,

которая, используя тактику блока Народного фронта, смогла провести в парламент 15 своих депутатов. Пропорциональная система выборов, использовавшаяся 26 января 1936 г., позволила КПГ превратиться в «партию решающего меньшинства», так как ни одна из традиционных противостоящих сил — ни монархическая Народная, ни республиканская Либеральная партии не имели большинства в парламенте и не могли рассчитывать только на собственные силы при решении того или иного вопроса без вхождения в союз (или блок) с представителями Народного фронта. Во многом именно благодаря их поддержке Ф. Софулис был выбран председателем парламента. Однако он не смог стать премьером, так как, понадеявшись на поддержку Цалдариса, с которым хотел заключить тактический договор, Софулис отказался от поддержки народнофронтовских представителей. Такая позиция лидера либералов была обусловлена действиями компартии, стремившейся перетянуть Софулиса на свою сторону и использовавшая сомнительный даже для греческой политической жизни середины 30-х гг. прием — опубликование секретного протокола о взаимодействии между представителями КПГ и Либеральной партии в парламенте. Софулис, испугавшись обвинений в пособничестве коммунистам, порвал с ними отношения.

Достаточно серьезно на расстановку политических сил в Греции весной 1936 г. повлияли и три «привходящих», субъективных обстоятельства — неожиданные смерти 31 января Г. Кондилиса, 18 марта Э. Венизелоса¹ и 13 апреля К. Демердзиса. При этом уход последнего с политической арены фактически изменил вектор политического развития Греции, так как, являясь приемлемой фигурой и для Народной, и для Либеральной партий, он мог возглавить коалиционное правительство, что в условиях равенства сил двух противостоящих сторон — монархистов и либералов — позволяло сформировать некое подобие коалиционного правительства, что и было сделано 15 марта 1936 г. После его смерти произошло изменение баланса сил в пользу Народной партии и радикально настроенных монархистов. Пост премьер-министра перешел к исполнявшему обязанности вице-преьера в бытность К. Демердзиса главой кабинета генералу И. Метаксасу. Под предлогом необходимости стабилизации положения и с тем, чтобы избежать негативного влияния межпартийной борьбы на законотворческий процесс, Метаксас добился приостановки деятельности парламента на ближайшие пять месяцев до 30 сентября 1936 г.² Обладая решительным характером с откровенно диктаторскими чертами, новый премьер начал переходить к «директивному» управлению страной, добившись для себя права издавать законы в форме декретов и постановлений. Скоропостижная смерть 16 мая П. Цалдариса, возглавлявшего одну из ведущих политических партий Греции — Народную партию, — развязала руки

¹ Он скончался в Париже, находясь в эмиграции.

² Подробнее в: *Mavrogordatos G. Th. Still-born Republic: Social Coalitions and Party Strategies, 1922–1936*. Berkeley, 1983.

Метакасу, так как из всех политических лидеров страны ни одна не могла сравниться по своему влиянию и опыту с умершими Э. Венизелосом, Г. Кондилисом, Демердзисом и П. Цалдарисом, А. Папанастасиу, А. Заимисом и П. Кундуриотисом.

Расчет на стабилизирующую роль института монархии в обществе и надежды на короля Георгиоса II как гаранта единства нации постепенно начинали ослабевать. В этих условиях активизировались все политические силы Греции и особенно те из них, которые являлись наиболее радикально настроенными. Коммунистическая партия Греции попыталась использовать ситуацию с тем, чтобы оказать силовое давление на формирующийся режим. При этом основная ставка делалась на усиление «классовой борьбы». Учитывая, что из 577 тыс. 630 работников по найму 134 тыс. принадлежало к профсоюзам, руководство коммунистов постаралось усилить свои позиции в профсоюзном движении, что и было сделано не без успеха: подконтрольная компартии Единая общая конфедерация трудящихся Греции (ЭГСЭЭ) насчитывала 28 тыс. 350 членов, в то время как контролировавшиеся республиканцами и троцкистами Общая конфедерация трудящихся Греции (ГСЭЭ) и Независимые профсоюзы (АС) 14 тыс. 700 и 15 тыс. 165 членов. Прошедшие 9–10 мая 1936 г. волнения в Салониках, в которых участвовали рабочие-табачники, закончились массовыми арестами и жертвами среди демонстрантов. События во втором по величине и значимости городе Греции свидетельствовали, что социальная напряженность в стране достаточно высока и существует реальная возможность повторения подобного в будущем. Стремясь вернуться к конституционной форме политического развития Греции, лидеры крупнейших политических партий — Народной и Либеральной — Г. Теотокас и Ф. Софулис обратились 22 июля к Георгиосу II с предложением заключить договор о «ненападении» с тем, что бы выйти из создавшегося кризисного положения. Однако монарх в силу собственных убеждений, а также и под влиянием И. Метакаса достаточно резко отозвался о возможности такого политического шага. В свою очередь коммунисты, исключенные из политического процесса, но получившие на выборах в январе 1936 г. достаточную поддержку, решили прибегнуть к испытанному методу из своего арсенала — силовому нажиму на правительство И. Метакаса. Предлогом послужило введение новых правил разрешения трудовых споров, предусматривающих обязательный государственный арбитраж (что фактически наносило удар по профсоюзам). Компартия объявила о проведении 24-часовой забастовки по всей стране в знак протеста против нового закона. Стремясь не допустить массовых волнений и роста прокоммунистических настроений, а также увидев в надвигающихся событиях угрозу личной власти, генерал И. Метакас обратился к королю Георгиосу II с предложением отменить действие ряда статей конституции (которая так и не была переделана из республиканской в монархическую), касавшихся гарантий соблюдения прав и свобод граждан, мотивируя свою позицию коммунистической опасностью. 4 августа, за день до намеченной всеобщей забастовки, И. Метак-

кчас получил, опираясь на монархически настроенную верхушку армии, исключительные полномочия от короля. Фактически была установлена его единоличная диктатура, с которой должен был считаться греческий монарх, терявший реальную власть и выполнявший представительские функции. Вводилась жесткая цензура прессы, были произведены аресты несогласных с режимом, и прежде всего коммунистов. Парламент распускался на неопределенный срок. Распределение обязанностей в кабинете, сформированном генералом, отличалось от предыдущих правительств коренным образом: посты премьер-министра, министра иностранных дел, обороны, военно-морских и военно-воздушных сил занимал сам Метаксас. Остальные министры были набраны из числа специалистов-экономистов или отставных старших офицеров. Приход к власти И. Метаксаса в качестве премьер-министра в апреле 1936 г. и фактическое установление его диктатуры 4 августа того же года во многом было результатом влияния внешнеполитического фактора в лице Великобритании. Попытки еще в конце 20-х гг., предпринимавшиеся Э. Венизелосом и направленные на сохранение тесных отношений с Лондоном при активизации связей с Римом, серьезно обеспокоили британскую дипломатию¹. Восстановление монархии, происходившее при самом непосредственном участии Британии, заинтересованной в Георгиосе II как близком Лондону политике, привела в конечном счете к передаче власти И. Метаксасу, хотя и настроенному прогермански, но не склонному усиливать взаимоотношения с Италией.

Режим, установленный И. Метаксасом, представлял собой авторитарную диктатуру, пытавшуюся опереться на широкие социальные слои. Руководствуясь как конъюнктурными популистскими соображениями, так и стремлением провести стабилизационные мероприятия в социальной и экономической сферах, генерал принялся за проведение в жизнь широкого спектра реформ. Прежде всего он постарался изменить трудовое законодательство и ввел обязательную систему арбитража при возникновении трудовых споров. Одновременно вводилась практика подписания коллективных договоров при найме на работу, ограничение рабочего дня до 8 часов с обязательной оплатой выходных и праздничных дней и установление минимальной заработной платы. Особое внимание уделялось развитию системы социального обеспечения, медицинского обслуживания и медицинского страхования. Генерал приступил к выполнению программы массового строительства жилья, столь необходимого для сотен тысяч беженцев из Малой Азии, для которых эта проблема была наиболее острой. Он постарался сократить долги, сделав их перезачет, крестьянским хозяйствам, серьезно пострадавшим в последнее время из-за падения цен на сельскохозяйственную продукцию.

¹ Κάτση Α. Πώς και γιατί έφτασε η Ελλάδα στη δικτατορία Ιωάννη Μεταξά//Πολίτη. 2001. 5. 8.

Реформы коснулись и вооруженных сил. Прежде всего, были произведены кадровые перестановки и со своих постов сняты те из генералов и офицеров, кто вызывал сомнения у Метаксаса относительно их лояльности установленному режиму. Это, однако, негативно сказалось на профессионализме офицерского корпуса и генералитета. Следующим шагом, предпринятым диктатором, было обновление технического парка армии и флота. Начались делаться закупки в Великобритании и США ряда видов вооружений, хотя и в ограниченном количестве. Генерал занялся реорганизацией родов и видов вооруженных сил, что нашло свое отражением в изменении структуры боевых частей, их технической оснащенности и подготовке.

Все эти мероприятия, имевшие характер широкомасштабных реформ, имели и специфические особенности — они проводились в непривычной для Греции обстановке насаждения общегосударственной идеологической и политической модели, сознательно и целенаправленно культивировавшейся властями и прежде всего лично И. Метаксасом. В соответствии с ней идеологическая основа выражалась в концепции «Третьей эллинской цивилизации». Ее суть заключалась в утверждении принципа преемственности установленного режима, объявлявшегося наследником первых двух «эллинских цивилизаций» — древней языческой Греции и христианской Византии. Диктатор заявил о необходимости сочетать древнее наследие с современными традициями. В полном соответствии с принципами существования любого авторитарного режима генерал старался представить себя «отцом нации» и «покровителем трудящихся», что нашло свое отражение в принятии им звания «первого крестьянина» и «первого рабочего». Особое внимание Метаксас уделял молодежи, так как отлично понимал, что, получив опору в ней, он сможет развернуть пропагандистскую работу в разных социальных слоях общества. С этой целью он создал Национальную организацию молодежи (ЭОН), которая с самого начала превратилась в государственную структуру, занятую идеологической и политической подготовкой молодежи на основе концепции «Третьей эллинской цивилизации». В школе и высших учебных заведениях была проведена ревизия учебных пособий и учебных курсов. В соответствии с новыми правилами из учебных программ изымалось все, что было так или иначе связано с положительной оценкой демократических ценностей или критикой авторитарных форм правления. Цензуре подверглись даже произведения Софокла и Перикла. Власти занялись и «языковым вопросом», всегда стоявшим в Греции и приобретшим в XX в. социальное измерение. Его суть заключалась в ожесточенной борьбе между сторонниками официального архаизированного языка *кафаревусы* (так называемого чистого языка) и теми, кто выступал за замену его *димотикой* (разговорным языком). Для большинства греков, которые с трудом понимали кафаревусу, ее использование означало принадлежность к высшим слоям общества. Режим 4 августа, как стала называться установленная И. Метаксасом диктатура, видел в «чистом языке» идейно-политическое средство пропаганды офици-

альной концепции «Третьей эллинской цивилизации» и борьба против сторонников димотики имела политическую направленность.

Одним из характерных элементов внутривнутриполитической ситуации в Греции стала борьба с любой оппозицией, противостоящей диктатуре. Министерство общественной безопасности или, как была известна эта организация в просторечье *асфалия*, взяло на себя основные функции подавления инакомыслия в стране. Во главе ведомства Метаксасом был назначен бывший артиллерийский офицер К. Маниадакис, который, как оказалось позднее, обладал всеми необходимыми качествами для кандидата на такой высокий пост. Мероприятия, планировавшиеся и осуществлявшиеся им лично, отличались тщательностью, продуманностью и тонким психологическим расчетом. Стремясь, в частности, парализовать греческое коммунистическое движение, основными представителями которого являлись местная компартия, насчитывавшая около 14 тыс. членов, и малочисленные, но весьма активные троцкистские группки, министр общественной безопасности прибег как к испытанным методам борьбы с «коммунистической опасностью», так и новым. После многочисленных арестов и ссылок практически всего руководящего состава КПГ и основного корпуса активистов, включая Генсека компартии Н. Захариадиса, Маниадакис начал проводить в жизнь следующую часть своего плана: арестованные члены партии должны были подписать «Декларацию покаяния» («Δήλωση μετανίας»), в которой они отрекались от коммунизма и КПГ, осуждали свои прежние политические взгляды и деятельность. В обмен на это их освобождали из заключения, с них снималась судимость и предоставлялось право устройства на работу. Насколько жестко придерживался министр безопасности разработанных им самим правил, свидетельствует тот факт, что те из служащих полиции и жандармерии, которые чинили препятствия освобожденным из тюрьмы раскаявшимся коммунистам при устройстве на работу или создавали им трудности иным способом, немедленно увольнялись из этих организаций — Маниадакис был заинтересован в окончательном подрыве коммунизма в стране, но при помощи нетрадиционных и, как показала практика, действенных мер.

Следующим этапом разработанной им операции было создание из агентов асфалии, завербованных в руководящих структурах КПГ и тех членов партии, кто не подозревал об этом, некоего высшего органа партии, названного «Временным руководством». Учитывая тот факт, что практически все аппаратчики компартии из высшего эшелона находились в тюрьме, а на свободе оставались деятели «второго» и «третьего» ряда, создавшие свои руководящие структуры в виде «Старого ЦК» и т. д., можно представить, к каким последствиям вела политика министра госбезопасности.

Ситуация внутри страны, несмотря на стремление И. Метаксаса стабилизировать ее, продолжала оставаться беспокойной. Оппозиция, которую составили представители политических партий, оказалась не в состоянии консолидироваться из-за постоянных разногласий относительно способов и перспектив совместной борьбы с диктатурой. Немаловажное значение

имели и репрессии, проводившиеся режимом в отношении оппонентов. 28 января 1938 г. Министерство безопасности объявило о раскрытии заговора и попытке покушения на И. Метаксаса. Под этим предлогом было арестовано несколько крупных политиков, которые вскоре были сосланы на острова Эгейского моря. Расширилось преследование подпольных структур КПГ. В июле 1938 г. политическая нестабильность достигла своей кульминации, когда на острове Крит вспыхнуло восстание, во главе которого стояли представители Либеральной партии, в частности, племянник Венизелоса и бывший член правительства Мицотакис, известные гражданские политики-республиканцы и военные, близкие к ним. В восстании приняли активное участие и отдельные руководящие члены греческой компартии. За попыткой переворота стоял эмигрировавший во Францию генерал Н. Пластирас, а по некоторым сведениям конца 40-х гг., и министр финансов в правительстве И. Метаксаса крупный банкир Э. Цудерос. Свыше 500 вооруженных повстанцев захватили Ханьи — центральный город острова и призвали ко всеобщему восстанию. Однако мятеж был вскоре подавлен правительственными войсками.

Внутренняя политика, проводившаяся И. Метаксасом, во многом испытывала влияние «германского» и «итальянского» факторов. Генерал с восхищением относился к Б. Муссолини и А. Гитлеру, видя в них сильные личности, способные объединить нацию и вывести свои страны на передовые рубежи. В то же время, несмотря на кажущуюся похожесть греческого режима на германскую и итальянскую модель, его нельзя было сравнить со сложившимися в этих государствах тоталитарными обществами.

Наибольшие трудности Метаксас испытывал во внешней политике, так как, в силу объективных геостратегических реалий Греция оказывалась объектом экспансии со стороны Италии и Германии. Поэтому внешнеполитические предпочтения Афин были на стороне антигерманского лагеря и прежде всего ориентировались на Великобританию. Одновременно Метаксас пытался избежать прямой конфронтации с Римом и Берлином. Еще накануне установления военной диктатуры он предпринял ряд шагов в этом направлении. Так, в частности, на очередной Балканской конференции, проходившей в Белграде 4–6 мая 1936 г., он выступил от имени Греции с заявлением о том, что его страна не хотела бы вовлечения в какой-либо военно-политический конфликт, участниками которого с «противоположной стороны» были бы Италия, Болгария или Венгрия. В свою очередь Берлин постарался усилить свое экономическое влияние в Греции, являвшейся частью средиземноморско-балканского региона — одного из стратегически важных для Германии. Расширился объем товарооборота между двумя странами, а также начал расти экспорт греческой сельскохозяйственной продукции в рейх. На состоявшемся в феврале 1938 г. в Анкаре заседании Совета Балканской Антанты генерал Метаксас, представлявший Грецию, заявил о согласии признать Абисснию итальянскими владениями, что было сделано ранее Югославией и Румынией. Одновременно активизировались отношения Афин с другими балканскими столицами.

и прежде всего с Анкарой и Бухарестом, что было во многом обусловлено расширявшимся взаимодействием Турции и Румынии с Германией. Греческий генеральный штаб подписал ряд соглашений с генеральными штабами соседних Балканских государств. Серьезные изменения произошли и во внутрирегиональных отношениях — 31 июля 1938 г. в Салониках был подписан договор о дружбе и ненападении между Балканской Антантой и Болгарией, что позволяло последней провести перевооружение армии и снимало серьезные ограничения, наложенные на нее Нейским мирным договором. Более того, достаточно реальным становилось «приближение» Болгарии к Эгейскому морю, так как на повестке дня уже стоял вопрос о предоставлении права Софии пользоваться портами Салоники или Адринопполиса (Дедеагача). Однако, как это уже бывало не раз в балканской истории, в связи с обострившимися разногласиями и традиционными амбициями, подпитываемыми великими державами, балканскому единству не было суждено сбыться и в последний момент выяснилась невозможность заключения подобного договора.

Тем временем положение на Балканах начало осложняться из-за активных наступательных действий Италии, принявшей за осуществление своего плана распространения влияния на полуострове и в восточном Средиземноморье. Одной из первых жертв итальянского экспансионизма стала самая маленькая и наиболее слабая страна региона — Албания. 7 апреля 1939 г. итальянские войска высадились в основных портах этого государства и вскоре заняли его столицу Тирану. Понимая, что албанское направление римских стратегов является лишь прологом к более серьезным действиям в регионе, во многих столицах стран полуострова начали искать возможных защитников из числа внерегиональных великих держав. Для Греции в этих условиях принципиальными становились отношения с Великобританией, рассматривавшей Средиземноморье как жизненно важный для себя регион. Генерал И. Метаксас обратился к британскому правительству с тем, чтобы получить гарантии на случай возможных итальянских угроз греческому суверенитету. Лондон предоставил такие обещания не только Греции, но и Румынии. Стремясь добиться максимально благоприятного климата в своих отношениях с Болгарией, Метаксас возобновил контакты с болгарским правительством на предмет возможного предоставления Болгарии выхода к Эгейскому морю в обмен на ее присоединение к Балканской Антанте. Однако София выступила с требованиями относительно Добруджи (потерянной Болгарией в ходе Второй Балканской и Первой мировой войн). На этом фоне становилась понятна активность греческого внешнеполитического ведомства, активизировавшего свои контакты с югославскими, румынскими и турецкими партнерами.

Внешнеполитические акции правительства И. Метаксаса испытывали на себе влияние экономических факторов. Несмотря на предоставление Британией кредита в размере 2 млн фунтов стерлингов, у Греции возникли проблемы с платежами по предыдущим займам, размещенным в европейских странах.

По мере того как генерал сталкивался с нарастающими трудностями на внутривластительской арене и в международных отношениях, ему приходилось все более прибегать к силовым и авторитарным методам правления.

Вторая мировая война серьезно повлияла на расстановку сил в балканском секторе международных отношений. В столицах государств региона рассматривали складывающуюся ситуацию через призму взаимоотношений ведущих мировых держав — Германии, Италии, Великобритании, Франции и СССР. Осознание опасности для себя произошедшего германского броска на Восток 1 сентября 1939 г. пришло к правящим кругам государств Балканского полуострова сразу. Однако особенности внутривластительского положения в них выявили противоречия и ожесточенное соперничество между сторонниками и противниками одной из двух военно-политических группировок: германо-итало-японской и англо-франко-американской. Для большинства стран Балканского государства все отчетливее становилась угроза попадания в германскую или итальянскую «зону ответственности», которая при определенных обстоятельствах могла превратиться в соответствующую зону оккупации.

Балканско-средиземноморский регион представлял собой важный геостратегический объект, имеющий коммуникационное и военно-оперативное значение для связей Европы с Африкой и Ближним Востоком, а в более общем плане — с переднеазиатским регионом и Индостаном. Соперничество великих держав, таким образом, сказывалось и на балканских странах, превращавшихся в инструмент политики своих союзников-покровителей или противников. Поэтому, несмотря на существовавшее противоборство, в государствах Балканского полуострова испытывалось опасение относительно возможного провоцирования стран германского блока в случае слишком тесного взаимодействия как между ними, так и англо-французским блоком. Для Греции это имело конкретное значение, так как первоначально делавшаяся Афинами ставка на Балканскую Антанту и возможную гарантированную военную помощь Великобритании постепенно стала ослабевать после раздела Чехословакии. Мюнхенский договор, одним из активных участниц которого была Великобритания, создавал настороженность у тех из ее союзников-стран «второго ряда», которые в силу объективных обстоятельств не могли рассчитывать на собственные силы при защите своих национальных интересов в конфликте с германо-итальянским блоком. Однако разница между Чехословакией и Грецией (а также другими Балканскими странами) заключалась в том, что средиземноморский регион имел военно-политическое и оперативное-стратегическое значение для Британской империи, гарантируя ее интересы в Передней Азии, Африке и Индии. Однако в Афинах понимали, что, несмотря на очевидную заинтересованность Лондона в греческой лояльности, все-таки следует избегать конфронтации как с Италией, так и с Германией.

Ситуация в сентябре 1939 г. развивалась в неожиданном направлении для правительства И. Метаксаса. После вхождения германских войск в Польшу, объявления войны Германии со стороны Франции и Британии,

положившего конец так называемому Данцигскому кризису. основные военно-политические события развивались пока в западной и центральной частях Европы. «Южное направление» продолжало оставаться сравнительно спокойным, если не считать оккупацию итальянскими войсками Албании еще в апреле 1939 г. Более того, Б. Муссолини предложил И. Метаксасу заключить итало-греческий договор о ненападении. Расчет итальянского диктатора был сделан на то, чтобы оторвать Грецию от ее британского союзника и тем самым обеспечить возможность борьбы с ним в Средиземноморье в более благоприятных для себя условиях. Афины отказались от документа подобного рода, но отношения между Грецией и Италией не претерпели серьезных изменений в худшую сторону. Тем временем Великобритания и Франция постарались получить преимущество в районе Средиземноморья, заключив трехсторонний договор с Турцией. Политика Лондона, направленная на сохранение своего присутствия и влияния в регионе, была продолжена и в начале 1940 г., когда между Грецией и Великобританией был заключен договор о военных поставках Афинам. Одновременно активизировалась деятельность правительств Балканских стран, объединенных в региональную Антанту. В начале февраля 1940 г. в Белграде встретились министры иностранных дел Греции, Румынии, Югославии и Турции, которые согласились с необходимостью продления существования этой организации на ближайшие семь лет. Более того, участники конференции рассмотрели вопрос о принятии общей позиции в отношении начавшейся мировой войны.

Тем временем события в Европе приобретали драматический характер. Поражение стран Бенилюкса, а также Дании, Норвегии и Франции весной — летом 1940 г. в войне с Германией серьезно повлияло на поведение Балканских стран, каждая из которых уже ощущала на себе приближение к своим границам мирового военно-политического конфликта. Особенно это стало заметно, когда усилилось германское присутствие в государствах полуострова (как в экономическом, так и информационно-пропагандистском отношениях). Официальные органы информации Германии, включая и аналитические структуры типа научно-исследовательской группы, образовавшейся вокруг мюнхенского «Журнала геополитики», открыто объявляли юго-восточную Европу (нередко называвшуюся *балканско-дунайским регионом*) зоной германских интересов и территориальных устремлений. В свою очередь и Италия была крайне заинтересована в этой части континента по политическим и военно-стратегическим соображениям. Начатая 28 октября 1940 г. итало-греческая война стала рубежом в новогреческой истории.

Содержание

Предисловие	5
<i>Шемякин А. Л.</i> Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских	10
<i>Силкин А. А.</i> Характер югославского парламентаризма	54
<i>Гришина Р. П.</i> Болгария: опыт социализированной модернизации (конец XIX — первая половина XX в.)	83
<i>Улунян Ар. А.</i> Модернизация по-гречески: между переворотами и революциями, монархией и республикой	123

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *М. И. Леньшина*

Корректор *И. Е. Иванцова* • Оригинал-макет *Ж. О. Григорьева*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г. Издательство «Алетейя», 192019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, 13. Тел.: (812) 567-22-39, факс: (812) 567-22-53. E-mail: aletheia@rol.ru; www.orthodoxia.org//aletheia

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (095) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

Подписано в печать 07.10.2004. Формат 60x88¹/₁₆. Усл.-печ. л. 11,7.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 15. Отпечатано с готовых
диапозитивов в типографии ООО «Боргес», 196158, Санкт-Петербург,

Московское ш., д. 6. **Printed in Russia**

XIX
XX
Век

Человек на Балканах

